

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

4

2018

No 4

IJSHR

2018

Editorial Board

S.N. Baburin,

doctor of law, professor
(Russian Federation)

E.P. Bazhanov,

doctor of historical sciences, professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

I.S. Barchukov,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

V.K. Baturin,

doctor of philosophical sciences, candidate
of pedagogical sciences
(Russian Federation)

V.Y. Belsky,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

Y.B. Borev,

doctor of philology,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

V.N. Buzin,

candidate of sociology
(Russian Federation)

G.A. Vasilevich,

doctor of Law, professor
(Republic of Belarus)

R.B. Gandaloev,

candidate of political sciences
(Russian Federation)

D.I. Gryadovoy,

candidate of philosophical sciences, associate professor
(Russian Federation)

D.D. Dolidze,

doctor of medical sciences
(Russian Federation)

A.L. Zolkin,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

L.A. Kazantseva,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

R. Kvarackheliya, doctor of law

(Georgia)

A. Kiknadze, doctor of politology

(Georgia)

A.A. Laskin,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

A.A. Lebedev,

doctor of philology
(Russian Federation)

V.A. Lepekhin,

the director general of the EurAsEC Institute
(Russian Federation)

L.A. Nikitich,

doctor of philosophical science, professor
(Russian Federation)

L.M. Preygerman,

doctor of physical and mathematical sciences, professor
(Israel)

A.A. Rean,

doctor of pedagogical sciences, professor,
honored worker of Science, corresponding
member of RAO
(Russian Federation)

V.F. Rodin,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

A.P. Sadokhin,

doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

B.A. Spasennikov,

doctor of law,
doctor of medical sciences, professor
(Russian Federation)

A.M. Stolyarenko,

doctor of pedagogical sciences, doctor of psychology,
professor, honored worker of Russian higher school
(Russian Federation)

D. Skhirtladze,

doctor of medicine
(USA)

L.N. Tepman,

doctor of economic sciences, professor
(Israel)

Z.T. Toshchenko,

doctor of philosophical sciences, professor,
corresponding member of the Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

T.Y. Fhakadze,

doctor of medical sciences
(Russian Federation)

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences, professor,
Academician of the IASP
(Republic of Kazakhstan)

N.M. Chepurnova,

doctor of law, professor, honoured lawyer
of the Russian Federation
(Russian Federation)

G.S. Chovdyrova,

doctor of medical sciences, doctor
of psychology, professor (Russian Federation)

L. Sharvadze,

doctor of medicine
(Georgia)

A.A. Shirinyants,

doctor of political sciences, candidate of philosophical
sciences, professor of faculty of political science of MGU
(Russian Federation)

N.Y. Shtrecker,

doctor of pedagogical sciences, candidate
of philology, professor
(Russian Federation)

N.D. Eriashvili,

candidate of historical sciences, candidate of law,
doctor of economic sciences, professor
(Russian Federation)

Редакционная коллегия

С.Н. Бабурин,

доктор юридических наук, профессор
(Российская Федерация)

Е.П. Бажанов,

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

И.С. Барчуков,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

В.К. Батулин,

доктор философских наук, кандидат
педагогических наук (Российская Федерация)

В.Ю. Бельский

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Ю.Б. Борев,

доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профессор
(Российская Федерация)

В.Н. Бузин,

кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор
(Республика Беларусь)

Р.Б. Гандалоев,

кандидат политических наук
(Российская Федерация)

Д.И. Грядовой,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Д.Д. Долидзе,

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

А.Л. Золкин,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Л.А. Казанцева,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

Р. Кварацхелия,

доктор юридических наук
(Грузия)

А. Кикнадзе, доктор политологии

(Грузия)

А.А. Ласкин,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

А.А. Лебедева,

доктор филологических наук
(Российская Федерация)

В.А. Лепехин,

генеральный директор Института ЕвразЭС
(Российская Федерация)

Л.А. Никитич,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Л.М. Прейгерман

доктор физико-математических наук, профессор
(Израиль)

А.А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО
(Российская Федерация)

В.Ф. Родин,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

А.П. Садохин,

доктор культурологии, кандидат
философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Б.А. Спасенников,

доктор юридических наук, доктор
медицинских наук, профессор
(Российская Федерация)

А.М. Столяренко,

доктор педагогических наук, доктор
психологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
(Российская Федерация)

Д. Схиртладзе,

доктор медицины
(США)

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профессор
(Израиль)

Ж.Т. Тощенко,

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

Т.Я. Фхакадзе,

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО
(Республика Казахстан)

Н.М. Чепурнова,

доктор юридических наук, заслуженный
юрист РФ, профессор
(Российская Федерация)

Г.С. Човдырова,

доктор медицинских наук, доктор
психологических наук, профессор
(Российская Федерация)

Л. Шарвадзе, доктор медицины

(Грузия)

А.А. Ширинянц,

доктор политических наук, кандидат философских наук,
профессор факультета политологии МГУ
(Российская Федерация)

Н.Ю. Штрекер,

доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, профессор
(Российская Федерация)

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических
наук, доктор экономических наук, профессор
(Российская Федерация)

CONTENTS 4/2018

Chief editor

V.Y. Belsky,

doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,

doctor of philosophical sciences,
professor

Responsible for issue

R.B. Gandaloev,

candidate of political sciences

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili,

candidate of historical sciences,

candidate of law, doctor of

economics,

professor, laureate of the Russian

Federation Government prize in

Science and Technology.

E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

CEO of publishing house

«UNITY-DANA»

V.N. Zakaidze

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi, 0186,

Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate

433103973

in USA:

3565 Edencroft Road, Huntingdon

Valley, Pennsylvania

D. Skhirtladze, MD, MPH

+12157605939

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

3, Tze'Elim, Yokneam

L.N. Tepman,

doctor of economical sciences,

professor

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

30, Gagarin str., Shymkent

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers don't

bear responsibility for quality,

correctness and a correctness

of citing works by authors of articles.

Responsibility for quality, correctness

and a correctness of

citing works are born only by authors

of the published materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

N.V. Asonov. Problem of ensuring public safety with civil and religious type of bourgeois society in modern political process	5
V.U. Belskiy. K.D. Ushinsky about general and peculiar in national systems of education and problems of formation of modern strategy of philosophy of education	8
V.U. Belskiy. Philosophy of Karl Marx in the system of modern imaging as the overcoming of utopic capitalism	12
V.A.Boldarev, M.V. Saudakhanov. Some aspects of countering terrorism: foreign experience	16
D.N. Borovinskaya. Prospects for the development of creativity in the context of globalization	19
A.N. Borozdin. Civilizational paradigm of Russia of classical Slavophilism	23
O.V. Galaeva. Perception of traffic police personnel by road Users	29
N.N. Gusev. Conceptual foundation of western european liberalism and cocervatism in the XIX cntury	35
N.V. Zhuleva. About the formation of conceptual basis of interdisciplinary research on the example of the concept of «entropy» in biophysics	41
A.L. Zolkin. Personal identity in the information space of culture and the problems of modern education	47
A.I. Klimenko. Value bases and legai ideology of Scottish separatism	52
V.A. Lepeshin. Values of Russian civilization in the context of studying its foundations	56
A.B. Moiseev. Methodological problems creations of institute of police in the Russian Federation in the first quarter of the 21ST century	60
V.V. Neganov. The philosophy of spiritual and moral bases for public service	64
I.V. Polozova. Philosophical and apologetic ideas I.A Ilyin	67
P.Y. Samoilenko. «Eastern vector» policy realization and protection of russian national interests in information and image value	71
S.F. Samoilov. Social structure of the modern Russian criminal subculture	77
S.F. Samoilov, S.Y. Prosvetov. Knowledge of development forms of spiritual life in the professional activity of the police staff	82
A.I. Sacuta. The geopolitical position of modern Russia and its impact on national security	86
A.V. Chusov. On science as objectivization of subjective and conceptual foundations of grounded knowledge	92
D.V. Shikunov. On the interpretation of extremism in modern Russia	98

СОДЕРЖАНИЕ 4/2018

Главный редактор

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук,
профессор

Научный редактор

А.В. Золкин,
доктор философских наук,
профессор

Ответственный за выпуск

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук

*Главный редактор
Объединенной редакции*

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

*Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»*
В.Н. Закаидзе

123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент
М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru
Свидетельство о регистрации
433103973

в США: штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565

Д. Схиртладзе,
доктор медицины
E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Иокнеам, ул. Цеелим, д. 8

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук,
профессор
E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:

г. Шемкент, ул. Гагарина, д. 30, кв. 57

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО
Тел: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Редакция и внешние рецензенты
не несут ответственности за
качество, правильность
и корректность цитирования
произведений авторами статей.
Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
несут исключительно авторы
опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

- Н.В. Асонов.** Проблема обеспечения общественной безопасности гражданским и религиозным типом буржуазного общества в современном политическом процессе 5
- В.Ю. Бельский.** К.Д. Ушинский об общем и особенном в национальных системах воспитания и проблемы формирования современной стратегии философии образования 8
- В.Ю. Бельский, А.Л. Золкин.** Философия Карла Маркса в системе современного образования как преодоление утопического капитализма 12
- В.А. Болдарев, М.В. Саудаханов.** Некоторые аспекты противодействия терроризму: опыт зарубежных государств 16
- Д.Н. Боровинская.** Перспективы развития креативности в условиях глобализации 19
- А.Н. Бороздин.** Цивилизационная парадигма России классического Славянофильства 23
- О.В. Галаева.** Образ личного состава дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции МВД России в сознании участников дорожного движения 29
- Н.Н. Гусев.** Концептуальные основы западноевропейского либерализма и консерватизма в XIX веке 35
- Н.В. Жульева.** О становлении концептуального базиса межпредметной области научных исследований на примере понятия «энтропии» в биофизике 41
- А.Л. Золкин.** Личность в информационном пространстве культуры и задачи современного образования 47
- А.И. Клименко.** Ценностные основания и правовая идеология Шотландского сепаратизма 52
- В.А. Лепехин.** Ценности Российской цивилизации в контексте изучения ее оснований 56
- А.Б. Моисеев.** Методологические проблемы создания института полиции в Российской Федерации в первой четверти XXI века 60
- В.В. Неганов.** Философия духовно-нравственных оснований государственного служения 64
- И.В. Полозова.** Философско-апологетические идеи И.А. Ильина 67
- П.Ю. Самойленко.** Информационно-имиджевые проблемы реализации политики «Восточного вектора» и вопросы обеспечения российских национальных интересов 71
- С.Ф. Самойлов.** Социальная структура современной Российской криминальной субкультуры 77
- С.Ф. Самойлов, С.Ю. Просветов.** Знание девиантных форм духовной жизни в профессиональной деятельности сотрудников полиции 82
- А.И. Сацута.** Геополитическое положение современной России и его влияние на национальную безопасность 86
- А.В. Чусов.** О науке как объективации субъектных, предметных и концептуальных оснований обоснованного познания 92
- Д.В. Шикунов.** Об интерпретации экстремизма в современной России 98

Problem of ensuring public safety with civil and religious type of bourgeois society in modern political process

Проблема обеспечения общественной безопасности гражданским и религиозным типом буржуазного общества в современном политическом процессе

Nikolay Vasilyevich Asonov,
professor of department of political science
of Institute of history and policy
Moscow pedagogical state university,
doctor of political sciences, associate professor
E-mail: nbassonov@yandex.ru

Николай Васильевич Асонов,
профессор кафедры политологии Института
истории и политики Московского педагогического
государственного университета,
доктор политических наук, доцент
E-mail: nbassonov@yandex.ru

Научная специальность: 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

Annotation. Public safety as the social phenomenon *napryachmy* is connected with the system of the moral principles and norms dominating in society. The model of «the modular person» which is formed in modern bourgeois society is aimed at refusal of traditional ethical standards and values, first of all, of religious. The specified situation is fraught with destruction of public order under the influence of immoral mercenary motivation of members of this society. Transformation of law enforcement agencies in the tool of class dictatorship of the bourgeoisie menacing to the principles of democracy and equality declared in quality of the basic principles of the political organization of modern society is a consequence of similar negative succession of events.

Key words: public safety, bourgeoisie, civil society, «the modular person», ethical standards and values, law enforcement agencies, political process, political domination

Аннотация. Общественная безопасность как социальное явление напрямую связана с господствующей в обществе системой нравственных принципов и норм. Модель «модульного человека», формирующаяся в современном буржуазном обществе нацелена на отказ от традиционных нравственных норм и ценностей, прежде всего, религиозных. Указанная ситуация чревата разрушением общественного порядка под влиянием безнравственной корыстной мотивации членов данного общества. Следствием подобного негативного развития событий является трансформация правоохранительных органов в орудие классовой диктатуры буржуазии, угрожающее принципам демократии и равенства, декларируемым в качестве основных принципов политической организации современного общества.

Ключевые слова: общественная безопасность, буржуазия, гражданское общество, «модульный человек», нравственные нормы и ценности, правоохранительные органы, политический процесс, политическое господство

Еще в древности люди отметили прямую зависимость общественной безопасности от нравственного климата, влияющего на систему ценностей и целей людей. Войдя в церковное право, нравственность подчинила себе нормы светских канонов, вскрыв господство в людях зла. Это привело к изменению всей социальной жизни и признанию сферы бизнеса весьма опасной для духовных начал человеческого общежития. Однако крушение феодального общества способствовало пересмотру утвердившихся правил и введению новых. Захватив экономическую и политическую власть, буржуазия поставила над церковным правом свое, оправдав не только рыночные отношения как благо, но и признав торжества добрых начал в человеке. Был сделан вывод, что развитие буржуазного типа гражданского общества и его религии способно привести

нас к построению подлинной демократии и обеспечить высокий уровень общественного порядка, так как в ходе постоянной конкуренции брать верх будут лучшие.

Поражение СССР в ходе «холодной войны» позволило его победителям приступить к демонтажу традиционных форм общностей и их религиозных ценностно-целевых установок как мешающих всеобщему прогрессу. Взамен нас призвали поверить в способность всех стран, включая Россию, построить «социальное государство» как развитый тип гражданского общества. В нем, якобы, «моральное сообщество, объединенное преданностью своих членов идеалам свободы,... станет всеобщим и выкует для всех наций новый мировой порядок, намного более прочный и безопасный, чем любой, какой нам до сих пор известен» [1, с. 484]. Этот проект доказывал, что

мы подошли к созданию единой организации будущего, связанной только с наследием политической теории и практики США, ибо до 1776 г. «настоящих» демократий «не было ни одной во всем мире» [6, с. 95]. Ведь, согласно неолиберальной и либертариистской социальной доктрине, только индивид, а не общество, является высшей ценностью и потому свободы и права, данные ему от рождения, не могут быть от него отчуждаемы. Тем самым принцип «laissez faire» приобрел священный ореол и полную поддержку власти, особенно, если это касалось бизнеса.

Гражданское общество и гражданская религия стали рассматриваться как синоним общества потребления, формирующего «модульного человека». Эта «модульность», уча нас в первую очередь любить себя, требует отказаться от традиционных религий, видящих корень всех зол в сребролюбии и потому призывающих иметь «нрав несребролюбивый, довольствуясь, тем, что есть» [5, 13; 5]. В нас развивается постоянное недовольство своими социальными статусами и ролями, включая имущественное положение, толкающее на новые преступления. Это значит, что общественный порядок будет все больше и больше ослабевать, т.к. правоохранительные органы, будучи частью такого общества, не смогут избежать коррумпированности и нравственного распада, обрекая всю страну на вырождение и гибель. Ибо, как писал А.С. Панарин, «нынешние победители... в глобальном масштабе, не рассчитывая привлечь на свою сторону лучших, активизируют худших, выдавая их за современный человеческий стандарт. ... Такая стратегия победителей чревата глобальным гуманитарным риском для всего человечества. ... Который поневоле превратит этот порядок в заложника голой полицейской силы — неприкрытой диктатуры меньшинства» [4, с. 14].

Если это так, то с точки зрения обеспечения общественного порядка особую остроту приобретает оценка буржуазного типа гражданской общности и ее отношения к религии, сделанная К. Марксом и Ф. Энгельсом. Будучи последователями Г.-В. Гегеля, они взяли на вооружение ту часть его учения, которую идеологи буржуазного типа гражданского общества предпочли обойти молчанием. Между тем, при всем своем социальном оптимизме, Гегель не был столь наивен в оценке человека как политического существа. В третьей части своих «Лекций по философии религии» он писал: «Некоторые думают, что они высказывают чрезвычайно глубокую мысль, говоря: человек по своей природе добр; они забывают,

что гораздо больше глубокомыслия в словах: «человек по своей природе зол»». Опираясь на это суждение, Маркс и Энгельс сделали вывод, согласно которому, «у Гегеля зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического процесса. ... с тех пор, как возникла противоположность общественных классов, двигателями исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие» [7, с. 307-308].

Поэтому, указывая на всю «лживость учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и всеобщем благоденствии», способных создать социально-экономическую основу общественного порядка и мира, они дали понять, что «для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов» [8, с. 333]. Чтобы эта воровская деятельность имела свое сакральное оправдание, религия должна стать «исключительным достоянием господствующих классов, пользующихся ей, как средством управления, как уздой... В добавок, на деле оказывается совершенно безразличным, — верят, или не верят сами эти господа в свои религии» [7, с. 325].

В той же степени буржуазной демократии нужен союз с наукой, ибо наука наделяет буржуазию прикладными знаниями, способствуя развитию капитала. При этом капитал, как и политическое господство, надо защищать, а для этого нужна полицейская сила. Поэтому буржуазия будет стремиться «застолбить» за собой право на монопольное владение ею. Одновременно она будет стараться монополизировать свое господство в нормативно-правовой сфере. Где «права человека, в отличие от прав гражданина, ни что иное, как права члена гражданского общества, т.е. эгоистического человека, человека обособленного от людей и общежития». [3, с. 208].

Подобная «индивидуальная свобода, как и индивидуальное применение ее, образует основу гражданского общества. Она заставляет всякого человека находить в другом человеке не осуществление, а, наоборот, границу своей свободы. Но превыше всего она ставит право человека наслаждаться и пользоваться по своей воле своим преимуществом, доходами, продуктом труда и предприимчивости». Причем, безопасность, являясь высшим социальным понятием гражданского общества, «остается понятием полицейским», считая, что все «общество существует лишь для того, чтобы обеспечить каждому его члену неприкосновенность его личности, его прав и его собственности. В этом смысле...

безопасность есть, скорее, гарантия его эгоизма. Следовательно, ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека... как индивида, ушедшего в себя, в свои частные интересы и свою частную волю и обособившегося от общезития» [3, с. 209].

В таких условиях ««свободная человечность» и ее «признание» суть не что иное как признание эгоистического гражданского индивидуума», занятого «грязной погоней за наживой». Поэтому т.н. ««свободное гражданское общество» носит насквозь коммерческий еврейский характер». Здесь «религия приносится в жертву государству», а «рабство гражданского общества» приобретает «видимость величайшей свободы», где «на место привилегии стало право». При этом, «право человека на свободу перестает быть правом, как только оно вступает в конфликт с политической жизнью, тогда как в теории политическая жизнь есть... гарантия человеческих прав» [2, с. 124-125,128]. С т.з. Маркса и Энгельса торгашество составляет сущность светского, повседневного еврея, победившего в себе еврея субботы. Торгашество стало его светским культом, а деньги его светским богом. В гражданском обществе еврей и «освобождает себя по-еврейски не только тем, что присваивает себе денежную власть, но и тем, что через него и помимо него деньги стали мировой властью, а практический дух еврейства — практическим духом христианских народов. ... и тот, кто пошел за идеологией евреев сам стал евреем» [3, с. 213].

В итоге «евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями». И теперь «в их глазах мир ни что иное, как биржа, и они убеждены, что на этом свете у них нет иного назначения, как стать богаче своих соседей. Торгашество овладело всеми их помыслами... Практическое господство еврейства над христианским миром достигло в Северной Америке своего недвусмысленного, нормального выражения в том, что ... купец «стоит во главе почтенного религиозного общества и богослужебная деятельность духовенства является настоящим коммерческим предприятием». Таким образом, деньги сделали «всеобщей, в себе самой конституировавшейся стоимостью всех вещей, ... и это чуждое существо повелевает им, а он молится на него» [3, с. 213].

Чем в таких условиях становится демократия? А не чем иным как «недостатком в людях, которые могли бы управлять вами, и покорность этому неизбежному недостатку, попытка устроиться без них. Никто тебя не гнетет, тебя, свобод-

ного и независимого избирателя». При этом, цитируя Карлейля, Ф. Энгельс указывает нам на наше новое состояние рабства: «ты раб... своих собственных животных похотей, и ты говоришь еще о свободе! Ты круглый дурак! Представление, будто свобода человека состоит в том, чтобы подать свой голос на выборах и сказать: вот теперь мне тоже принадлежит одна двадцатитысячная доля оратора в нашей национальной говорильне ... это представление одно из самых смешных в свете. Свобода, покупаемая тем, что вы себя взаимно изолируете, ничего общего не имеете друг с другом, кроме наличных денег и главной кассовой книги, эта свобода в конце концов окажется для миллионов трудящихся свободой голодной смерти» [3, с. 359].

Рассчитывать здесь на победу добрейших в ходе политической и рыночной конкуренции, помогающей вращению капитализма в социализм, создающей «классовый мир» и общественную безопасность, не приходится. Значит, если мы хотим добиться реального и качественного снижения преступности и дать нашим гражданам спокойно жить и трудиться, мы должны идти в будущее своим путем и опираться на свой гуманистический потенциал национально-исторических традиций и их религиозных ценностей и целей, уходя от буржуазной модели гражданского общества. Для России это соборные начала, успешным выражением которых стала власть Советов.

Список литературы

1. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2016. 512 с.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1984. 549 с.
3. Мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии. М.: Атеист, 1927. 450 с.
4. *Панарин А.С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
5. Письмо к Евреям Святого Апостола Павла / Павел (Апостол) // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета (канонические). М.: ВС ЕХБ, 1990. 926+296 с.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.
7. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 6. М.: Политиздат, 1987. 664 с.
8. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1986. 779 с.

K.D. Ushinsky about general and peculiar in national systems of education and problems of formation of modern strategy of philosophy of education

К.Д. Ушинский об общем и особенном в национальных системах воспитания и проблемы формирования современной стратегии философии образования

Vitaliy Urievich Belskiy,
doctor of philosophical science, professor, the head
of the Department of Sociology and Political Science
of Moscow University of the MIA of Russia named
after V. Ya. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич Бельский,
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Annotation. The article analyzes the views of K.D. Ushinsky to the national school. The problem of nationality is considered in relation to education and upbringing.

Key words: education, upbringing, pedagogy, philosophy, nationality, national school

Аннотация. В статье анализируются взгляды К.Д. Ушинского на национальную школу. Рассматривается проблема народности применительно к образованию и воспитанию.

Ключевые слова: образование, воспитание, педагогика, философия, народность, национальная школа

Дискуссии о цивилизационных моделях современного мира в значительной мере определяются геополитической, геоэкономической и культурологической проблематикой. Если цивилизации имеют несовпадающие культурные системы, то, вполне очевидно предположить, что и соответствующие модели социализации должны быть различными. А значит, различаться будут и образовательные системы¹.

В рамках высшего образования в настоящее время идет дискуссия между сторонниками либеральной «Болонской» системы и поборниками системы советской. И та, и другая системы — не просто наднациональные, они вытесняют национальную идентичность. Нужна ли сегодня национальная идентичность? Либералы с порога отвечают отрицательно, а «имперцы» сомневаются в нерешительности, поскольку Россия — страна многонациональная, да и союзников за рубежом мы можем получить на основе только наднационального проекта.

И, тем не менее, сегодня цивилизационный проект России не может игнорировать проблему национальной идентичности, просто потому, что подобная идентичность является одной из составных идей проекта. Современное человечество стоит перед выбором: либо оно сохраняет национально-культурные миры, либо разрывает

связь с национальной традицией. С рациональной точки зрения, национально-культурная традиция не дает особых преимуществ в современном мире, но каковы антропологические последствия этого выбора? В эпоху мрачного шествия мультикультурализма и трансгуманизма, проблема народности вновь становится актуальной.

В социально-философской концепции К.Д. Ушинского принцип народности выступает как существенная сторона процесса всестороннего воспитания человека, как проявление особенного во всеобщем, как отражение национального интереса².

Считается, что слово «народность», как отмечал М.К. Азадовский в «Истории русской фольклористики», было впервые введено в русский язык П.А. Вяземским в 1819 году и сразу же вошло в широкое обращение.

Почти сразу же после появления термина возникли две линии в трактовке нового понятия: либеральная, где национальная самоидентификация не противопоставлялась общечеловеческим ценностям, и консервативная, где доминировало стремление к противопоставлению национальных ценностей иностранным.

В 1820-х годах первой позиции придерживался Н.М. Карамзин, вторую позицию разделял адмирал А.С. Шишков, являвшийся в 1824—1828 годах министром народного просвещения.

А.С. Шишков одним из первых применил идею народности к воспитанию. Так, в 1824 году, разрабатывая новый план народного просвещения, он указывал на то, что: «Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское»³. Кроме того, Шишков, считая, что «многознайство уму не научает», пытался показать необходимость выделения воспитания в особую самостоятельную науку.

Продолжая консервативную линию, С.С. Уваров, будучи впоследствии министром народного просвещения, создал «теорию официальной народности», получившую свое название с легкой руки А.Н. Пыпина.

Смысл и содержание понятия «народность» в истории русской социально-философской мысли глубоко были разработаны ранними славянофилами. Славянофилы пытались выделить специфику русской системы воспитания, опирающейся на историю и традиции русского народа. С.А. Левицкий, анализируя социально-философские взгляды славянофилов, отделяя их от идеологов «официальной народности», особо обращает внимание на то, что, хотя они и были либеральными демократами и монархистами, но все же «их стояние за «русскость», за «русский дух» ничего общего не имело с квасным патриотизмом...»⁴.

Существенное влияние на К.Д. Ушинского оказали такие важные принципы славянофильства как «народность», означающая представление о существовании в жизни народа особых «народных» начал, и православная религиозность, означающая, в свою очередь, определяющую роль в представлениях о национальной самобытности религиозного фактора.

В силу обстоятельств Ушинский долгое время жил за границей, изучая быт, традиции, нравы, образ жизни того или иного народа, пытаясь выявить существенные признаки господствующей в том или ином обществе системы воспитания. Ученый выделяет и рассматривает различные системы воспитания: немецкую, английскую, французскую и североамериканскую, для того, чтобы лучше вычленил специфику русской системы воспитания.

Давая общую социально-философскую характеристику исторической основы европейского воспитания, Ушинский обращает внимание на внешнее сходство систем воспитания не только в предметах обучения, но даже в самой организации учебных заведений, дидактических приемах и законах школьной дисциплины. Данное сходство объясняется тем, что исторически все системы

воспитания начинали с опоры на христианское учение. Ситуация изменилась с формированием национальных государств.

Новое время, подчеркивает Ушинский, это период, когда «средневековые деления уступают место делению на великие нравственные существа — государства и народы, и классическое понятие о любви к отечеству, скрывавшееся прежде в сердцах людей за любовью к своей общине, к своему сословию, к своему званию, снова возвращается и выступает на первый план»⁵.

Вся нравственная жизнь стала формироваться внутри государств, и опираться в большей степени на национальные традиции⁶. Общими для различных государственных систем воспитания остались лишь классическая литература и языки, классическая древность, которые, по мнению Ушинского, являют собой «не более как тяжелые вооружения средневекового арсенала, разобранные для современного маскарада»⁷.

Ушинский пытается доказать, что у каждого народа существует своя, особенная национальная система воспитания, своя особая цель и свои особые средства к достижению этой цели.

Так, отличительной чертой германского воспитания Ушинский считает «наклонность к отвлечению и выходящую из нее наклонность к системе»⁸. Любую мысль немец обязательно возведет в философскую систему, пусть даже и не имеющую никакого смысла. Немецкое воспитание стремится объять весь мир целиком. Подобная страсть к абстракциям и системе, «создает великих ученых, познания которых обнимают весь мир, ... но она же создает и немецких мечтателей и мечтательниц в молодости и самых мелочных формалистов и педантов под старость. Глубокомыслие и ученость — лицевая сторона этой народной наклонности; педантизм и резонерство — оборотные ее стороны»⁹.

Как утверждает Ушинский, особенности германского характера наложили особенный отпечаток и на общественное образование Германии. «По страсти все систематизировать германцы возвели и искусство воспитания на степень науки, наравне с бесчисленным множеством других чисто немецких наук, и с любовью разработали ее в многотомные системы, обладающие тысячами подразделений»¹⁰. Но несмотря на твердое убеждение немецких педагогов, что они работают над воспитанием человека вообще, к какому бы народу он ни принадлежал, Ушинский утверждает, что немецкая педагогика является чисто немецкой наукой.

В действительности окончательной целью германского воспитания является наука, а нрав-

ственность при этом отождествляется с ученостью. Человек ученый, — заключает Ушинский, — и человек хорошо воспитанный для немца одно и то же, хоть он и старается положить в своей педагогической теории границу между этими двумя понятиями, но на деле эта черта исчезает. Германская педагогика и на характер человека думает действовать не иначе, как через посредство знаний.

Общественное воспитание Англии, по мнению Ушинского, является полной противоположностью идее воспитания Германии. Он обращает внимание на тот факт, что англичане не очень озабочены полнотой и системностью знаний, и ученость считают лишь одной из профессий человека. Для английского воспитания наука не цель, но одно из средств развития характера, привычек, образа мыслей и метода. Истинный джентльмен — вот идеал, к осуществлению которого направлено все английское воспитание. «Главное в английском воспитании — это характер, привычка владеть собой, отличающая всякого истинного джентльмена. На образование и укрепление характера обращено главное внимание английского воспитания»¹¹.

Подобное формирование характера человека оказывает неоценимую пользу английскому обществу. Ушинский приводит здесь слова одного из английских авторов Каннинга, который утверждает: «Если наша история представляет нам почти непрерывный ряд людей, которые в самых трудных положениях нашей страны явились ее опорой, сильные на словах и на деле; если мы ни в одной области управления не нуждаемся в людях, которые бы могли найти средства и достигнуть цели, то за это мы, прежде всего, должны быть благодарны системе наших публичных школ и нашим университетам»¹².

Нравственный идеал английского воспитания, считает Ушинский, никак нельзя перенести на немецкую почву, и наоборот. Одна из причин этого состоит в том, что английское воспитание существует лишь для избранных, для тех, кто хочет стать джентльменом, и имеет для этого возможности. Таким образом, чтобы достичь нравственного совершенства, необходимо сначала заработать капитал. Те, кто не в состоянии этого сделать, должны довольствоваться воспитанием, которое строится на «христианской обязанности церкви».

Основу новой педагогики во Франции, полагал К.Д. Ушинский, заложил Наполеон, деятельность которого в этой сфере он высоко ценил. И все же французская система воспитания, по мнению Ушинского, может похвастаться только

своей «необыкновенной централизацией». В результате народный идеал перестал совпадать с идеалом, проводимым в школах и университетах, если он вообще был. Поэтому, по мнению Ушинского, нет такой страны, где бы народ так мало ценил пользу воспитания. Чиновники от педагогики рьяно следят, как учат детей «математике, французскому или немецкому языку, но им нет никакого дела до нравственности и привычек»¹³. Никакого дела до нравственности и привычек нет и родителям.

Ушинский никак не мог привыкнуть к легкомысленному отношению французов к нравственному и семейному воспитанию. Семья, имеющая для русского человека огромное значение, для француза была лишь формальной необходимостью и жизненной обузой. Эта черта не претерпела существенных изменений, оставаясь актуальной проблемой и в современной системе воспитания французов. Так же поражало ученого и стремление к состязательности, удовлетворению личного самолюбия и эгоистического стремления выделиться любой ценой. Самолюбие Ушинский считает главной чертой француза. Для развития и укрепления этой черты французские воспитатели нашли множество гениальных средств: «жалуют своих воспитанников орденами, производят их в чины и печатают их имена в газетах»¹⁴.

Подобного же мнения придерживался и великий современник Ушинского Ф.М. Достоевский, примерно в это же время (летом 1862 года) побывавший во Франции. «Западный человек, — писал Достоевский, — толкует о братстве, как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности... в природе французской, да и вообще в западной его в наличии не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в собственном Я, сопоставления этого Я всей природе и всем остальным людям, как самоправного отдельного начала, совершенно равного всему тому, что есть кроме него. Ну, а из такого самопоставления не могло произойти братства»¹⁵.

Все свои силы, по мнению Ушинского, Франция вложила в развитие технических заведений. Ученый высоко оценивает деятельность парижской Политехнической школы, успехи которой показывают необыкновенную способность французов в этом деле. Но, восхищаясь подготовкой талантливых артиллеристов, инженеров, механиков, математиков, он справедливо замечает, что это не может составлять единственную задачу

воспитания. Ушинский соглашается с мнением выдающегося немецкого педагога А. Дистервега, который считал, что «можно быть глубоким ученым и вместе с тем никуда не годным и безнравственным человеком... можно быть прекрасным техником и никуда не годным членом семьи...»¹⁶. Поэтому, заключает Ушинский, французская система нравственного воспитания никак не может вызвать зависти. «Внешний блеск, тщеславие и материальная польза — характеристические черты французского общественного воспитания»¹⁷.

Таким образом, подводя итог рассмотрения Ушинским систем воспитания различных стран, вслед за ним, можно сделать вывод о том, что различие в системе нравственных ценностей того или другого народа носит не случайный характер, и не зависит от случайных обстоятельств, «но выходит из более глубокого источника: из той особенной идеи о воспитании, которая составила у каждого народа»¹⁸.

Ученый постоянно пытается привести свои взгляды в систему¹⁹. При всей внешней схожести немец, англичанин, француз, американец понимают под воспитанием различные вещи, и ставят перед ним различные цели и задачи. **Поэтому механическое перенесение системы образования одной страны в лоно другой, не может привести к нравственному результату, но приводит только к путанице умов и разложению нравов.** Задача национального воспитания, по мнению Ушинского, заключается в том, чтобы, опираясь на народный характер, найти способ соединения нравственного идеала с конкретным человеком.

В результате К.Д. Ушинский приходит к следующему пониманию народности в русском воспитании: «Глубокие душевные принципы патриархального быта, чуждые, с одной стороны, юридической строгости римского права, более или менее легшего в основу быта западных народов, а с другой — меркантильной жестокости и расчетливости, преобладание то льющегося неприметным ручьем, то расстилающегося широкой рекой славянского чувства, порывистого, неровного, но имеющего достаточно силы, чтобы иногда одним натиском вывести человека из самой глубины нравственного омуты на вершины человеческого достоинства; необыкновенное обилие инстинктов, скорее угадывающих, нежели изучающих; необыкновенная, изумляющая иностранцев восприимчивость ко всему чуждому, льется ли оно с востока или запада, и вместе с тем стойкость в своей национальности, хотя часто бессознательная; наконец, древняя православная религия с ее всемирно-историческим значением, религия, превратившаяся в плоть и кровь народа, — вот что должно про-

явиться в народности русского воспитания, если оно хочет сделаться действительным выражением народной жизни, а не насильственным, чуждым народности подражанием, не растением без корня, которое, беспрестанно увядая, беспрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться с чуждой почвы, пока наша вновь его испортят»²⁰.

Подводя итог своим размышлениям над проблемами нравственного воспитания народа, Ушинский формулирует следующие выводы: «Общей системы народного воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории»²¹. Он считает необходимым изучать драгоценный опыт нравственного воспитания в других странах, который, по его мнению, принадлежит всем народам, так же как и результаты мировой истории.

Именно Ушинским категория «народность» была сформулирована как социально-философская идея, а не как совокупность признаков, отличающих данную в данный момент народность от других наций.

¹ Бельский В.Ю. О цивилизационном проекте современной России // Уфа: VII Российский философский конгресс: «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений». С. 131. 2015.

² Бельский В.Ю. Становление философских взглядов К.Д. Ушинского // Болгария, Пловдив// Humanus. Международное многоязычное научно-теоретическое приложение с. 30-37. 2014.

³ Хрестоматия по истории педагогики, М., 1938. Т. 4.

⁴ Левицкий С.А. Очерки по русской философии М., 1996. С. 52.

⁵ Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 197.

⁶ Бельский В.Ю. Нравственность как квинтэссенция русского духа // Руза: МофМосУ МВД России им. В.Я. Кикоты: Материалы межведомственной научно-практической конференции «Традиции русского патриотизма». С.170-173. 2016.

⁷ Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 198.

⁸ Там же. Т. 1. С. 198.

⁹ Там же. Т. 1. С. 199.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 199.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 205.

¹² Там же. Т. 1. С. 208.

¹³ Там же. Т. 1. С. 175.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 214.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Возвращение братства. М., 1989. С. 485.

¹⁶ Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 215.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 215.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 227.

¹⁹ Бельский В.Ю. К вопросу о ключевых социально-философских, антропологических и педагогических аспектах учения К.Д. Ушинского // М: изд. Акад. им. Н.Е. Жуковского. Сб. научн. трудов: «Философские исследования и современность», вып. 4. С. 41-59., 2015.

²⁰ Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1988. Т. 1. С.255.

²¹ Там же. Т. 1. С. 255.

Philosophy of Karl Marx in the system of modern imaging as the overcoming of utopic capitalism

Философия Карла Маркса в системе современного образования как преодоление утопического капитализма

Vitaliy Urievich Belskiy,

doctor of philosophical science, professor, the head of the Department of Sociology and Political Science of Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Andrey Lvovich Zolkin,

doctor of philosophy, professor for the department of philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.J. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Виталий Юрьевич Бельский

доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Андрей Львович Золкин,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: az20042004@mail.ru

Annotation. The Article analyzes the concept of social reality in Karl Marx's philosophy. The problem of the development of the dialectical method of Marxism in the perspective of the formation of modern system concepts of society is considered. Possibilities of synthesis of civilizational and formational models of development of society are revealed.

Key words: philosophy, society, dialectics, system, alienation, capitalism, socialism, formation, civilization

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции социальной реальности в философии Карла Маркса. Рассматривается проблема развития диалектического метода марксизма в перспективе формирования современных системных представлений об обществе. Выявляются возможности синтеза цивилизационной и формационной моделей развития общества.

Ключевые слова: философия, общество, диалектика, система, отчуждение, капитализм, социализм, формация, цивилизация

В творческой биографии Карла Маркса (1818—1883) философия как систематическое учение занимает относительно скромное место. Философские исследования Маркс вел в молодости, а затем профессионально занимался экономической теорией и лишь частично касался философских проблем в своих трудах. Однако методология Маркса имела в целом философский характер.

В области философии Маркс считал себя учеником и последователем Гегеля, претендуя лишь на относительную самостоятельность собственных идей. Тем не менее, он все же сумел критически подойти к гегелевской традиции и по-своему, оригинально реализовать некоторые потенции антропологии Фейербаха. Наиболее значительными были исследования Маркса в сфере философии истории и философской антропологии. Ключевым понятием здесь выступает понятие отчуждения. Его суть в том, что некоторые свойства человека или результаты его деятельности делаются для него чуждыми, а затем

подчиняют или поработают своих собственных создателей.

Отчуждение для Маркса есть некая организующая структура человеческой деятельности, которая захватывает весь социальный универсум. Во всей истории «собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над ней» [1. с. 30-31]. Человек, или люди, сами создают все то, что сами же и отчуждают, делают чуждыми себе. При этом «отчужденные силы» становятся достаточно автономными от человека, как, например, государство. Хотя люди постоянно создают эту форму своего общежития, для них она выступает как данная, внеисторичная, абсолютная.

Процесс освобождения от отчуждения Маркс называл социальной революцией. Враждебный людям мир отчуждения должен превратиться в мир разумных, моральных отношений между человеком и природой, что одновременно означает и универсальное развитие, полный расцвет

сущностных сил человека. Развитие этой идеи Маркс связывает с обоснованием концепции научного коммунизма, которая связывается с преодолением как утопического социализма, так и утопического капитализма. Этой проблеме посвящен, в частности, «Манифест Коммунистической партии». Маркс и Энгельс считают главной ошибкой социалистов-утопистов (Сисмонди, Бабеф, Сен-Симон, Фурье, Оуэн) их непризнание самостоятельной исторической роли пролетариата. Социалисты проклинают капиталистическое общество, но указать выход из критической ситуации не могут. Утопическому социализму противостоит «научный» социализм, вооруженный знанием, раскрывающим тайну капиталистического производства. Материалистическое понимание истории открывает единственно верный путь к освобождению трудящихся от ига капитала.

Утопический капитализм Маркс преодолевает в «Капитале». Он показывает, что капитализм представляет собой очередной эксплуататорский строй, а не воплощение свободы, как полагали буржуазные идеологи. Только эксплуатация как насильственное принуждение к труду теперь носит не явный политический характер, как это было прежде, а скрытый экономический характер. Политическая надстройка лишь оформляет эту скрытую эксплуатацию системой либеральных свобод. В политэкономической теории Маркс выделяет у товара две стоимости — потребительская и обменная. Обменная стоимость дает возможность приравнивать совершенно несхожие виды товаров по количеству общественно необходимого времени для производства товарной единицы. Однако товарный обмен — не столько отношение между вещами, сколько отношения между людьми. Причем не только вещь, но и труд — предмет купли-продажи. Капиталист оплачивает рабочему стоимость жизни его самого и семьи. Но труд как товар не просто товар: он создает неучтенную прибавочную стоимость. Например, за шесть часов «необходимого» времени рабочий покрывает стоимость товаров, достаточных для его содержания. Но, работая еще шесть сверхурочных, неоплаченных нанимателем часов, наемный рабочий создает прибавочную стоимость.

Постоянно увеличивающаяся прибавочная стоимость не «съедается» капиталистом, но вкладывается в дело. Так аккумуляция капитала и сосредоточение богатства и роскоши в руках немногих на одном социальном полюсе поро-

дают нищету на другом полюсе. Чем меньше количество собственников, узурпирующих власть и богатства в своих руках, тем больше масса люмпенов. Централизация средств производства и социализация труда входит в противоречие с сутью частной собственности. Итак, пробил последний час капиталистической частной собственности. «Экспроприаторы должны быть экспропрированы».

И тем не менее, сегодня после относительно непродолжительного торжества утопического капитализма в версии глобализма, мы опять наблюдаем его кризис. Современная идейная ситуация во многом определяется борьбой либералов-глобалистов и сторонников многополярно-цивилизационного подхода. Разнообразные виды цивилизационных и культурологических концепций пришли на смену марксистской формационной методологии. Марксизм пронизывал все сферы интеллектуальной культуры Советского Союза, однако сегодня от него мало, что осталось. Практика коммунистического строительства в Советском Союзе была противоречивой, а теория непоследовательной. Идея Ленина, а затем и Сталина, о том, что социализм можно построить в отдельной стране напоминала идею социалистов-утопистов о создании социалистических общин внутри капиталистического мира.

Актуальность идей Маркса сегодня во многом и связана с тем, что проблема научного обоснования общества, где нет эксплуатации человека человеком так и не решена. Россия вышла из социалистического проекта, двинулась по пути либеральных реформ, но затем ей пришлось возродить консервативный проект. И, тем не менее, смена политэкономии капитализма консервативной культурологией цивилизаций не может быть окончательной. «Суровая реальность «логики капитала», — отмечает С. Жижек, — вот то, чего не хватает миру историцизма современной культурологии»[4. с.197].

Называя свой метод преодоления утопического капитализма диалектическим, Маркс отдавал авторство Гегелю, оставляя за собой приоритет лишь в приспособлении метода для своих собственных исследовательских задач. И тем не менее «диалектика как логика капитала» продолжает оставаться загадкой, поэтому требуется определенное переосмысление марксизма. Советская философия в основном пользовалась диалектикой, почерпнутой из «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» Энгельса, который попытался придать диалектике статус научной

методологии, объединив ее с идеей эволюционизма. Это привело к тому, что под марксизмом в Советском Союзе понимали определенную версию фейербахианства, с его принципом «мертвое правит вместо живого» и наивной оппозицией между «процессом реальной жизни» и «чистой спекуляцией».

Ранний Маркс в первой части «Немецкой идеологии» писал: «Предпосылки, с которых мы начинаем, не произвольны, они не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем...» [7, т. 3, с. 18]. Этот материалистический подход агрессивно противопоставляется идеалистической мистификации: «В прямую противоположность немецкой философии, ... мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе — мы исходим также не от существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; ... Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления.... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [7, т. 3, с. 25]. Подобные пассажи и стали основой для формирования марксистской ортодоксии и именно они породили нелюбовь культурологов к Марксу. Однако уже в «Капитале» Маркс пишет: «На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений [7, т. 23, с.80].

Маркс не ставит перед собой цель показать как товар возникает из «обычного» процесса реальной жизни, однако Маркс утверждает, что задача критического анализа состоит в том, чтобы раскопать «метафизические тонкости и теологические ухищрения» в том, что на первый взгляд выглядит обычным объектом.

Таким образом, Маркс в «Капитале» преодолевает то учение, которое позднее стало называться

«марксизмом» и излагалось в знаменитом «Предисловии» к «Дополнению к критике политической экономии» с его дихотомией «базиса» и «надстройки», а также наивной абсолютизацией материального производства как основы культуры. Понять, что же «происходит на самом деле» означает не просто продемонстрировать редукцию к простому, а скорее указать на место в системе в гегелевском духе. Требуется распутать мистифицирующую паутину самой реальности, повторив «критику политической экономии», не ограничиваясь идеологией «постиндустриальных» обществ». Кроме того, сегодня просто настаивать на культурно-исторической специфике цивилизаций уже недостаточно [4]. Такой подход — дань классической науке. Сегодня следует осваивать постнеклассические методы понимания цивилизаций.

Цивилизации находятся в «формационном пространстве», хотя традиционная типология формаций сегодня устарела. Для описания этого пространства целесообразно использовать системную диалектику, приспособленную для осмысления синергетических процессов в сложных системах с виртуальными эффектами [5]. Системная диалектика представляет собой метод исследования социального мира, который строится на основе радикальной модернизации материалистической диалектики, главным недостатком которой был догматический схематизм, основанный на понимании социума как простой системы, что существенно затрудняет адекватное постижение социальных реалий современности. Социальный мир сегодня представляет собой арену борьбы системных образований, в том числе находящихся на различных онтологических уровнях [6].

Следует подчеркнуть, что системная диалектика представляет собой именно философский метод, тогда как традиционный системный подход все же позиционирует себя скорее как специфический научно-эвристический прием. Философская диалектика должна давать ответы на онтологические и гносеологические вопросы по линии реальное-иллюзорное, истинное-ложное, что сделать очень непросто в силу виртуализации современного социального мира. Системность современного мира, опираясь на антропологический подход, носит цивилизационный, формационный и информационный характер [2]. Проблемы, поставленные Марксом, не решены. Именно поэтому его учение не потеряло акту-

альность. Коммунизм был объявлен утопией, но проблема заключается в том, что капитализм — это тоже утопия. Развитие человечества в минувшем веке проходило под радикальными лозунгами утопического социализма и утопического капитализма, которые исповедовали общества, имеющие существенные консервативные основания. Именно поэтому в современном мире воскресло «консервативное» правогегельянство, которое указывает на «капитализм с азиатскими ценностями»: гражданское капиталистическое общество, организованное по сословному признаку и находящееся под жестким контролем авторитарного государства, которому служат администраторы — «народные слуги» и традиционные ценности.

Отметим, что уже в «Критике гегелевской философии права» Маркс утверждал, что юридические и политические институты не могут объясняться ни из самих себя, ни из развития духа, ибо они суть следствия материальных условий жизни, которые он, вслед за английскими и французскими просветителями, называл «гражданским обществом». Подчинение гражданского общества государству Маркс считал одной из главных ошибок Гегеля, который исходил из идеи о том, что государство предполагает существование политического класса — дворянства. Китай сегодня очень похож на общество в понимании Гегеля: политический класс управляет государством и направляет развитие общества в целом, а буржуазия развивает экономику.

Англосаксонский мир также никогда не был чистым воплощением либеральной утопии. Западный «капитализм с либеральными ценностями» может существовать только на базе нео-

колониализма и тайной власти. Сегодня на повестке дня стоит полномасштабное столкновение неоколониального империализма с мобилизационным капитализмом. Западный мир смог создать «зону комфорта и свободы» для своих граждан за счет военного преимущества, тайной власти и перераспределения ресурсов. Их оппонентам придется проводить мобилизационную стратегию с элементами авторитаризма, опоры на консервативные ценности и социальную этику. Современная диалектика должна учитывать эту асимметрию, в основе которой лежит системное единство противоречивой реальности современности. Диалог между асимметричными мирами непросто. Атлантический мир все больше напоминает акулу, разговаривать с которой можно только в ситуации очень острого одиночества.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. М., 1985. т. 2.
2. Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 10-12.
3. Глобализация и современная Россия // Монография. Под ред. В.Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 135 с.
4. Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М., 2011.
5. Золкин А.Л. Глобализация и философские основания Русского мира // Вестник Московского университета МВД. 2016. № 6. С. 228-231.
6. Золкин А.Л. Цивилизационная идентичность России в многополярном мире // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 38-40.
7. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955-1981.

Some aspects of countering terrorism: foreign experience

Некоторые аспекты противодействия терроризму: опыт зарубежных государств

Victor Anatol'evich Boldarev,
Head of the Department of fire training
Kikot Moscow university of the MIA of Russia
E-mail: office@unity-dana.ru

Marat Vildanovich Saudakhanov,
candidate of law
E-mail: office@unity-dana.ru

Виктор Анатольевич Болдарев,
Начальник кафедры огневой подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Марат Вильданович Саудаханов,
кандидат юридических наук
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. This article describes international experience in countering terrorism as a modern threat. The authors conduct an analysis based on information taken from public sources.

Key words: international experience, countering terrorism, modern threat, terrorism, Turkey, USA, Afghanistan, Iraq, Iran, Pakistan, India, China

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен международный опыт противодействия терроризму как современной угрозе. Авторы проводят анализ на основе информации, взятой из открытых источников.

Ключевые слова: международный опыт, противодействие терроризму, современная угроза, терроризм, Турция, США, Афганистан, Ирак, Иран, Пакистан, Индия, Китай

Развернутая по всему миру террористами и экстремистами различного толка, так называемая минная война с использованием самодельных взрывных устройств (СВУ) уносит ежедневно сотни жизней военнослужащих, сотрудников спецслужб, правоохранительных органов и мирных жителей.

Американцы, участвующие в боевых действиях в Афганистане, на себе испытали все многообразие применения самодельных взрывных устройств и приобрели значительный опыт борьбы с этой смертоносной угрозой.

В результате проведенных исследований отмечается ряд характерных особенностей как в методике использования самодельных взрывных устройств при осуществлении террористических актов, так и в их изготовлении.

В частности, статистика террористической деятельности свидетельствует о том, что при подготовке и в ходе осуществления акций их исполнители все чаще практикуют привлечение посторонних, ничего не подозревающих людей. Под различными легендированными предложениями им предлагают занести в соответствующую зону или на объект закамуфлированное взрывное устройство, чтобы затем дистанционно привести его в действие.

Подобные случаи отмечены в ряде стран Латинской Америки и в Африке. Как правило,

ничего не подозревающие «носители» самодельных взрывных устройств погибают на месте.

Для указанных терактов используются бытовые предметы небольшого размера, начиненные взрывчатым веществом и шрапнелью (гвозди, куски проволоки, металлические шарики и др.).

«Преимуществами» подобного метода являются естественное поведение исполнителей, отсутствие у них известных демаскирующих признаков (повышенная нервозность, обреченность, подавленность и пр.). Кроме того, трудно выявить и доказать причастность к преступлению находящегося на расстоянии террориста, что нередко позволяет ему скрыться и избежать наказания.

В целях профилактики и недопущения подобных терактов на территории страны необходимо проводить большую разъяснительную работу среди населения, в различных учреждениях, организациях и среди лиц, ответственных за безопасность на объектах государственной важности и критической инфраструктуры. Для этого необходимо изготавливать и распространять специальные наглядные пособия в виде бюллетеней, брошюр и тому подобных изданий по указанной проблематике.

Тем не менее, принимаемые специалистами высокотехнологичные и иные меры противодействия использованию самодельных взрывных устройств нередко сводятся на нет элементар-

ными приемами, которые преступники осваивают, приспособившись к современным условиям ведения минно-взрывной войны с задействованием новых химических прекурсоров, заменяющих уже известные и находящиеся под контролем.

Так, например, экстремистские группировки в Афганистане все чаще стали использовать при производстве самодельных взрывных устройств хлорат калия в качестве основного компонента взрывчатого вещества, от которого пострадали две трети подорвавшихся.

По обобщенным данным, в период с марта по май 2016 г. афганские боевики установили на территории Афганистана 3572 самодельных взрывных устройств, каждое четвертое из которых было начинено самодельной взрывчаткой¹.

Многие годы американцы добивались от пакистанских властей, чтобы они положили конец переправке в Афганистан нитрата аммония, который широко применяется во взрывном деле. Это удобрение в конечном итоге запретили к продаже в пограничных областях, что снизило попадание его в руки боевиков и использование при производстве самодельных взрывных устройств. Однако преступники нашли замену этому минералу.

Хлорат калия стал в настоящее время основным компонентом 60% самодельных взрывных устройств, применяемых в Афганистане. В Пакистан хлорат калия, широко используемый в промышленности при производстве текстиля и спичек, импортируется из Индии, Китая и Ирана. В последние годы объемы импорта этого сырья значительно возросли².

Как считают специалисты, технология кустарного производства самодельных взрывных устройств на основе хлората калия по сравнению с изготовлением аналогичных устройств с начинкой из смеси аммиачной селитры намного проще и значительно дешевле. На основе хлората калия созданы самодельные взрывные устройства нажимного действия с оболочкой из пенорезины или дерева. Особенностью таких устройств является их высокая чувствительность к механическому воздействию. Для взрыва достаточно наступить ногой на такую мину или переехать ее любым транспортным средством.

По оценке Верховного командующего Международными силами содействия безопасности и вооруженными силами США в Афганистане генерала Джозефа Данфорда, потери среди афганских военнослужащих и полиции от подрыва на СВУ значительно возросли. Каждую неделю по этой причине гибнет более 100 сотрудников афганских силовых ведомств³.

Мало знать технологию изготовления самодельных взрывных устройств. Крайне важным для успешной борьбы с террористами являются знания об источниках поступления компонентов для изготовления этих взрывных устройств, так как, обладая такой информацией, сторонники борьбы с терроризмом получают реальную возможность по перекрытию этих каналов поставки.

По данным британской независимой организации Conflict Armament Research (CAR), боевики террористической группировки «Исламское государство» (ИГИЛ) закупают химические реагенты, детонаторы и иные компоненты, необходимые для производства взрывных устройств, в Турции и Ираке. В ходе проводившегося с июля 2014 по февраль 2016 г. широкомасштабного исследования специалисты CAR изучили в общей сложности свыше 700 компонентов, предназначенных или использовавшихся при изготовлении самодельных взрывных устройств (СВУ), в целях установления страны-производителя, а также выявления логистической цепочки, по которой они попали в руки террористов ИГИЛ. Различные детали и химические реагенты были найдены в производственных мастерских группировки или извлечены из несработавших СВУ в районах боевых действий на территориях Ирака (города Рабия, Киркук, Мосул и Тикрит) и Сирии (г. Кобани)⁴.

Выявлена 51 производящая или поставляющая их компания из 20 стран мира, включая 13 турецких фирм, восемь из которых являются посредниками, перепродающими произведенную в других странах продукцию. За Турцией следует Индия: восемь индийских компаний были производителями детонаторов, шнуров к ним и предохранителей, обнаруженных CAR. В ОАЭ находятся семь компаний, в Ираке — пять, в Японии и Китае — по две. По одной расположены в Австрии, Бельгии, Бразилии, Вьетнаме, Иране, Йемене, Ливане, Нидерландах, Румынии, США, Финляндии, Чехии, Швейцарии. Так, микроконтроллеры и транзисторы попадают к террористам из США, Швейцарии и Японии⁵.

Тем не менее, как отмечают эксперты CAR, они не получили доказательств прямых поставок компонентов для СВУ из упомянутых стран и компаний непосредственно террористам. Более того, компании, у которых они приобретаются, могут и не знать об истинных целях покупки из-за длинной логистической цепочки прохождения товара непосредственно к потребителю. Во всех установленных случаях крупные производители на законных основаниях, в соответствии с торговыми соглашениями поставляли материалы

региональным дистрибьюторам, которые в свою очередь продавали товар оптом небольшим коммерческим организациям.

В качестве компонентов для СВУ террористы закупали дешевые и легкодоступные промышленные товары, для экспорта которых не требуется специальная лицензия, необходимая, например, для продажи оружия. В их числе: алюминиевая паста, применяемая в химической и металлургической промышленности, строительстве, при производстве лакокрасочных материалов, газобетона, автомобильных шин, в производстве пластмассы и т.п.; карбамид (мочевина), используемый в промышленности, сельском хозяйстве и в ряде других отраслей.

Турецкие компании, например, являются производителями или продавцами химического сырья, контейнеров, детонирующих шнуров, кабелей и проводов, которые были приобретены боевиками ИГИЛ уже непосредственно в Сирии или Ираке.

Наиболее востребованным компонентом для производства взрывчатых веществ является нитрат аммония (аммиачная селитра), широко используемый в сельском хозяйстве (в качестве удобрения) и в горной промышленности. Основными причинами, по которым Турция и Ирак являются основными звеньями цепочки в поставке аммиачной селитры, авторы считают географическую близость этих стран к территориям, находящимся под контролем ИГИЛ, и доступность транспортных путей.

В распоряжении экспертов CAR оказались найденные 25 февраля 2016 г. в Кобани мешки с карбамидом, предназначенные для производства СВУ, которые предположительно в дальнейшем могли быть использованы против курдских отрядов народной самообороны (Yekineyen Parastina Gel). Продукция, произведенная якобы в России в 2014 г. (о чем свидетельствует надпись на упаковке), продана турецкой компании LUTFO, а через нее другой турецкой компании — EKM Gtibre. При этом сотрудникам CAR не удалось установить адрес последней из упомянутых компаний, так же, как и связаться с ее представителями⁶.

Кроме того, установлено, что для дистанционного управления взрывными устройствами террористы покупают дешевые модели мобильных телефонов, например Nokia 105 RM-908. Так, шесть телефонов, задокументированных CAR, было приобретено боевиками через посредников в Саудовской Аравии, два — в г. Эрбиль (Erbil) в Иракском Курдистане⁷.

Как отметил исполнительный директор CAR Джеймс Биван (James Bevan), результаты исследования подтверждают возрастающие опасения мирового сообщества относительно самостоятельности боевиков «Исламского государства» в том, что касается приобретения вооружения и составляющих его компонентов, в том числе и СВУ⁸. Они могут с легкостью купить их на местных рынках на территориях стран Ближневосточного региона. Надо отметить, что в среднем на поиск и приобретение всех материалов, необходимых для изготовления СВУ, у боевиков уходит от одного до шести месяцев.

По утверждению Д. Бивана, представители многих иностранных компаний, сирийские курды и иракская полиция соглашались сотрудничать с CAR, в то время как ответа от Анкары на официальный запрос организации так и не последовало.

¹ Несмелов П.В., Болдарев В.А., Хазов Е.Н. Правовые основания применения силовых методов сотрудниками полиции против преступников и правонарушителей при охране и защите прав и свобод человека. *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2017. № 3. С. 14-18.

² Национальная безопасность. Учебник. Эриашвили Н.Д., Миронова О.А., Хазов Е.Н., Горшенева И.А., Егоров С.А., Ординарцев И.И., Саудаханов М.В., Кальгина А.А., Бакулевская Л.В., Варсеев В.В., Кирсанов А.Ю. ЮНИТИ-ДАНА. Москва, 2017. 287 с.

³ Несмелов П.В., Болдарев В.А., Хазов Е.Н. Основания и особенности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия правового регулирования. *Актуальные проблемы административного права и процесса*. 2017. № 3. С. 89-93.

⁴ Основы национальной безопасности. Учебник. Эриашвили Н.Д., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Кикоть-Глухоедова Т.В., Галушкин А.А., Бышков П.А., Зеленков М.Ю., Егоров С.А., Саудаханов М.В., Сараджева О.В., Лимонов А.М., Галузо В.Н. ЮНИТИ-ДАНА. Москва, 2018. 335 с.

⁵ Звездина Г.П., Воскобоев А.И., Абакумова И.В. Психологические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде. *Учебно-методическое пособие* / Москва, 2010.

⁶ Благодатин А.Б. О значении технической подготовки сотрудника полиции как этапа формирования навыков правомерного применения огнестрельного оружия. В сборнике: *Теория и практика внедрения научных исследований в сфере правомерности применения огнестрельного оружия* Электронный сборник статей. 2016. С. 42-51.

⁷ Благодатин А.Б. Использование современных методик в подготовке сотрудников полиции к правомерному применению огнестрельного оружия. В сборнике: *Опыт внедрения научных исследований и технология формирования готовности сотрудников полиции к компетентному применению огнестрельного оружия* Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2017. С. 13-16.

⁸ Пихов А.Х.А. Проблемы противодействия транснациональному экстремизму в северо-кавказском федеральном округе. *Общество и право*. 2015. № 4 (54). С. 169-172.

Prospects for the development of creativity in the context of globalization

Перспективы развития креативности в условиях глобализации

Daria Nikolaevna Borovinskaya,
Ph.D in philosophy, docent of the Department
of social and humanitarian education
of Surgut State Pedagogical University
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Дарья Николаевна Боровинская,
кандидат философских наук, доцент кафедры
социально-гуманитарного образования
Сургутского государственного
педагогического университета
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Annotation. The article shows the tendencies of rapprochement of societies in the context of globalization. The cooperation of states and social organizations in political, economic, cultural and other fields is analyzed. It is shown that the economy is a dynamic system based mainly on the need and necessity of increasing the competitiveness of various enterprises in the market, where the main capital, from an economic point of view, is specialists with developed creative thinking.

Key words: globalization, creative thinking, information technology, creativity, production

Аннотация. В статье показаны тенденции сближения обществ в контексте глобализации. Анализируется сотрудничество государств и социальных организаций в политической, экономической, культурной и других областях. Показано, что экономика представляет собой динамичную систему, опирающуюся главным образом, на потребность и необходимость повышения конкурентоспособности различных предприятий на рынке, где главным капиталом, с экономической точки зрения, выступают специалисты с развитым креативным мышлением.

Ключевые слова: глобализация, креативное мышление, информационные технологии, креативность, производство

Одной из основных тенденций глобализации является отражение сотрудничества государств и социальных организаций в политической, экономической, культурной и других областях.

Экономика представляет собой динамичную систему. Свое развитие получили процессы образования конгломератов, альянсов, происходит постоянный процесс слияний и приобретений, создания различных партнерских союзов. Увеличение количества крупных предприятий частного сектора вызывает необходимость и повышения конкурентоспособности на рынке, где главным капиталом, с экономической точки зрения, выступают специалисты с развитым креативным мышлением.

Информационные технологии все более обладают всепроникающим характером. «Активное и всестороннее внедрение информационных технологий привело к тому, что трансформировалась сама структура общества»¹. С одной стороны, это способствует более эффективной работе рынков путем упрощения и расширения доступа к информации, благодаря чему огромное количество знаний может храниться, пересылаться и становиться достоянием людей. Ускоряется инновационный процесс, позволяя проще и дешевле обрабатывать огромные объемы информации и сокращая время, необходимое для разработки

новой продукции. С другой стороны, «виртуализация общества с неизбежностью предполагает и трансформацию самого человека. Происходит интенсивное становление виртуальных личностей, которые используют сетевые «ники» вместо родовых имен и организуют глобальные сообщества, часто крипторелигиозного характера. Фактически это означает «новую мифологизацию» как неожиданный результат технологической революции, казавшийся апофеозом рационализма»².

Активное использование информационных технологий увеличивает спрос на многофункциональные и практикоориентированные компетенции, основанные на умении мыслить креативно. Экономика все больше становится зависимой от знаний.

Погоня за новыми знаниями — неотъемлемая черта современного хозяйства. Поскольку информационные ресурсы обладают весьма специфическим характером воспроизводимости и могут эффективно использоваться далеко не всеми субъектами производства, пропорции обмена благ в постэкономическом обществе в большой мере определяются таким параметром, как редкость — редкость продукта, редкость способностей к обработке информации, редкость знаний, редкость оптимального сочетания традиционных и новых факторов производства.

Развертывание существующих тенденций не может не вызывать изменений в системе человеческой деятельности, ее объективных характеристиках и мотивации. В отношении организационных форм повсеместно отмечается радикальный сдвиг от корпораций индустриального типа к так называемым «адаптивным корпорациям», которые отказываются от приоритета максимизации прибыли, ориентируются не только на традиционные экономические ценности, а стимулируют поиски нового и формируют творческий стиль работы. В свою очередь, это служит толчком к самосовершенствованию человека, поскольку само общество существует и изменяется в результате самосовершенствования массового творчества людей, творящих новые отношения, новые производства, новые смыслы, принимающих новые решения. При этом любое достижение всегда вызывает недовольство своей недостаточностью и тем самым дает стимул к его дальнейшему углублению.

Перемены в экономике все больше воздействуют на структуру повседневной жизни. Главные черты постэкономического общества, по мнению В.Л. Иноземцева, заключаются в том, что основные интересы большинства людей выходят за материалистические пределы, «на смену труду приходит творчество»³. При этом «лидерство в обществе переходит к новому высшему классу — интеллектуальным работникам, обладающим монополией на знания и навыки»⁴.

Мотивом трудовой деятельности для сегодняшнего человека выступает отношение к труду как средству обеспечения личной жизни, включающее преимущественно «удовлетворение, получаемое непосредственно от самой деятельности, связанные с ней возможности самовыражения и самосовершенствования, а также общественное признание»⁵. В результате мы получаем возможность творческого проявления в трудовой деятельности (соединение творчества и труда).

Влияние технологий в развитии современной цивилизации велико. «Цивилизационные исследования становятся мейнстримом научной жизни не только в современной России, но в мире в целом»⁶. Данный факт признавали многие экономисты — от А. Смита до К. Маркса и Й. Шумпетера. Однако эффективность технологии определяется критерием человеческой креативности, а наиболее фундаментальные изменения, происходящие в том числе и в социальных структурах и образе мышления, способствуют развитию креативного потока.

Изменения в социальной сфере, в первую очередь, обусловлены сменой принципов социальной стратификации. И это обратная сторона происходящих глобальных изменений. Общество начинает подразделяться на две большие груп-

пы, одна из которых может быть названа господствующей, а другая — отчужденной, причем все современные тенденции свидетельствуют о том, что средние слои, служившие на протяжении всего последнего столетия залогом стабильности общества, могут в ближайшие десятилетия «расколоться» под воздействием происходящих процессов, а их представители пополняют преимущественно низшие страты общества, обособленность и отчужденность которых друг от друга будет лишь возрастать.

В этой связи не менее важной особенностью современности стал вопрос становления общества сетевых структур, отмеченный еще в работе М. Кастельса. «Исследование зарождающихся социальных структур позволяет сделать следующее заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Да, сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества»⁷.

Точка зрения по поводу формирования и развития сетевого общества отражена и в работе шведских специалистов А. Барда и Я. Зодерквиста. «Существование Сети — это факт, с которым нельзя не считаться. Сеть изменяет практически все в нашей жизни. И крушение Интернет-компаний показательно как раз в том смысле, что нынешние капиталисты просто не понимают основ новой экономики и социального устройства, появлению которых мы обязаны Сети. В результате, очевидно, представители нынешнего класса капиталистов не смогут удержаться на вершине власти, как только влияние новых факторов станет повсеместным. Новый правящий класс — НЕТократия — вышел на арену. В связи с тем, что капиталистический способ производства больше не будет являться доминирующим, необходимо ожидать появления и развития нового низшего класса. Вместо ранее существовавшего пролетариата нарождается новый «потребительский» класс — консьюмтариат... Это класс, который погружен в туман бесконечного количества информации, в котором невозможно разглядеть знание. Разумеется, знание доступно только нетократам: это их валюта, их топливо, их адреналин. Нетократы — новая правящая элита, они управляют консьюмтариатом»⁸.

Согласно терминологии Шведской экономической школы акцент переносится на формирование стратовой структуры сетевого информационного общества. Высший класс — нетократия, состоит из кураторов сетей, мыслителей-этерналистов (от англ. eternal — «вечность», термин призван подчеркнуть бесконечность процесса становления) и нексиалистов (от лат. nexus — «связь», «соединение»). Низший же класс, существование которого нетократия отрицает столь же утопическим образом, как буржуазия отрицала существование в качестве низшего класса пролетариата, представлен консьюмтариатом (от англ. consumer proletariat — пролетариат потребителей). В состав этого же класса фактически попадают и капиталисты, занятые традиционным производством — распределением.

Новая преобладающая информационная технология, по мнению А. Барда и Я. Зодерквиста, изменяет практически все, в том числе и язык. Отчасти — из-за того, что необходима новая терминология, и — что самое интересное и непонятное, — что старые слова приобретают новые значения. С изменением языка изменяется и образ мышления. Новая технология дает новые определения базовым понятиям, таким, как знание и истина. Перепрограммируются представления о том, что является важным и неважным, возможным и невозможным, и, самое главное, о том, что такое реальность. Реальность принимает новые выражения.

Одна из проблем общества — не в отсутствии информации, а в ее переизбытке. И очень важно сделать правильный выбор в пользу одних стратегий и все труднее расстаться с теми, которые способствовали успешному развитию в прошлом. Социальная и экономическая стабильность, ранее бывшая нормой жизни, теперь становится редкостью и признаком стагнации. Недостаточно просто думать или думать по-другому. Теперь придется постоянно переосмысливать идеи и отбрасывать их.

Безусловно, вероятно опасность нового противостояния обществ в целом, а также человека и общества, в частности. Это заключается не только в том, что главным критерием отнесения человека к тому или иному социальному слою окажется его способность усваивать и обрабатывать информацию, создавать новое знание, что фактически означает предопределенность занятия человеком заданной социальной ниши, которая вряд ли может быть изменена в течение его жизни, но и в том, что в новых условиях образуется невиданная ранее диспропорция между целями людей и их реальными возможностями. «Верхушка общества, главным образом ориентированная не на обретение дополнительных материальных благ, а на получение нового знания, стремящаяся к внутренней удовлетворенно-

сти своей деятельностью, будет, тем не менее, распоряжаться основной частью общественного богатства; в то же время представители низших общественных групп, стремящиеся к обеспечению все более высокого качества жизни через присвоение материальных благ, будут лишены реальной возможности достижения того благосостояния, к которому стремятся»⁹.

Существенные изменения в социальной стратификации при всей их неоднозначности обуславливают увеличение креативно мыслящих людей, и не только мыслящих, но и действующих.

Современный мир кардинально изменен. Он находится в гораздо более динамичной и даже несколько хаотической фазе по сравнению с той, когда были написаны работы классиков постиндустриализма (Г. Кана, Д. Белла, К. Томинаги, Р. Дарендорфа). В нынешних условиях формируется существенно иная ситуация, когда развитие новой эпохи означает становление многомерного мира, характерного прежде всего тем, что интересы человека начинают радикально выходить за пределы, задаваемые одним лишь стремлением удовлетворить свои материальные нужды. Есть тенденция формирования неэкономических ценностей: желание заниматься творческой деятельностью, получать или повышать образование, иметь гибкий рабочий график, участвовать в жизни организации, города, общества и т.д.

Постиндустриальное общество открывает широкие, практически безграничные перспективы перед теми, кто разделяет постматериалистические цели и ставит основной задачей совершенствование собственной личности. Между тем, это доступно лишь людям, отличающимся высокой образованностью и приверженным идеям прогресса знания. Не имея своей главной целью достижение материального богатства, они, тем не менее, будут производить те уникальные блага, которые окажутся залогом процветания общества, и в силу этого смогут присваивать все большую часть общественного достояния. По мере того, как наука будет становиться непосредственной производительной силой, роль этого класса будет нарастать.

В своем докладе «Конкуренция в эпоху таланта» американский исследователь Р. Флорида говорит о том, что некоторые элементы культуры и досуга лучше других работают на привлечение талантливых людей и развитие высокотехнологичных индустрий. Примечательно здесь и то, что высокая культура, по мнению автора, оказалась не особенно эффективной.

Отдельное внимание Р. Флорида уделяет подъему креативной экономики, которая, в свою очередь, соединяет сферы инноваций (техническая креативность), бизнеса (экономическая креативность) и культуры (художественная

и культурная креативность) в единое целое, создавая все более тесные взаимосвязи между ними¹⁰.

Подобные цели в течение последних десятилетий стали доминирующими для большей части общества наиболее развитых стран, и последствия этого явления трудно переоценить. Данный переход чаще называется переходом от труда, как экономически мотивированной деятельности, к креативности, целью и мотивом которого выступает самореализация личности. Он обеспечивает высокую степень субъективной свободы для тех, кто занят творческой деятельностью. Не будучи всецело подчинены материальным интересам, люди из этой новой социальной категории оказываются не подверженными эксплуатации в традиционном смысле этого слова. В то же время зависимость общества от таких людей и результатов их деятельности становится столь серьезной, что именно им достаются все материальные преимущества современной цивилизации.

Экспансия креативных начал лежит в основе того впечатляющего технического и организационного прогресса, который наблюдается в последние десятилетия в развитых информационных обществах; оба процесса разворачиваются параллельно и дополняют друг друга.

«Переход именно к креативной деятельности, совершающийся, по сути дела, на личностном уровне, обеспечивает ныне более значимое воздействие на все стороны общественной жизни значительнее, чем те изменения, которые находятся обычно в поле зрения экономистов и социологов. Становление креативности в качестве детерминанты хозяйственного прогресса представляется уже основной нематериальной составляющей постэкономической трансформации»¹¹.

Развитие форм человеческой деятельности и прогресс материального производства предполагают и взаимодополняют друг друга. В условиях господства чисто экономических закономерностей, при абсолютном доминировании материальных интересов и целей, технологический прогресс, подобный наблюдаемому сегодня, был бы невозможен. Справедливо и обратное: становлению творчества в масштабах и формах, определяющих его как общесоциальное явление, так же не суждено было реализоваться, пока большая часть общества не достигла относительно высокого материального благосостояния и не появилась реальная возможность обретения и использования той информации и знаний, которые предоставляются технологической революцией.

В свою очередь самореализация человека часто может достигаться благодаря творческой составляющей, в том числе и согласно тем социальным изменениям, которые обусловлены технологическим прогрессом последних десятилетий.

Можно согласиться с рядом исследователей, что «технологический прогресс и прогресс социопсихологический, изменения в материальной составляющей современного общества и в сознании тех, кто в наибольшей мере ответствен за соответствующие перемены, идут параллельно. Именно их сочетание и обуславливает непрерывность и динамику постэкономической трансформации»¹².

В условиях глобализации современное хозяйство обнаруживает все большую зависимость от креативного потенциала человека, который становится абсолютно необходимым как для развития самого процесса производства, так и для адекватного усвоения его результатов.

Глобальные изменения, которые происходят сегодня в мире, обуславливают динамику развития специфических характеристик человека. Таким образом, основным ресурсом становятся именно информация и знания, обмен которыми происходит преимущественно при помощи телекоммуникации и компьютеров, а также активность, которая сегодня как никогда влияет на динамику интеллектуальных процессов — таких, как скорость актуализации информации, беглость интеллектуальных процессов, устойчивость и переключаемость внимания, прочность запоминания, умственная работоспособность.

¹ Глобализация и современная Россия // Монография. Под ред. В.Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014С.97.

² Дугин А.Г. Человек в мире постмодерна: постгуманизм // Модели человека в современной философии и психологии: сб. материалов Всероссийской конференции 18-19 мая 2005 г. / отв. за выпуск П.А. Носова. Новосибирск, 2006. С. 26.

³ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999. С. 6.

⁴ Там же. С. 467.

⁵ Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества: научное издание. М., 1998. С. 80.

⁶ Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. № 1. 2016. С. 10.

⁷ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 315.

⁸ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. С. 5.

⁹ Боровинская Д.Н. Креативно-информационная модель человека: философский анализ социальных взаимосвязей: монография. Тюмень. Издательство Тюменского государственного университета, 2010. С. 56-57.

¹⁰ См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. М., 2005. 421 с.

¹¹ Боровинская Д.Н. Креативно-информационная модель человека: философский анализ социальных взаимосвязей: монография. Тюмень. Издательство Тюменского государственного университета, 2010. С. 60.

¹² Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты. М., 1998. С. 151.

Civilizational paradigm of Russia of classical Slavophilism

Цивилизационная парадигма России классического Славянофильства

Arkady Nikolaevich Borozdin,
Ph.D., docent, professor of the Department
of sociology and political science of Moscow
University of the MIA of Russia of V. Ya. Kikota
E-mail: rinabora@mail.ru

Аркадий Николаевич Бороздин,
кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры социологии и политологии Московского
университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя
E-mail: rinabora@mail.ru

Annotation. Explores the features of classical slavophilism and ideologists views close to them the problem of civilization identity thinkers of Russia.

Key words: civilization, world civilization, Russia, slavophilism, samobytnichestvo, westernizer

Аннотация. Исследуются особенности взглядов идеологов классического славянофильства и близких к ним мыслителей на проблему цивилизационного своеобразия России.

Ключевые слова: цивилизация, мировая цивилизация, Россия, славянофильство, самобытничество, западничество

Вопрос о сущности и специфике русского мира, или, выражаясь современным языком, -русской цивилизации, был одним из главных на протяжении практически всей истории развития философской, религиозной и социально-политической мысли России. Особое место в этом историческом дискурсе занимает XIX век, когда широчайшее разнообразие теоретических аспектов этой полемики сконцентрировалось в руслах двух основных идеологических течений: западников, отстаивавших концепцию единого мирового пути развития для всех народов и стран и, соответственно, негативно относившихся к своеобразным, специфическим особенностям исторического развития России, и бывшего на протяжении XVIII — начала XIX веков фактически основой официально-государственной идеологии, и приверженцев идеи своеобразного, самобытного, самостоятельного пути развития России.

Противостоявшее западничеству идеологическое направление на рубеже 30-40-х годов XIX века получило название «славянофилов». Прозвание это было дано им их оппонентами по аналогии с тем, как за 40 лет до этого иногда называли А.С. Шишкова и его сторонников. Название, конечно, не точное ни в отношении Шишкова, ни позже — в отношении А.С. Хомякова, семейства Аксаковых, братьев Киреевских, Ю.Ф. Самарина и др. Об этом писал один из славянофилов — А.И. Кошелев: «Нас всех... прозвали «славянофилами»; но это прозвище вовсе не выражает сущности нашего направления. Правда, мы всегда были расположены

к славянам, ...но это вовсе не составляло главного, существенного отличия нашего кружка от противоположного кружка западников. Между нами и ими были разногласия несравненно более существенные. Они отводили религии местечко в жизни и понимании только малообразованного человека и допускали ее владычество в России только на время, — пока народ не просвещен и малограмотен; мы же на учении Христовом, хранящемся в нашей православной церкви, основывали весь наш быт, все наше любознательное и убеждены были, что только на этом основании мы должны и можем развиваться, совершенствоваться и занять подобающее место в мировом ходе человечества. Они ожидали света только с Запада, превозносили все там существующее, старались подражать всему там установившемуся и забывали, что есть у нас свой ум, свои местные, временные, духовные и физические особенности и потребности». В связи с этим Кошелев предлагал подумать над иными, более точными названиями: «А называть нас следовало *не славянофилами*, а в противоположность западникам, скорее *туземниками* или *самобытниками*, но и эти клички не полно бы нас характеризовали»¹.

Правда, некоторые исследователи полагают, что термин «самобытники» не только не полно, но и не совсем верно характеризовал бы это течение, ибо и западники признавали самобытность старой России². Но необходимо учитывать, что они как раз ее-то и хотели ликвидировать. Любое название, или определение неточно и неполно, упрощенно и схематизировано отражает опреде-

ляемый феномен. Здесь главное — понять и договориться о том, о чем идет речь, определиться в содержании понятий. Конечно, очень многие явления и процессы в общественной жизни и истории своеобразны и неповторимы, и в этом смысле — самобытны. Но если иметь в виду конкретный предмет спора, а именно — какой быть России: зеркальным отражением Западной Европы, или иметь свое собственное, отличное от других лицо и содержание; по какому пути развиваться — повторять ли, копировать западноевропейский путь, или найти свой собственный, то в этом случае термин «самобытничество» при всей его неполноте и неточности вполне имеет право на существование. Об этом писал и Кошелев: «Мы себе никаких имен не давали, никаких характеристик не присваивали, а стремились быть только не обезьянами, не пугаями, а людьми, и притом людьми русскими»³.

Конечно, можно было бы назвать эту группу общественных деятелей например «православными русофилами — самобытниками», но и в этом случае наверняка возникнут возражения. Поэтому, учитывая, что в научной литературе термин «славянофилы» исторически закрепился за одной конкретной группой мыслителей и общественных деятелей, а так же их последователями, думается, что название «самобытники» можно было бы отнести к более широкому в историческом и содержательном плане направлению, представители которого отстаивали ценность своеобразной, самобытной русской цивилизации, отличной от других цивилизаций, доказывали необходимость для Руси своего собственного, а не западноевропейского, или какого-либо иного зарубежного пути цивилизационного развития. И в этом отношении в XIX веке к самобытникам можно отнести не только славянофилов, но и упомянутого выше А.С. Шишкова, выступавшего против космополитизма, огульного подражательства и, в частности, галломании в России, за возврат хотя бы в воспитании, системе образования, языке к русским истокам и православным традициям (не случайно кружок его единомышленников называли иногда не только славянофилами, но и «православной партией»)⁴. В зрелые годы в чем-то сходные взгляды высказывал М.Л. Магницкий⁵ и другие деятели.

В плане постановки вопроса о цивилизационных взаимоотношениях и, более того, цивилизационном противостоянии России и Европы в 30-х годах XIX века четко заявил о своей позиции А.С. Пушкин. Это нашло отражение и в его письме к П.Я. Чаадаеву по поводу публикации

«философического письма», в котором Пушкин очень корректно, но твердо высказал свое принципиальное несогласие с чаадаевским негативным видением истории России, ее самобытности и подчеркнул ее равноценность с европейской историей: «...я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма (разделение церквей), отъединила нас от остальной Европы..., но у нас было свое особое предназначение. ...Мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. ...Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. ...И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? ... Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал. ...Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам»⁶.

А за несколько лет до этого — в августе 1831 года, в стихотворении «Клеветникам России» он четко и недвусмысленно поставил вопрос о сложных взаимоотношениях в славянском мире, его будущем и месте России в нем:

«Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях или верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос».

И тут же, столь же принципиально и жестко сформулировал проблему об отношении Европы к России, о цивилизационном непонимании Европой России и, более того, — об исторически враждебном отношении Европы к России. Пушкин писал:

«Оставьте нас: ...
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте...
Иль нам с Европой спорить ново? ...

В следующем стихотворении — «Бородинская годовщина», А.С. Пушкин подчеркивал общевропейский характер этой вражды и агрессии против России:

«...Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?».

При этом Пушкин подчеркивал равновеликость, равносильность России и Европы, русского мира и мира Европы, фактически — двух цивилизаций.

За эти стихи А.С. Пушкин был обвинен П. Вяземским в «квасном патриотизме». Думается, что все это позволяет признать Пушкина в качестве не просто русского патриота, но и руссофила, четко понимавшего сложность взаимоотношений русской и западноевропейской цивилизаций, их историческое не только взаимодействие, но и противостояние.

Само собой разумеется, что данное предположение можно назвать и прямолинейным, односторонним, не учитывающим все многообразие пушкинских высказываний, увлечений и оценок тех, или иных явлений. Тот же Ап.А. Григорьев, один из идеологов почвенничества в 1861 году настаивал на том, что только со смерти Пушкина «собственно начинается раздвоение двух лагерей». Он особо подчеркивал то, что «Пушкин не западник, но и не славянофил; Пушкин — русский человек, каким сделало русского человека соприкосновение со сферами европейского развития...». Он полагал, что в Пушкине сочеталось все, все разнообразные и даже противоречивые черты, явления и тенденции русской жизни. Пушкин «был единственный полный человек, единственный всесторонний представитель нашей народной физиономии»⁷, поэтому он был выше и шире отдельных идеологических течений. Конечно же, Пушкин по выражению Григорьева — «наше все». И естественно, что в его творчестве в ходе жизненной эволюции можно найти разные, порой противоположные установки и высказывания. Но если брать позднего Пушкина, зрелого писателя и мыслителя, каким он предстает в 30-х гг. XIX века, то он конечно был ближе к будущим славянофилам, чем к западникам, что явственно просматривается в том же его письме Чаадаеву.

Учитывая же своеобразный универсализм Пушкина, думается, что в среде самобытников, или даже конкретнее — славянофилов, он все-таки занимал бы позицию более осторожную, сдержанную, взвешенную и не столь радикальную, как, например, Н.М. Языков, своими стихами,

прежде всего такими, как — «К ненашим» и «К Чаадаеву» (в оригинале — «Старому плешаку»⁸) способствовавшему окончательному не только мировоззренческому, но и во многом межличностному расколу представителей западничества и славянофильства. Хотя Пушкин и писал в послании «К Языкову»: «Языков, близок я тебе»⁹, на столь жесткое противостояние, по крайней мере, в личностном плане, он вряд ли пошел бы.

Что же касается собственно «славянофилов», то они были, по словам Д. Хомякова, «православно-русским направлением мысли». Из православно-народной основы их идеологии вытекала и установка на цивилизационно-самобытный путь развития России, отличный от западноевропейского. «Россия — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны, — писал К. Аксаков — Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней»¹⁰.

При этом отношение к Западу не носило у них негативный, тем более враждебный характер. Они отдавали должное достижениям европейской цивилизации, но считали, что у русской и западной цивилизаций разные истоки и основания развития. Самобытность России определена прежде всего православным мировосприятием и обусловленным им образом жизни, для которого характерны духовность, коллективизм (воплощенный в соборности, общинности и артельности), традиции нестяжательства и почитания аскетизма, приоритет обязанностей перед правами («себялюбие говорит о правах, братолюбие об обязанностях»), определенная аполитичность (в смысле отсутствия у русского народа стремления к власти, господству) и т.д. На Западе же христианство утвердилось в форме католицизма и протестантизма с присущими им рационализмом, практицизмом, эгоизмом и индивидуализмом, приоритетом прав личности, конкуренцией и стремлением к власти, господству и т.д.

Отсюда и элемент ретроспективности в идеологии славянофилов. Но именно только лишь элемент. Идеализируя порядки допетровской Руси, полагая, что именно в Московском царстве наиболее полно воплощались исконные черты русского образа жизни, они понимали, что повернуть историю вспять невозможно. Так К. Аксаков возражал своим оппонентам — западникам: «Разве славянофилы думают *идти назад*, желают *отступательного* движения? Нет, славянофилы желают идти, но не просто вперед, а вперед к истине и, конечно, никогда назад от истины»,

и конкретнее — «...славянофилы думают, что должно воротиться не к **состоянию древней России** (это значило бы окаменение, застой), а к **пути древней России** (это значит движение). Где есть движение, где есть путь, там есть вперед! Там слово назад не имеет смысла.

Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти вперед прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что он истинный. Итак, опять не может быть речи о возвращении назад. ...Спор может быть лишь об истине путей, лишь о том, какое *вперед* есть вперед к истине»¹¹. Но при этом он постоянно подчеркивал: «История нашей родной земли так самобытна, что разнится с самой первой своей минуты. Здесь-то, в самом начале, разделяются эти пути, русский и западноевропейский, до той минуты, когда странно и насильственно встречаются они, когда Россия дает страшный крюк, делает родную дорогу и примыкает к западной»¹².

Об этом же в статье «О сельской общине» писал А.С. Хомяков, призывая отстранить «всякую мысль о том, будто возвращение к старине сделалось нашею мечтою., ...путь пройденный должен определить и будущее направление. Если с дороги сбились, первая задача — воротиться на дорогу»¹³. В то же время И. Киреевский, не соглашаясь полностью с этой несколько упрощенной формулой Хомякова, диалектически развил и конкретизировал идеологический постулат славянофильства. Он отмечал принципиальный момент, а именно: «Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах. Если же старое было хуже, то из этого также не следует, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитие это не было остановлено насильственным введением элемента чужого»¹⁴. То есть, это даже не возврат на прежний путь развития, а предположение о необходимости поиска третьего пути развития своей цивилизационной модели и идентичности, с учетом результатов как петровского, так и допетровского путей, при ведущей роли последнего. Таким образом, славянофильство было первой в XIX веке теоретико-концептуальной попыткой нашего русского национального самоопределения, оно стремилось определить специфические, самобытные основы русского национально-цивилизационного бытия и развития.

Сходные со славянофилами позиции занимал и достаточно близкий к ним по своим взглядам

Н.В. Гоголь. Отметив охватившую определенную часть российского общества «страсть к обезьянству», которая стала весьма велика, он четко определил исторический рубеж начала этого процесса — петровские реформы, которые, наряду с пользой, привели и к определенным негативным последствиям. А именно: «...восхитившись оригинальностью европейского быта», задумали «перенести его к себе, точно как будто возможно позабыть, что Европа развилась оттого так, что развилась из своих начал. Россия должна была развиваться из своих начал. На Европу нужно было глядеть не породнившись, не обессилев. Если дом уже состороен по одному плану, нельзя ломать его».

Именно в силу ошибочной установки на совершенное и некритичное перенимание западноевропейских основ жизнедеятельности и игнорирование всего собственно русского «все пробы заведений, чем далее тем более, становились неудачны, оттого русский, чем более входил в европейскую жизнь, тем более позабывал свою землю и тем менее мог знать, что ей более прилично. От этого все прививки были неудачны, не принимались»¹⁵.

Оценивая же принципиальные особенности русской народности, ее отличие от других наций Н.В. Гоголь утверждал: «Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово Евангельское, возводящее к совершенству человека». И именно поэтому «может быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значение жизни»¹⁶. Он настаивал на том, что русским надо жить своим собственным умом, а мысли, основанные «на чтенье иностранных книг, да на английских журналах ...суть мертвые мысли». Необходимо «войти ...в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиться», а не «захламошить его чужеземным навозом». Это тем более необходимо еще и потому, что: «И до сих пор еще, к нашему стыду, указывают нам европейцы на своих великих людей, умней которых бывают у нас иногда и невеликие люди;...»¹⁷.

Н.В. Гоголь пожалуй справедливо полагал, что многие представители русского так называемого просвещенного общества, дворянства — не знали своей собственной родины — России, а для ее познания необходим свой собственный опыт в условиях распространившихся «...пустых поверхностных выводов, глупейших слухов, односторонних и ничтожных заключений. Все это сбило и спутало до того у каждого его мнение о России, что решительно нельзя верить никому.

Нужно самому узнавать, нужно проездиться по России. ...Чтобы узнать, что такое *Россия нынешняя*, нужно непременно по ней проездиться самому»¹⁸. Эта констатация факта незнания верхами России своей родины, своего народа, непонимания своей цивилизационной специфики и идентичности, не утратила своей актуальности и до наших дней (характерно в этом отношении известное признание Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова, а до этого на протяжении многих лет бывшего Председателем КГБ СССР: «Мы не знаем страны, в которой живем»). После гоголевских размышлений прошло сто семьдесят лет, после андроповского признания — почти тридцать пять лет, а проблема остается злободневной и поныне.

И, как крик души истинного патриота России, как призыв не только к современникам, но и всем последующим поколениям, звучат слова Н.В. Гоголя: «Поблагодарите Бога, прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. ...А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам»¹⁹. Трудно переоценить актуальность этого призыва русского украинца Н.В. Гоголя и для наших дней, когда русский мир вновь испытывается на прочность, может расколоться в себе (о чем ярко свидетельствуют опасные процессы на Украине, да и не только там) и, в конечном счете, — он «иссякнет», как писал А.С. Пушкин.

Славянофильство, критиковавшее послепетровский официальный государственный курс развития России выступало, в определенной степени, как оппозиционное направление. Не случайно его представители гораздо чаще подвергались цензурным преследованиям, нежели их оппоненты. Но и официальные правительственные круги, напуганные революционными потрясениями в Европе в конце XVIII — первой половине XIX веков, озаботились необходимостью выработки каких-то идеологических основ, с помощью которых можно было бы противостоять этим западноевропейским тенденциям. Результатом этого явилась известная формула министра просвещения графа С.С. Уварова — «Православие, Самодержавие, Народность». Как в 1833 г., так и в 1844 г., он писал Николаю I: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном

распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить Отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная...». Поскольку считалось, что революции на Западе являлись следствием соответствующего умонастроения, сформированного сложившейся там системой воспитания и образования, то необходимо прежде всего изменить систему образования в России: «Изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими; исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных душах радушно уважение к отечественному и полное убеждение, что только приурочение общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому», а для этого необходимо «найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения». Таковые начала, полагал Уваров, воплощены «...в соединенном духе *Православия, Самодержавия и Народности...*»²⁰.

Эта формула легла в основание *идеологии «официальной народности»*, которая пыталась не столько изменить заложенный Петром I цивилизационный путь развития, сколько сохранить сложившийся в его результате порядок вещей в России, просто оградить Россию от начавшихся в Европе революционных процессов. То есть, провозглашаемые ценностные начала были не идеалом, не целью, а только лишь средством. Тем более, что роль и статус православной церкви были уже не те, что в допетровские времена, и менять что-то по существу здесь ничего не собирались; самодержавие было уже не исконно русским, а преобразованным на западноевропейский манер, да и народность трактовалась в весьма абстрактных понятиях. На первый план здесь выступал государственно-охранительный аспект, сохранение существующей политической системы, а не возрождение (пусть и не в старом, а новом, частично видоизмененном варианте) самобытной русской цивилизационной модели.

Тем не менее, ввиду определенной универсальности уваровской формулы, обусловленной тем, что можно было по-разному трактовать содержание ее компонентов и их ценностную субординацию, она была воспринята представителями практически всех идеологических течений,

которые можно было в большей, или меньшей степени отнести к цивилизационно-самобытному направлению. Охранители в этой триаде приоритет отдавали самодержавию, ранние славянофилы — прежде всего православию, а так же народности.

А славянофил следующего поколения (и в более точном значении этого термина) Н.Я. Данилевский, на первый план выдвигал принцип народности — славянской народности. Он настаивал, в отличие от охранителей, на том, что «народность составляет ... существенную основу государства, самую причину его существования, — и главная цель его и есть именно охранение народности»²¹ Именно Данилевский разработал известную теорию «культурно-исторических типов» (в дальнейшем эта теория получила развитие в работах К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, А. Тойнби, П.А. Сорокина и др.). Эта доктрина была направлена против господствовавшей европоцентристской теории однолинейного прогресса и цивилизационного единства Западной Европы и России. В дальнейшем идеи славянофилов о цивилизационном своеобразии России находили свое отражение в идеологических построениях неославянофилов, правонархистов-охранителей, русских националистов, евразийцев и т.д. Не утратили они своей актуальности и в наши дни.

¹ Записки А.И. Кошелева М., 2002. С. 54-56.

² См. напр.: Цимбаев Н. Славянофилы и западники // Страницы минувшего. М., 1991. С. 330.

³ Записки А.И. Кошелева. С. 56.

⁴ См.: Шишков А.С. Огонь любви к отечеству. М., 2011.

⁵ См.: Магницкий М.Л. Православное просвещение. М., 2014.

⁶ Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981. Т. X. С. 336-337.

⁷ Григорьев А.А. Апология почвенничества, М., 2008. С. 469-484.

⁸ См.: Афанасьев В.В. Там, за далью непогоды... М., 1990. С. 188.

⁹ Языков Н.М. Златоглавая, святая... М., 2003. С. 429.

¹⁰ Аксаков К.С. Государство и народ. М., 2009. С. 303.

¹¹ Цит. по: Цимбаев Н. Славянофилы и западники. С. 367-368.

¹² Аксаков К.С. Государство и народ. С. 304.

¹³ Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 162.

¹⁴ Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 345.

¹⁵ Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М., 1994. С. 463-464.

¹⁶ Там же. Т. 9. С. 446-447.

¹⁷ Там же. Т. 6. С. 127-128.

¹⁸ Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992. С. 139

¹⁹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. С. 84-85.

²⁰ Уваров С.С. Государственные основы. М., 2014. С. 103-107, 134-136.

²¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб. 1995. С. 187.

Perception of traffic police personnel by road Users

Образ личного состава дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции МВД России в сознании участников дорожного движения

Olga Vladimirovna Galaeva,
PhD in Political Science,
senior research assistant of the Federal State Institution
«Traffic Safety Research Centre of Ministry of Interior
of Russian Federation»
E-mail: o-bukreeva@inbox.ru

Ольга Владимировна Галаева,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научный центр безопасности
дорожного движения МВД России»
E-mail: o-bukreeva@inbox.ru

Annotation. Over the past few years the system of evaluation of traffic police performance has gone beyond the departmental efficiency indicators, and has included, inter alia, indicators of social effect of traffic police performance in perception of road users, and indicator of confidence in traffic police inspectors. So, acts of interaction between road users and traffic police inspectors are supposed to be the key communication channel that forms the reputation of traffic police. In turn, the study of perception of traffic police personnel by road users is the first step in building partnership relations as well as improvement of trust deficit.

Key words: image of Road Traffic Police inspector, perception of traffic police personnel performance, optimization of relationship between road users and traffic police

Аннотация. За последние годы система оценки деятельности личного состава Госавтоинспекции МВД России вышла за рамки ведомственных показателей эффективности, принимая за основу статистику дорожно-транспортных происшествий, включив показатели социального эффекта деятельности службы и индикатор уровня доверия к сотрудникам дорожно-патрульной службы. Таким образом, взаимоотношения участников дорожного движения с инспекторами ДПС позиционируются как один из ключевых коммуникационных каналов, формирующих репутацию службы. В свою очередь, изучение восприятия участниками дорожного движения профессиональной деятельности личного состава дорожно-патрульной службы является основой выстраивания партнерских отношений с участниками дорожного движения и укрепления доверия к службе.

Ключевые слова: образ инспектора ДПС, восприятие профессиональной деятельности инспектора ДПС, оптимизация взаимоотношений с участниками дорожного движения

Концепция интерпретации политического восприятия. Политический образ есть отражение политической власти, личности лидера и аналогичных феноменов политической сферы в массовом и индивидуальном сознании граждан¹. Таким образом, политический образ, с одной стороны, является проекцией реальных характеристик объекта восприятия (политической власти, личности лидера и прочее), а с другой стороны, проецирует ожидания субъекта восприятия. Структура образов власти многослойна, в связи с чем выделяют их эмоциональный, когнитивный и поведенческий аспекты².

В рамках данного исследования были рассмотрены отдельные компоненты образа дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции МВД России (эмоциональный и когнитивный аспекты) через призму сознания участников дорожного движения. В методологическом плане данная работа представляет собой качественное исследование восприятия профессиональной деятельности

личного состава ДПС Госавтоинспекции МВД России, что в итоге позволяет достичь всестороннего понимания проблемы, а не ее статистической генерализации в ракурсе определенных гипотез.

Методика исследования восприятия участниками дорожного движения профессиональной деятельности личного состава ДПС ГИБДД МВД России. Выбранный нами метод исследования — глубинное полуструктурированное интервью — позволяет раскрыть следующие темы: оценка участниками дорожного движения выполнения функциональных обязанностей сотрудниками дорожно-патрульной службы, место службы в системе обеспечения безопасности дорожного движения, опыт взаимоотношений с личным составом дорожно-патрульной службы.

Время проведения интервью составляло от 20 до 45 минут и позволяло всесторонне раскрыть значимые для респондентов темы.

Кроме обобщения собственной позиции, респонденты также цитировали мнение ближайшего

окружения, средств массовой информации, таким образом, давая представление о тех информационных каналах, посредством которых формируется их точка зрения.

Одним из ключевых условий проведения интервью являлось добровольное согласие респондента откровенно обсуждать данную тематику. Важно отметить, что в ходе проведения интервью ракурс и логика развития диалога задавались преимущественно самим респондентом. Во-первых, это позволяет определить круг микротем, действительно стоящих на повестке дня участников дорожного движения. Во-вторых, это максимально исключает какое-либо влияние на его субъективную позицию со стороны интервьюера — представителя органов внутренних дел.

Однако это не исключало многократного уточнения позиции респондента, что позволило сформулировать истинное смысловое наполнение отдельных тем, разговор о которых требует определенной тактичности и деликатности. Такими темами являются, в частности, «коррупция» и «статусный конфликт» на дороге. Таким образом, это позволило минимизировать возможные «двойные стандарты» и противоречия в позиции участников дорожного движения и исключить немотивированную критику в адрес инспекторов дорожно-патрульной службы. Стоит отметить, что роль интервьюера преимущественно сводилась к тому, чтобы задавать наводящие вопросы для более глубокого раскрытия обозначенной респондентом микротемы. Интервьюер мог в инициативном порядке предложить раскрыть следующую микротему только в том случае, если респондент проявляет интерес к ее обсуждению.

В период с апреля по август 2015 года было проведено 160 полуструктурированных глубин-

ных интервью с водителями и пассажирами легковых и грузовых транспортных средств, а также мотоциклистами и пешеходами из Калининградской, Курской, Ленинградской, Московской и Ростовской областей, а также Приморского края.

Указанный географический контур исследования соответствует рейтингу безопасности российских дорог в первом квартале 2015 года, составленному экспертами межрегионального общественного центра «За безопасность российских дорог». Таким образом, были выбраны регионы с удовлетворительной дорожной безопасностью (Калининградская и Курская область), недостаточной безопасностью (Московская область и Приморский край), а также регионы с наиболее аварийными дорогами (Ленинградская и Ростовская область) по состоянию на первый квартал 2015 года. Выбор данных регионов позволил определить гипотетическую взаимосвязь между объективным состоянием безопасности дорожного движения и восприятием эффективности деятельности личного состава дорожно-патрульной службы.

На этапе формирования выборочной совокупности участников дорожного движения применялся интенсивный тип отбора респондентов. Объем выборки было решено считать достаточным в случае достижения определенной схожести или однородности позиций участников дорожного движения. Выборка респондентов сформирована по принципу наличия опыта взаимодействия с представителями дорожно-патрульной службы и структурирована по параметрам пола, возраста, субъективно оцениваемого социально-экономического положения, фактического водительского стажа.

Таблица 1. Структура выборочной совокупности респондентов

		<i>Водитель легкового ТС</i>	<i>Водитель грузового ТС</i>	<i>Пассажир личного транспортного средства, пешеход</i>	<i>Мотоциклист, пассажир мототранспорта</i>	<i>Итого</i>
Пол	Мужской	29	11	18	17	75
	Женский	33	—	47	5	85
Возраст	18—29 лет	16	0	13	11	40
	30—45 лет	20	9	29	11	69
	Старше 45 лет	26	2	23	0	51
Уровень доходов	Низкий	7	3	21	4	35
	Средний	34	8	30	15	87
	Высокий	20	—	15	3	38
Стаж вождения	До 1 года	21	0	—	7	28
	1—4 лет	21	1	—	13	35
	5 лет и более	20	10	—	2	32
Итого респондентов		62	11	65	22	160

Стоит отметить, что выделенные возрастные группы примерно соответствуют социологической периодизации поколений, характеризующихся сходством картины мира. Параметр фактического стажа вождения соответствует условной классификации «начинающие», «условно опытные» и «опытные».

Далее приведем анализ данных социологического исследования, выделив смысловые фрагменты.

Эмоциональный срез отношения к дорожно-патрульной службе ГИБДД МВД России характеризуется отсутствием строго полярных оценок с некоторым преобладанием негативного отношения. Так, у 31% респондентов сложилось благоприятное впечатление о работе дорожно-патрульной службы, позиция 43% респондентов отличается выраженной критичностью, в то время как оценки 26% участников дорожного движения носят неоднозначный характер.

Следует отметить некоторые закономерности в эмоциональном отношении респондентов к представителям дорожно-патрульной службы. Так, позицию водителей с фактическим стажем вождения менее одного года в основной массе можно охарактеризовать как выражено категоричную и зачастую агрессивную (59% негативных оценок в указанной возрастной группе). Позицию респондентов со стажем вождения до четырех лет характеризует большая сглаженность и предметность, а водители со стажем вождения более пяти лет чаще демонстрируют нейтральное отношение, в некоторых случаях — сочувствующее.

Обращает внимание конкретность и большая конструктивность позиции старшего поколения участников дорожного движения: число негативных оценок в данной возрастной группе

относительно невелико и составляет чуть более 17%. Отчасти это объясняется тем, что им есть с чем сравнивать. Прежнее состояние службы они описывают в терминах «партнерства», «нормального отношения к человеку», «предотвращения нарушений, с чем сейчас сталкиваются все реже».

Инспектор дорожно-патрульной службы в восприятии участников дорожного движения вызывает полярные чувства, причем негатив связан с его предполагаемыми мотивами выбора профессии (35%), манерой поведения (19%), внешним видом (14%), причем подобное отношение подпитывается «фольклорными традициями» и негативными стереотипами восприятия службы.

Отношение к сотрудникам дорожно-патрульной службы в областных центрах и прилегающих малых городах, в которых, как правило, сложилась уникальная «ментальность» — структура неформальных отношений — отличается большей лояльностью ввиду большей взаимозависимости социальных связей, а также излишне низкой, с точки зрения респондентов, численностью кадрового состава подразделений и как следствие — низкой частотой контактов. Партнерство между участниками дорожного движения и представителями дорожно-патрульной службы в малых городах выражается в форме упрощения или избегания бюрократических процедур и «волокиты». В городах с большей численностью населения, в том числе в областных центрах, социальная структура которых отличается большей анонимностью и приватностью, деятельность сотрудников дорожно-патрульной службы обезличена и оценивается существенно более категорично.

Таблица 2. Доля позитивных и неоднозначных оценок в восприятии деятельности личного состава ДПС в регионах

<i>Состояние дорожной безопасности</i>	<i>Областной центр</i>	<i>%</i>	<i>Малые города</i>	<i>%</i>
Удовлетворительно	Курск	43%	Фатеж	62%
	Калининград	51%		
Недостаточно	Владивосток	56%	Артем	65%
	Москва	44%	Можайск	57%
Аварийные дороги	Ростов-на-дону	45%	Азов	69%
	Санкт-петербург	41%		

Обращает внимание тот факт, что объективное состояние безопасности региональных дорог фактически не влияет на оценку деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы и в

принципе не фигурирует в числе факторов оценки работы личного состава службы участниками дорожного движения.

Когнитивный компонент образа ДПС ГИБДД МВД России. Массив знаний о деятельности личного состава дорожно-патрульной службы формируется под влиянием преимущественно личного опыта респондентов (55%), реже — в ходе общения с близкими и друзьями (24%). Влияние средств массовой информации минимально (21%), при этом личный опыт является своеобразной «проверкой на правду» того, о чем пишут и говорят. Из числа последних 14% респондентов регулярно просматривают блоги и видеоматериалы, размещенные в сети интернет, которые, как правило, отдают предпочтение конфликтной модели взаимоотношений с инспектором дорожно-патрульной службы и другими участниками дорожного движения.

Таким образом, ключевым фактором формирования имиджа сотрудников дорожно-патрульной службы являются обстоятельства и ход взаимодействия инспектора дорожно-патрульной службы с участниками дорожного движения. В структуре диалога с инспектором участники дорожного движения, кроме общей тональности, как правило, акцентируют момент приветствия, начала разговора, а также пожелание доброго пути. Оценка речи и тональности общения инспектора также имеет определенные гендерные различия. Так, женщины в большей степени, чем мужчины, склонны считать, что на них оказывается психологическое давление (17%), в то время как мужчины более прагматичны (4%). Оценка личного состава службы варьируется, кроме прочего, в зависимости от дислокации инспектора на дороге и причины остановки транспортного средства, что делает ее неоднозначной.

Среди приоритетных функциональных обязанностей дорожно-патрульной службы респонденты называют:

регулирование дорожного движения (39%), осуществление контроля за соблюдением правил дорожного движения (23%), а также оказание в пределах своей компетенции содействия и помощи участникам дорожного движения в осуществлении их законных прав и интересов (19%).

Стоит отметить, что присутствие на дороге инспектора дорожно-патрульной службы как фактор профилактики нарушений правил дорожного движения оценивается существенно выше (41%), чем установка камер автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения (29%) или ужесточение санкций за нарушение правил дорожного движения (31%).

Наряду с оценкой выполнения должностных обязанностей сотрудниками дорожно-патрульной

службы существует также оценка приписываемых полномочий (13%), к которым относятся все вопросы, ассоциативно связанные с профилем ответственности Госавтоинспекции России, но исключенные из ее обязанностей и делегированные частным и иным государственным структурам. Это представляет важность в той связи, что оценка действий, находящихся вне зоны компетентности и фактической ответственности дорожно-патрульной службы, все равно отражается на ее восприятии. В частности, участники дорожного движения приписывают сотрудникам дорожно-патрульной службы необходимость осуществлять расстановку дорожных знаков и нанесение дорожной разметки, проводить ремонт дорожного покрытия, законодательно контролировать санкции и величину штрафов за нарушение правил дорожного движения. Им же адресуют негатив, вызванный вынужденным перекрытием дорог в связи с обеспечением проезда кортежей государственной власти. Кроме того, участники дорожного движения считают сотрудников дорожно-патрульной службы ответственными за несправедливые судебные решения в отношении лиц, виновных в дорожно-транспортных происшествиях, в результате которых погибли люди.

Контекст взаимоотношений инспекторов дорожно-патрульной службы с участниками дорожного движения представлен двумя темами: коррупции (58%) и «статусных» конфликтов (35%).

Тем не менее, тематика коррумпированности службы не стоит столь остро на повестке дня участников дорожного движения, так как в этой сфере наблюдается органично сложившийся баланс интересов. Так, в абсолютном большинстве случаев итог подобных взаимоотношений сводится к циничному добровольному согласию участников дорожного движения идти на сделку с инспекторами дорожно-патрульной службы в случае объективности выявленных нарушений, «весомости повода» и желания избежать неудобств, связанных с затратами времени, применением жестких санкций (39%). То есть в случае обоюдной заинтересованности сторон коррупция воспринимается респондентами как инструмент солидарности и однозначно положительное явление. Тем не менее, в случае односторонней заинтересованности — кажущейся необъективности инспектора либо при вымогании денег — тот же феномен является мощным ударом по репутации дорожно-патрульной службы и Госавтоинспекции России в целом (18%).

В этой связи наиболее актуальной проблемой взаимоотношений инспекторов дорожно-патрульной службы и участников дорожного движения является наличие «статусных» конфликтов, причиной которых является социальное неравенство среди участников дорожного движения, обусловленное наличием неформальных привилегий. К этой группе конфликтов относятся и отношения противодействия инспекторов дорожно-патрульной службы и участников дорожного движения, выражающиеся в форме противостояния административного ресурса первых и номинальных привилегий вторых (ведомственных удостоверений, влиятельных знакомых, регистрационных знаков с заданной комбинацией цифр и букв).

Образ инспектора дорожно-патрульной службы. В восприятии внешних данных инспектора прослеживаются четкие различия. Так, мужчины склонны оценивать внешность и физические данные инспектора в сугубо прагматичном ключе. Исключение в данной группе составляют молодые водители статусных автомобилей, часто нарушающие правила дорожного движения. Они в абсолютном большинстве случаев прибегают к неконструктивной критике. В свою очередь, женщины склонны уделять внимание эстетической составляющей образа инспектора, не всегда привязанной к его профессиональным требованиям.

Положительным моментом в этой связи является отмеченная респондентами тенденция омоложения службы, причем смена контингента оценивается исключительно позитивно. Молодым сотрудникам чаще прощается неопытность и недостаточный профессионализм.

Что касается оценки морально-нравственных качеств сотрудников дорожно-патрульной службы, то здесь единогласно оформился запрос на гуманизм и «нормальное человеческое отношение». Можно говорить о том, что назревает необходимость выстраивания нового формата взаимоотношений между сотрудниками дорожно-патрульной службы и участниками дорожного движения.

Одновременно заслуживает внимания тот факт, что практически никто из участников опроса не указал «честность» как сущностную морально-нравственную характеристику идеального инспектора дорожно-патрульной службы. Кристальная честность ассоциируется с героем ситкома — «гаишником, который никогда не берет взятку» и вызывает жалость. Действительно востребованным качеством является «принципиальность» как гарантия равенства всех участников движения на дороге.

Заключение

Изучив мнение участников дорожного движения в отношении деятельности дорожно-патрульной службы, целесообразно обратить особое внимание на следующее. Во-первых, образ дорожно-патрульной службы опосредован в абсолютном большинстве случаев личным опытом контактов с инспекторами, в то время как влияние позиции ближайшего окружения, средств массовой информации и сложившихся стереотипов восприятия — вторично. Во-вторых, образ дорожно-патрульной службы не абстрактен — он персонифицирован и представлен группой конкретных ординарных сюжетных линий, в центре которых, как правило, инспектор дорожно-патрульной службы. Несмотря на указанную конкретность и завершенность образа, он все же обезличен, имеет собирательный характер и не содержит конкретного прототипа. В-третьих, ход взаимоотношений между представителями службы и участниками дорожного движения диктуется вполне прагматичными интересами обеих сторон, и сравнительно меньшая респондентов видит необходимость переноса данных отношений из «рыночной плоскости» в правовую. В то же время крайне остро стоит вопрос о разрешении «статусных» конфликтов участников дорожного движения и инспекторов дорожно-патрульной службы.

Знание круга проблемных, с точки зрения участников дорожного движения, аспектов деятельности личного состава службы позволяет определить приоритетность решения отдельных вопросов для определения пути формирования ее положительного имиджа.

Для этого, в первую очередь, необходимо разъяснить участникам дорожного движения миссию дорожно-патрульной службы. Однозначный ответ на данный вопрос осложняется тем, что дорожно-патрульная служба структурно встроена в систему властно-распорядительных связей «вертикали власти» и в то же время — неформальных «горизонтальных» отношений с участниками дорожного движения, что диктует алгоритм ее функционирования и является источником существующих противоречий. Так, «вертикаль» строго юридически регламентирует деятельность личного состава, предписывает реализацию надзорных и охранительных функций. В то же время по «горизонтали» дорожно-патрульная служба воспринимается скорее как сервисная структура, оказывающая определенные услуги.

В связи с этим следует также сделать ряд предположений относительно перспектив налаживания доверительных отношений между личным составом дорожно-патрульной службы и участниками дорожного движения. Если исходить из запроса на «нормальное человеческое отношение» и ориентировать службу на «гуманную модель» взаимоотношений с участниками дорожного движения, то алгоритм организации ее работы будет преимущественно сводиться к оказанию помощи участникам дорожного движения и обеспечению системы превентивных и профилактических мер вместо достижения ведомственных квотных показателей эффективности. В свою очередь, это позволит реализовать такие важные принципы как равенство всех участников дорожного движения и исключение привилегий на дорогах, искоренение закрытости и корпоративности системы, обеспечение ее прозрачности для общества.

Соответственно, следующая проблема связана с необходимостью пересмотра показателей эффективности деятельности дорожно-патрульной службы: система отчетности, основанная на оценке выполнения целевых показателей, продиктованных формальной ежегодной статистикой, демонстрирует неэффективность вне расширения внешнего контроля со стороны общества и решения вопросов, признанных актуальными участниками дорожного движения.

Другая проблема заключается в том, что дорожно-патрульная служба объективно не является единственной структурой, ответственной за состояние безопасности и правопорядка на дороге. В этой связи наиболее гармоничным решением представляется, наряду с четким разграничением компетенций в области безопасности дорожного движения, информирование участников дорожного движения о фактической зоне ответственности инспектора дорожно-патрульной службы. В конечном итоге это позволит ограничить практику приписывания участниками дорожного движения полномочий и ответственности дорожно-патрульной службе за не входящие в зону ее компетенции вопросы.

Список литературы

1. Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

2. *Шестопаля Е.Б.* Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // *Образы государств, наций и лидеров* / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2008.

---

¹ См.: *Шестопаля Е.Б.* Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // *Образы государств, наций и лидеров* / под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 12-13.

² См.: *Образы российской власти: от Ельцина до Путина* / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 17-19.

Conceptual foundation of western european liberalism and conservatism in the XIX century

Концептуальные основы западноевропейского либерализма и консерватизма в XIX веке

Nikolay Nikolaevich Gusev,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
associate professor in the department of sociology
and political science of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Николай Николаевич Гусев,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Annotation. The article deals with the ideas of the classics of Western European liberalism and conservatism, identifies and analyzes the trends of the subsequent evolution of their basic conceptual settings.

Key words: classical liberalism, classical conservatism, conceptual framework, evolution of political views, ideology

Аннотация. В статье рассматриваются идеи классиков западноевропейского либерализма и консерватизма, выявляются и анализируются тенденции последующей эволюции их основных концептуальных установок.

Ключевые слова: классический либерализм, классический консерватизм, концептуальные основы, эволюция политических взглядов, идеология

В истории политической мысли Запада XIX в. отмечен как период завершения формирования основных концептуальных положений, ведущих идейно-политических течений: либерализма, консерватизма и социализма. Именно в это время ими занимают соответствующие позиции относительно друг друга, складывается такой характер их взаимоотношений, который, несмотря на определенные исторические перипетии, остается преобладающим и в наши дни, что обуславливает интерес к процессу идейной кристаллизации основ политических идеологий.

Нацеленность идейно-политических течений XIX в. на политическую практику обуславливалась необходимостью давать адекватный ответ на изменения, происходящие в обществе и в мире в целом. В то же время они были вынуждены вырабатывать свое отношение к наиболее популярным идеям — свободе, равенству, правам человека, демократии и др., закладывать свое понимание в их содержание или ставить под сомнение их самоценность и отвергать. Различным образом трактовались роль государства и его задачи, рассматривались вопросы его происхождения и исторического предназначения, проблемы развития политических процессов, в частности таких, как революция и контрреволюция. По-разному оценивались перспективы европейской и мировой политики, тенденций развития Западной цивилизации.

Важно подчеркнуть и тот факт, что каждая из политических идеологий, имея господствующую тенденцию в развитии своих наиболее важных концептуальных положений, представлена пестрым многообразием их различных оттенков и нюансов. Поэтому отнесение тех или иных западноевропейских мыслителей XIX в. к идейно-политическим течениям зачастую весьма условно. Кроме того, в условиях жесткой, порой непримиримой борьбы идей происходило не только оттачивание собственной аргументации и критики чужих взглядов, но и взаимообогащение, заимствование как ситуативно, так и стратегически выгодных теоретических положений. Либерализм вместо радикальной критики феодализма и обоснования необходимости эволюционного движения вперед по пути прогресса переходит к защите завоеваний буржуазии, реформированию утвердившегося капиталистического устройства с целью удержания власти и стабилизации общества. В нем естественным образом постепенно начинают проявляться консервативные настроения. Консерватизм же в это время эволюционирует от антилиберального к либеральному, критика капитализма с позиций старого общества заменяется противостоянием либеральному реформаторству. Учитывая высказанные выше замечания относительно особенностей развития западноевропейской политической мысли в XIX в., можно рассмотреть главные

идейно-политические концепции, получившие разработку в трудах наиболее видных теоретиков и идеологов того времени.

Концептуальное оформление классического западноевропейского либерализма в целом завершилось в первой половине XIX в. В это время полностью проявились его существенные черты. К ним относятся, прежде всего, абсолютная ценность человека, личности; признание неотчуждаемых прав человека на жизнь, свободу, собственность, договорный характер отношений между государством и индивидом; ограничение объема сфер деятельности государства; верховенство закона; разделение властей; рационализм; вера в прогресс и др.

Наибольший вклад в буржуазно-либеральную политическую доктрину в этот период внесли английские и французские мыслители. Это не случайно, так как Англия, как известно, уже довольно длительное время пыталась реализовать принципы либерализма в своей политической практике и выступала своеобразным форпостом буржуазного общества. Франция же в это время представляла арену острейшей борьбы за власть между утрачивающей историческую инициативу феодальной аристократией и экономически окрепшей и все более политически искушенной буржуазией. Революционные потрясения здесь неоднократно сменяются контрреволюционно-восстановительными процессами и периодами относительного равновесия противоборствующих сил. Это, конечно, не могло не будить политическую мысль, заставляя ее оттачивать оружие полемики и делать ее все более изощренной, а также вести поиск новых решений, способствующих укреплению политических позиций буржуазии, ее экономического господства.

С этих позиций выступал один из наиболее видных представителей либерализма во Франции в первой половине XIX в. Бенжамин Констан. Во главу угла своей политической концепции он поставил принцип гражданской свободы. Под ней он понимал торжество личности над властью, желающей управлять посредством насилия, и над массами, предъявляющими со стороны большинства право на подчинение себе меньшинства. Такая трактовка свободы открывала простор для развития капиталистических отношений, давала личную независимость индивиду и возможность проявления им частной инициативы, предприимчивости. В то же время она защищала предприимчивого буржуа от возможного диктата со стороны масс и от обязанностей перед волей большинства. Констан разделял общелиберальное понимание того, что составляет

содержание гражданской свободы. Он относил к нему неприкосновенность личности, свободу совести, свободу слова, собраний, печати, свободу места жительства и др.

Для осуществления гражданской свободы, по представлениям Констан, экономической основой является частная собственность, которая священна, и неприкосновенна, и предполагает даже злоупотребления ею¹.

Государство рассматривается Константином в качестве политического средства обеспечения гражданской свободы. Его роль должна быть ограничена, дабы не ущемлять гражданской свободы. Государство не должно вмешиваться в экономическую деятельность и мешать свободной конкуренции. Государство не должно также законодательно устанавливать гарантированный уровень минимальной заработной платы, т.е. решать социальные задачи.

В качестве гарантов против злоупотребления властью выдвигаются, во-первых, разделение и равновесие властей, а во-вторых, сила общественного мнения, которая сосредоточена в нижней палате парламента.

Представительная демократия, по Констану, осуществляется на основе прямых выборов. Всеобщее избирательное право отвергался в силу того, что бедняки не обладают достаточным разумением. Поэтому политическая свобода предоставляется исключительно собственникам. При этом должен быть введен высокий имущественный ценз. Таким образом, либерал Констан предложил фактически поделить членов общества на граждан «первого» и «второго» сорта. В этом наиболее ярко проявилась такая черта либерализма, как провозглашение всеобщих прав и свобод с одновременным их социальным ограничением. Так, индивид признается личностью и гражданином в полном смысле слова лишь при наличии у него частной собственности. Не собственник, социальный аутсайдер, исключается из политики.

Во взглядах Констан прослеживается определенная непоследовательность в проведении либеральной политической линии и в том, что он вынужденно идет на компромисс с еще сильной феодальной верхушкой современной ему Франции и признает необходимость существования верхней палаты парламента в виде наследственных палаты пэров. Кроме того, предпочтительной формой государства для него выступает конституционная монархия. Монарх, по его представлениям, играет, как сказали бы наши современники, цементирующую роль в государстве

и объединяет все ветви власти, обеспечивая их нормальную деятельность.

Соотечественник Б. Констана Алексис Токвиль попытался соединить идеи либерализма с идеалами демократии. Он рассматривал демократию как бы в двух планах: социальном и политическом. Социальная демократия — это общество, в котором главной социальной ценностью является равенство. Равенство же в области социальных отношений, по мнению Токвиля, приведет к демократическому индивидуализму. Он несет в себе такие отрицательные качества, как эгоизм, сосредоточенность на личных целях, отказ от участия в общественной жизни, растущая изолированность людей. Все это представляет угрозу для свободы индивидов, так как их политическая апатия приведет к политической централизации и социальному подчинению. Поэтому следует установить оптимальное соотношение, разумный баланс равенства и свободы. Это может быть достигнуто посредством развития политико-юридических институтов, обеспечивающих создание и поддержание такого баланса. Важную роль в этом должны сыграть социальная кооперация и добровольно создаваемые политические ассоциации, с помощью которых население сможет участвовать в управлении обществом.

В отличие от традиционного для либерализма обоснования взглядов на государство и политику с позиций свободы индивида английский мыслитель Иеремия Бентам отвергал теории естественного права и общественного договора и в основу своей концепции положил принцип пользы. Свобода и права личности были для него истинными воплощениями зла. Потому он не признавал и отвергал их, и тем самым разрывал некий общелиберальный консенсус по этой проблеме. Бентам откровенно сбрасывает с либерализма ставшую привычной маску «прав человека» и полностью развязывает руки буржуазии для получения ею практической пользы, усиления эксплуатации пролетариев. Пользу человека он отождествляет с пользой буржуа. Эгоистический интерес частного собственника возводится в общее качество индивидов. При этом интересы частного собственника представляются как совпадающие с интересами общества в целом. Так оказывается, что частный интерес тождествен всеобщему.

В соответствии с индивидуалистическим принципом пользы Бентам утопично полагал, что наиболее острые противоречия буржуазного общества постепенно сгладятся сами собой с помощью бережливости, филантропии и процветания промышленности и торговли. Созная,

что социальные конфликты возникают, прежде всего, по поводу экономических благ, Бентам выступал за уменьшение неравенства, постепенное стирание имущественных крайностей богатства и бедности. Выравнивание состояний он выдвигал в качестве идеала, а его достижение относил к отдаленной перспективе.

Роль государства традиционно сводилась к выполнению в первую очередь охранительной функции — обеспечению гарантий безопасности и защиты собственности граждан. Вмешательство государства в экономику — крайне нежелательно, так как собственник сам в состоянии определить, что для него является полезным, а что нет.

Бентам был сторонником республиканского устройства государства, в котором три ветви власти должны быть разделены. При этом он не соглашался с тем, чтобы эти ветви власти существовали каждая сама по себе и действовали независимо друг от друга. Такое положение приводило бы к постоянным столкновениям между ними, поэтому он настаивал на их кооперации и взаимодействии, так как взаимная зависимость властей производит их согласие, подчиняет их постоянным правилам и дает им систематический и непрерывный ход.

Бентам с либерально-демократических позиций выступал за введение в Англии однопалатной парламентской системы и упразднение палаты лордов как источника аристократических притязаний. Он был за расширение избирательного права, за предоставление его женщинам. Он также надеялся, что с помощью института демократии (в том числе таких, как свободная пресса, общественные дискуссии, публичные собрания) можно будет эффективно контролировать деятельность законодательной и исполнительной властей. Должностные же лица должны быть подконтрольны народу, ответственны перед ним и сменяемы в любое время.

Видный представитель английского либерализма XIX в. философ и государственный деятель Джон Стюарт Милль поддерживал идею суверенитета индивидуума, но вместе с тем отводил позитивную роль государству. Государственность, по его мнению, такова, каково общество в целом. Поэтому от самих граждан зависит, каким будет их государство, отсюда следует, что люди должны не нарушать права других индивидов, быть законопослушными. Одновременно гражданин обязан также нести ту долю забот, которая приходится на каждого, в целях защиты общества или его членов от вреда и обид. Добродетель же государства, отмечал Милль, заключается в стремлении сделать своих подданных добрыми

и просвещенными. Государство должно, с одной стороны, способствовать всеобщему ментальному развитию общества, а с другой — оно призвано организовать уже существующее моральное и интеллектуальное богатство. Эту позитивную роль лучше всего может выполнить представительная система, так как она основана на индивидуальном эгоизме и в состоянии заручиться поддержкой своих граждан.

Как либерал Милль беспокоился об избавлении меньшинства от подавляющего его большинства, т.е., об обеспечении политических гарантий меньшинству. Чтобы избавиться от подавления невеждами образованных людей, он предлагал систему подачи голоса последними в нескольких избирательных округах. Все остальные должны иметь один голос. Этим Милль показал истинное место демократии в системе либерализма.

Рассмотренные выше основные зачастую весьма противоречивые политические идеи видных представителей классического либерализма XIX в. дают возможность судить о направленности его последующей эволюции, которая обусловлена стремлением адаптировать политическую власть к объективным общественным изменениям в сочетании с отстаиванием группового интереса буржуазии. Достижение классическим либерализмом состояния зрелости позволило его традиционным идеологическим противникам консерваторам представить в концентрированном виде свои возражения основным принципам либерального мировоззрения.

Первая половина XIX в. показала, что в идейном противостоянии с либерализмом консервативная политическая идеология задействовала все резервы своего интеллектуального потенциала. Консерватизм пытался дать последний бой не только по теоретическим вопросам, но и широко использует критику политической практики буржуазного общества и государства. При этом критика ведется с позиции феодальной аристократии, роль которой и политические ценности старого общества идеализируются, что во многом свидетельствует о реакционном характере консервативной идеологии рассматриваемого периода.

В борьбе с либерализмом консерватизм проявляет свои наиболее существенные черты. Среди них такие как приверженность традициям, стабильность, религиозность и признание роли церкви в обществе, отрицание революций и осторожное отношение к реформам, неверие в возможность прогресса.

Наиболее изветным идеологом консерватизма был Жозеф де Местр (1753—1821 гг.). В Основу политической критики утверждающегося капитализма де Местр положил отрицание основополагающих идей Просвещения, в особенности его абсолютнейший всеислия разума, разумного закона и связанной с ним революции. Он считал, что человек по своей природе зол, жесток и никакое воспитание не может его улучшить. Его можно только утратить и заставить повиноваться. Де Местр подчеркивал, что государям сказано: «злоупотребления рожают революции», а народам — «злоупотребления много лучше, чем революции»¹. Поэтому все преступления, совершенные нацией в ходе революции, особенно против короля и собственности, быть наказаны неотложно и самым ужасным образом.

Де Местр выступал против универсальных принципов, по которым строились буржуазные конституции, и подчеркивал, что права и свободы носят исторический характер, законы творит не разум, а история. Поэтому у каждого народа должна быть своя конституция, отражающая особенности его характера и жизни. А так как конституции заключаются в общественном духе, то они могут быть и неписаными.

Он призывал вернуться к средневековым традициям и идеалам, высказывал симпатии к испанской инквизиции, позволившей, по его мнению, сохранить Испанию от губительных новшеств. При этом подчеркивалась роль религии и церкви. Де Местр считал необходимым подчинение монарха папе Римскому как высшему авторитету. Тем самым суверенитет монарха приносился в жертву стремлению к жесткой власти.

Большую роль в концептуальном оформлении политической идеологии консерватизма сыграл Эдмунд Бёрк, работу которого «Размышления о революции во Франции» современники называли «манифестом контрреволюции».

Обращаясь к проблеме политической свободы, Бёрк решал ее с осторожностью умудренного опытом политика. Свободу он определял как социальное освобождение. Это означает, в его понимании, такой порядок вещей, при котором свобода сохраняется благодаря ограничению; это состояние, при котором ни один человек, ни человеческое сообщество, ни просто множество людей не могут нарушить права и свободы личности. Бёрк предлагал не отделять достоинство любого политического вопроса от человека, которого оно касается.

В то же время он отмечал, что в свободе есть некая двусмысленность, что она не сопровождается

ется мудростью и справедливостью и не ведет к процветанию и изобилию. Твердая власть так же хороша, как и свобода. И революция не способна дать людям никакую новую свободу, кроме той, которую они имеют.

Английскую политическую систему он представлял счастливым результатом следования мудрым законам природы, что требовало осторожного, взвешенного подхода к общественным переменам. Бёрк приписывал наследуемой монархии черты универсального устройства, способного гарантировать политический плюрализм. Он указывал, в частности, что наличие в обществе противоположных конфликтующих интересов — это не недостаток прежних и ныне существующих политических систем, «а спасительное препятствие для всех поспешных решений». Общая свобода, считал Бёрк, тем лучше защищена, чем больше различных точек зрения. Пока монархия своим весом скрепляет все разрозненные части, им не грозит искажение, распад, сдвиг с предназначенных мест. Поэтому монархия является лучшей формой правления.

Сама идея прав человека, по Бёрку, фальшива с точки зрения политики и морали. Права человека в их абстрактном совершенстве предполагают, что, имея право на все, люди хотят получить все. Но этого ни общество, ни государство обеспечить не могут, следовательно, нужны ограничения. «Но поскольку представления о свободе и ограничениях меняются в зависимости от времени и обстоятельств, возможно бесконечное количество модификаций, которые нельзя подчинить постоянному закону, то нет ничего более бессмысленного, чем обсуждение этого предмета»².

Бёрк отмечал, что капитал по своему происхождению связан с бедами и горестями народа. Он склонен к нововведениям, но вместо того чтобы на деле гарантировать провозглашенную неприкосновенность собственности, он приступил к прямому гонению на собственность, свободу и жизнь противников. Буржуазия осуществила насильственное перераспределение собственности в свою пользу, отнимая ее без суда и предварительного обвинения. Бёрк подчеркивал, что тем самым буржуазные конфискаторы получили с помощью своих первых преступлений ту власть, которая гарантирует им безнаказанность всех последующих, в которых они с тех пор были повинны или которые они могут совершить в будущем³.

Как внимательный и вдумчивый исследователь Бёрк не мог не заметить факт умелого

манипулирования общественным мнением со стороны буржуазии, которая использовала его для нагнетания революционной ситуации, подталкивания низших социальных слоев общества на антиправительственные выступления. При этом особую роль в привлечении масс народа на сторону рвущейся к власти буржуазии сыграл союз капитала и писателей. Они пропагандировали нововведения, ослабляли ненависть немущих к капиталистам и усиливали их неприязнь к богатой аристократии, монарху и церкви.

В отношении демократии Бёрк был склонен соглашаться с Аристотелем в том, что она имеет поразительно много общего с тиранией — обе осуществляют подавление определенной части общества. Не отрицая демократии как абстрактного принципа, он считал, что чистая демократия может быть желательна очень редко и в очень специфических обстоятельствах.

Анализируя роль буржуазии в представительной системе, Бёрк обращал внимание на отличие ее лидеров от феодальной аристократии, которое заключается в необходимости для них соотносить собственные идеи со вкусами, способностями и положением тех, кого они хотят вести за собой. Так называемые представители народа, по Бёрку, оказавшиеся вознесенными по вдохновению толпы из самого низкого состояния к вершинам власти, отравляются этим своим удивительным вознесением. «Можно ли предполагать, — писал он, — что эти люди — решительные, активные, коварные, сутяжнического толка и бойкого ума, согласятся быть отброшенными в свое прежнее темное состояние, к крючкотворству и дрызгам привычной трудовой жизни? Можно ли сомневаться, что они любой ценой, даже во вред государственным интересам, в которых ничего не понимают, не начнут преследовать личные цели, в которых разбираются слишком хорошо».⁴ Бёрк был уверен в необходимости управления государством компетентными лицами, к которым относил аристократию, являющуюся украшением гражданского общества. Каждый должен заниматься работой, которую знает, управлять государством по очереди или по случаю невозможно.

Сущность буржуа проявляется в государстве, которое они создают. Сделав своей профессией рыночный оборот, они основали республику на азартной игре и вдохнули в нее торгашеский дух, который стал ее жизненным дыханием. «Величайшее достижение их политики — превращение Франции из великого королевства в большой игорный дом, а ее жителей в нацию

игроков; они сделали спекуляцию такой же всеобъемлющей, как жизнь, а все человеческие чувства свели к страстям и предрассудкам тех, кто живет в надежде на случай и удачу. Они во всеуслышанье провозгласили, что их республиканская система не может существовать без этого игорного фонда и что нить их жизни прядется из торговли и спекуляций»⁵.

В целом критика Бёрком революции во Франции направлена против либерального буржуазного радикализма, воплотившегося в разгуле страстей, разрушительности и антимонархической направленности самой революции. Это — взгляд английской политической элиты, склонной идеализировать социальный компромисс между феодальной знатью и нуворишами-капиталистами, который нашел свою политическую реализацию в государстве с конституционно-монархической формой правления

Таким образом, ставшее традиционным противостояние либерализма и консерватизма достигло в XIX веке своего апогея. Либеральная практика постоянно приходила в противоречие с провозглашенными принципами, а созданное ею общество, замышлявшееся как царство разума и свободы, оказалось воплощением новых форм рабства и несправедливости. Это не могло не вызывать протеста и противодействия не только справа — со стороны консерваторов, но и слева со стороны радикалов, выступавших за коренное переустройство общества на принципах социальной справедливости.

---

¹ См.: История политических и правовых учений /под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1983. С. 310.

² Бёрк Э. размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 71

³ См., там же. С. 95

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Бёрк Э. размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 130.

About the formation of conceptual basis of interdisciplinary research on the example of the concept of «entropy» in biophysics

О становлении концептуального базиса межпредметной области научных исследований на примере понятия «энтропии» в биофизике

Nina Viktorovna Zhuleva,
postgraduate student of Department of philosophy
and methodology of science of Faculty of Philosophy
of Lomonosov Moscow State University
E-mail: nina_rossia_mir@list.ru

Нина Викторовна Жульева,
аспирант кафедры философии и методологии
науки философского факультета Московского
государственного университета
имени М.В. Ломоносова
nina_rossia_mir@list.ru **E-mail:**

Annotation. The formation of biophysics is considered as the formation of its conceptual basis during the constructive activity of biologists and physicists on concrete models and theoretical objects. The development and functioning of model objects, the processes of abstraction and idealization, the construction of abstract and ideal objects are analyzed on the basis of distinction between primary and secondary ideal objects.

Key words: biophysics, Thermodynamics, entropy, organization, self-organization, order, disorder, Koltsov, Timofeev-Resovskii, Zimmer, Delbrück, Schrödinger

Аннотация. Становление концептуального базиса биофизики рассмотрено в истории решения биофизических задач биологами и физиками. Разработка и функционирование модельных объектов, процессы абстрагирования и идеализации, конструирование теоретических объектов анализируются с помощью различения первичных и вторичных идеальных объектов.

Ключевые слова: биофизика, термодинамика, энтропия, организация, самоорганизация, порядок, беспорядок, Кольцов, Тимофеев-Ресовский, Циммер, Дельбрюк, Шредингер

Физика и биология развивались в XIX веке как самостоятельные науки с большим числом собственных разделов. В XX в. на их пересечении стала формироваться междисциплинарная область исследования — биофизика. По внешним параметрам, таким как наличие учебников, учебных кафедр и исследовательских институтов, биофизика развивается как отдельная дисциплина. Но сосуществование разных теоретических схем при отсутствии единой теории позволяет говорить о биофизике как о неклассической естественной науке, которая занимает заметное место в современных научных исследованиях. Постоянно увеличивается число коллективов, работающих в этой области, биофизические исследования получают все большее распространение и все более широкую область применения.

Интересно посмотреть, как происходит становление концептуального базиса в этой области исследований, когда биофизический смысл конструируется на основе связи биологического и физического смысла.

Рассматривая движение знания в этой области, будем использовать несколько модифицированную общую схему строения раздела науки,

предложенную А.И. Липкиным¹. Будем рассматривать идеализированные объекты научного исследования, различая базовый идеализированный объект (БИО) и модельный идеализированный объект (МИО). В физической теории будем различать уровни существования понятий: математический (структура математических выражений), физический (измеримая величина, обладающая физическим смыслом) и натурфилософский (осмысление, интерпретация модели с универсальными характеристиками). Обозначим их соответственно индексами m , f , n (например, энтропия- m , энтропия- f , энтропия- n). Рассматривая биологические и биофизические теории, будем выделять также биологический и биофизический смыслы понятий, обозначая их индексами b и bf (напр., БИО- b и МИО- bf).

Становление биофизики как раздела науки и дисциплины оказывается возможным благодаря тесной связи между русскими и европейскими учеными. Физико-химическое объяснение формы живых образований — новое направление в мировой биологии, намеченное работами Кольцова. Результаты Кольцова становятся достижением

мирового научного сообщества и определяют собой становление биофизики.

Представления Кольцова о физико-химических основах организации клетки, сформулированные в его работе «Исследования о форме клеток» (1905 г.), получены в ходе экспериментов над спермиями *Desaroda* (отряд десятиногих ракообразных). Спермий оказывается подходящим объектом для исследования внешней формы в силу того, что это свободная клетка, чья форма зависит от ее внутренней структуры, а не от взаимодействия с соседними клетками в ткани, но — в отличие от амебы — обладает жесткой формой. Этот спермий является для Кольцова модельным объектом, непосредственно эмпирически реализуемым — МИО-b. Кольцов обобщает выводы этого исследования до выводов о всех клетках, но спермий *Desaroda* не превращается в базовый идеализированный объект — БИО, где идеализация выступает пределом изменения реальных объектов без прямой эмпирической реализации.

Первая (морфологическая) и третья (физиологическая) главы — собственно биологические, в которых абстрактные объекты обладают четким биологическим смыслом, а задачи выглядят устоявшимися. На морфологическом уровне происходит определение гомологии спермиев *Desaroda* между собой и со спермиями других видов с помощью метода окрашивания различных клеточных органелл. Задачей исследования оказывается описание морфологии как описание видимой структуры и описание морфогенеза как описание последовательной смены этих структур. Абстрактным объектом выступает спермий как совокупность органов (МИО-b). На физиологическом уровне определяется значение органов в свете их функциональных особенностей, и абстрактным объектом оказывается тот же спермий (МИО-b), но как некое целое, взаимодействующее со средой.

Во второй — биофизической — главе появляется иной, физический уровень рассмотрения. Кольцов изменяет модельный объект: «здесь мы можем забыть о том, что мы имеем перед собою сложнейшие организмы, возникшие путем длинного исторического процесса и способные к весьма сложным жизненным функциям; нас будет занимать только одна физическая сторона явлений, перед нами будут не живые клетки, а только капли жидкости, которым твердый скелет придает определенную форму» [Кольцов 1936, 54]. Он берет готовую физическую модель капли жидкости с твердым скелетом, которая подчиняется известным физическим законам — МИО-f.

Эта модель применяется к спермию — готовому объекту МИО-b. Под действием аналогии конструируется биофизический смысл. Экспериментальная работа продолжает идти над тем же спермием, но в теории он рассматривается абстрактно как совокупность жидких и твердых частей. Это МИО-bf, абстрактный объект собственно биофизического поля.

Задачей Кольцова является определение причин, по которым клетка может принимать форму, отличную от шарообразной. Нормальные условия (равенство внутреннего и внешнего осмотического давления) для чистой физики предполагают форму шара, тогда как биологический организм принимает форму шара при ненормальных для него условиях². Экспериментально исследуется изменение формы клетки при изменении концентраций раствора, в котором находится спермий. При уменьшении концентрации раствора форма клетки стремится к шарообразному состоянию, при увеличении возвращается в свое начальное состояние. Кольцов делает вывод, что клетка сохраняет свою форму благодаря формообразующим элементам клетки — эластичному скелету (кольцовский принцип). В этой смене нормы проявляется биологическая специфика.

Под организацией и порядком понимается, главным образом, форма клетки. Твердые части обеспечивают переход от неупорядоченной протоплазмы к упорядоченной клетке: «сократимые клетки могут быть или совсем лишены скелета, как амебы, совершающие неупорядоченные движения, или же они обладают скелетом, назначение которого переводить неупорядоченные движения жидких составных частей протоплазмы в упорядоченные движения мускулов (мионем), жгутов, ресниц и пр.»³. Именно форма клетки, а не протоплазма как «живое» вещество, определяя собой смену нормы от физической к биологической, выглядит для Кольцова наиболее характерным принципом, отличающим живое от мертвого.

Таким образом, в работах Кольцова просматривается многоуровневая и сложная структура взаимодействия биологии и физики через уровень физической химии. Физический уровень представлен в виде готовых физических моделей — МИО-f (клетка как совокупность твердых и жидких частей). Биологический уровень представлен морфологическим и физиологическими подуровнями, на которых используется сложившиеся абстрактные объекты с биологическим смыслом — МИО-b (клетка как совокупность органов или совокупность функциональных связей

с другими клетками). В процессе проведения аналогий между МИО-f и МИО-b, в определении биологической специфики как отклонения от нормального физического состояния, мы можем наблюдать становление собственного биофизического объекта с биофизическим смыслом — МИО-bf, становление концептуального базиса биофизики.

Н.В. Тимофеев-Ресовский перенимает идею физико-химического объяснения живого у своего учителя Кольцова⁴ и развивает идею атомно-молекулярного строения гена. Он исследует мутационный процесс на *Drosophila melanogaster* и результаты своего исследования оформляет в совместной с К. Циммером и М. Дельбрюком работе 1935 г. «О природе генных мутаций и структуре гена», известной как «Зеленая тетрадь». Эта работа являет яркий пример взаимодействия русских и европейских научных коллективов. Тимофеев-Ресовский, получивший образование в России, работал в лабораториях как России, так и Германии, где в отделе генетики и биофизики в Институте исследований мозга изучал радиационное влияние на мутации.

Относительно небольшое количество генов и признаков, подходящее расщепление признаков, быстрота размножения и большое число потомства для определения статистических закономерностей делают *Drosophila melanogaster* хорошим модельным объектом генетического исследования — МИО-b, имеющим непосредственную эмпирическую реализацию. На этом объекте реализуется расщепление состояний отдельных индивидов в составе вида. Приготовлением объекта является переход от дрозофилы как вида и организма к дрозофиле как набору генов и дрозофиле как набору признаков. Радиационный метод позволяет производить более частые мутации по сравнению со спонтанными мутациями, а также контролировать степень воздействия⁵. Выводы относительно мутационного процесса оказываются возможными при принятии предпосылки о том, что спонтанные и радиационные мутации качественно однородны. Данные, полученные для дрозофилы, обобщаются до выводов относительно генетической информации вообще на основании общих физико-химических представлений о генах.

Тимофеев-Ресовский исследует зависимость частоты мутаций у дрозофилы от различных факторов, вроде дозы облучения или длины волны. Данные экспериментов собраны в таблицы. Биологическим уровнем здесь выступает генетический уровень. Физический уровень задан параметрами радиации. Из анализа таблиц дела-

ется вывод о наличии или отсутствии зависимости между объектами, о ее степени: частота мутаций зависит только от дозы облучения⁶. Поставленная проблема зависимости между уровнями объясняется «чужими» средствами — с помощью физической модели, отвечающей экспериментальным результатам Тимофеева-Ресовского. Подбором такой модели занимается К. Циммер во второй главе «Теория попадания и ее следствия в приложении к проблеме мутагенеза». Среди физических моделей действия радиации (ионизация, прохождение вторичного электрона) он выбирает ту, согласно которой «генные мутации представляют собой превращения одной единственной молекулы, т.е. являются скорее химической, чем биологической реакцией»⁷. На этой основе он формулирует теорию попадания: мутация возникает после появления возбужденных в области попадания пар ионов. Циммер работает как физик исключительно на физическом уровне в рамках относительно устоявшегося раздела физики со своими идеальными объектами (вроде длины волны) и своими уравнениями движения. С биологическим уровнем он сталкивается лишь как с результатами Тимофеева-Ресовского. В ходе подбора подходящей модели для описания этих экспериментальных результатов мы видим становление модельного объекта с физическим смыслом — МИО-f, который предполагает событие попадания, но биофизического смысла еще нет.

Попытку конструирования биофизического смысла как соединения биологического и физического уровня предпринимает М. Дельбрюк в третьей главе «Атомно-физическая модель генных мутаций». Четкая зависимость между радиацией и мутациями позволяет сделать вывод о молекулярном строении гена, о наличии химического уровня между физическим и биологическим (генетическим) уровнями. На биологическом уровне ген является идеализированным объектом с биологическим смыслом — МИО-b. Представление о строении гена позволяет применить к МИО-b физическую модель попадания — МИО-f и теоретические возможности квантовой механики и химии, на основе которых объясняется скачкообразность мутаций: «мутация соответствует определенной перестройке генной молекулы»⁸. Так строится физическая модель биологического процесса. В четвертой главе «Теория генных мутаций и структуры гена» конструируется модельный объект с биофизическим смыслом (МИО-bf): ген как некая молекулярная структура, конфигурация атомов, а также начи-

нает концептуализироваться процесс перехода между состояниями — процесс мутирования. Концептуальный базис биофизики при этом еще не определен, становится, формируется.

«Зеленая тетрадь» оказывается важным и этапным исследованием в процессе становления концептуального базиса биофизики. По-бэковски, отталкиваясь от экспериментов, авторы формулируют физико-химическую теорию гена. Ген представлен как молекулярная структура с некоторым порядком атомов. Изменение гена происходит скачкообразно и имеет квантовую природу. По мнению Блюменфельда, «важность этой работы для биологии сравнима со значением для физики знаменитых экспериментов Резерфорда»⁹. «Зеленая тетрадь» показывает необходимость дальнейшего биофизического исследования — нахождение молекулярной структуры гена становится целью, благодаря которой в 1953 году Уотсон и Крик создали модель ДНК. Изучение физико-химических оснований биологии задает тренд, который обусловил всю биологию XX века¹⁰, значение молекулярной биологии¹¹.

Подключение квантовой механики к рассмотрению биологии определяет интерес Э. Шредингера к проблеме жизни и вдохновляет его на опубликованную в 1943 г. работу «Жизнь с точки зрения физики». Он работает на теоретическом уровне, обобщая полученные ранее экспериментальные результаты и основываясь на «Зеленой тетради».

Шредингер начинает исследование жизни с модели статистической физики. В ее рамках физическое явление разбивается на микроуровень с неупорядоченным тепловым движением атомов и макроуровень, где упорядоченные закономерности проявляются статистически. Он опирается на примеры парамагнетизма и броуновского движения. Так, в целом система может вести себя достаточно упорядоченно, хотя элементы будут вести себя хаотично и неупорядоченно¹². Такая модель вводится им как МИО-f — через конкретные физические случаи. Эта модель основана на БИО статистической физики и классической термодинамики, в частности, на понятии энтропии. Энтропия вводится Шредингером как часть теоретической схемы, часть «законов физики», но может применяться как модель по отношению к конкретным случаям. Энтропии задается физический смысл: «когда вы расплавляете твердое тело, то энтропия возрастает на величину теплоты плавления, деленной на температуру при точке плавления»¹³. Энтропия как логарифм от «количественной меры атомной неупорядоченности» задает связь со

статистической физикой. Таким образом, это энтропия-f. Отсылка же к атомной неупорядоченности и к утверждению вроде того, что «модель статистической физики включает в себя тенденцию вещей переходить к неупорядоченности»¹⁴ определяет натурфилософский уровень рассуждения — энтропию-n. Эта теоретическая схема статистической физики на натурфилософском уровне выражается моделью «порядка из беспорядка», когда беспорядок существует на микроуровне, а порядок на макроуровне как статистический результат.

Такая теоретическая схема, включающая энтропию-f как БИО, хоть и не может обойтись без натурфилософских отсылок (без энтропии-n), однако, имеет конкретное модельное выражение — конкретные МИО-f. Энтропия на математическом уровне (энтропия-m) подразумевается, но не раскрывается.

Прямой перенос этого МИО-f на биологическую область дает модель, в которой организм являет упорядоченное движение за счет того, что состоит из такого большого числа атомов, чтобы статистические закономерности могли выполняться. Так выглядит МИО-b, созданный из МИО-f. Но этот МИО-b не находит эмпирического подтверждения. Исследования в области генетики показывают, что предположительное количество атомов в гене (через вычисление объема гена) слишком мало для проявления статистических закономерностей. Число атомов «было бы слишком мало, даже если бы все эти атомы исполняли одинаковую роль, как в газе или капле жидкости, а ген, почти несомненно, как раз не является гомогенной каплей жидкости»¹⁵. Такая модель явно неадекватна, требуется ее изменение.

Шредингер указывает на принципиальную упорядоченность структуры гена, приводя пример азбуки Морзе, когда буквы алфавита могут кодироваться через два знака — точку и тире. Любая буква — запись из четырех позиций, каждая из которых либо точка, либо тире. Ген подобен шифровальному коду¹⁶, где каждый элемент играет свою индивидуальную роль и при этом действия элементов взаимно согласованы. Это определяет устойчивость структуры гена. Упорядоченность сообщения зависит в данном случае от упорядоченности каждого знака. Подобная модель для Шредингера больше отражает биологическую реальность. Это собственно биологический МИО-b, взятый Шредингером готовым из «Зеленой тетради». Новый МИО-b требует иной связи с теми МИО-f, из которых выводился неадекватный биологии МИО-b. Новый МИО-b

необходимо подвести под теоретические схемы разных разделов физики — квантовой механики и термодинамики.

Через такие БИО квантовой механики, как квантовый скачок и энергетический порог, объясняются такие свойства МИО-*b* как устойчивость и мутабельность. Мутация представляет собой перестройку структуры гена, основанную на способности одних и тех же элементов выстраивать различные связи между собой. Каждое состояние достаточно стабильно и устойчиво, переход возможен лишь при преодолении энергетического порога. Так как энергия, затрачиваемая на переход из одного состояния в другое, больше разности между энергиями этих состояний, это определяет редкость мутаций. Концептуализация скачкообразного перехода между квантовыми состояниями позволяет концептуализировать переход между состояниями гена, определить «уравнение движения» в генетике.

Установление новой связи МИО-*b* со статистической физикой и классической термодинамикой происходит за счет введения нового идеального объекта. «Живая материя, хоть и избегает действия «законов физики», установленных к настоящему времени, по-видимому, заключает в себе до сих пор неизвестные «другие законы физики», которые, однако, раз они открыты, должны будут составить такую же неотъемлемую часть этой науки, как и первые»¹⁷. Новый БИО — отрицательная энтропия — является производным от старого БИО — энтропия. На основе нового БИО выстраивается теоретическая схема, согласно которой организм способен избегать быстрого перехода в инертное состояние «равновесия» благодаря «питанию отрицательной энтропии», благодаря «непрерывному извлечению упорядоченности из окружающей среды» в виде органических молекул. Отрицательная энтропия существует на тех же уровнях, что и просто энтропия. Отрицательная энтропия-*m* есть энтропия-*m* с обратным знаком. Отрицательная энтропия-*f* не несет собственного физического смысла, но существует в теоретической схеме, объясняющей действие МИО-*b*. Отрицательная энтропия-*n* определяется как мера упорядоченности в противовес энтропии-*n* как меры неупорядоченности.

Упорядоченность организма основана на натурфилософской схеме «порядок из порядка»: порядок существует и на макроуровне (организм), и на микроуровне (органическая молекула). Упорядоченность молекулы для Шредингера аналогична кристаллу. Он проводит две линии различия: «молекула — твердое тело — кри-

сталл» и «газ — жидкость — аморфное тело». Первая группа характеризуется упорядоченностью как наличием связи между элементами, вторая — отсутствием этой связи, неупорядоченностью. Отталкиваясь от этого различия, Шредингер определяет молекулу как аperiодический кристалл, который является «шедевром высоко дифференцированной упорядоченности»¹⁸. Понятие аperiодического кристалла можно назвать новой моделью (МИО-*f*), которая также помогает связывать МИО-*b* с теоретической схемой статистической физики.

У Шредингера упорядоченность характерна для твердого тела в отличие от неупорядоченности, характерной для жидкости, что мы наблюдали и у Кольцова, хоть и в несколько разном виде.

Таким образом, Шредингер конструирует идеализированные объекты с биофизическим смыслом (отрицательная энтропия, органическая молекула как аperiодический кристалл), чем оформляет концептуальный базис биофизики, завершая период его становления. Созданная им теоретическая схема оказывается «наиболее четким изложением связи между физикой и биологией»¹⁹ [Шамбадал 1968, 263] и является аналогом парадигмы. Тем не менее, эта схема еще не является фундаментальной теорией, в ее рамках не создан идеальный образец решения задачи, и поэтому рано говорить о создании парадигмы. Расширяя подход Т. Куна, можно говорить о протопарадигмальной теоретической схеме, с которой начинается период развития концептуального базиса биофизики²⁰.

Итак, в стремлении отыскать физико-химические основы живой материи исследователи сталкиваются с необходимостью соединения двух теоретических уровней: физического и биологического. Такое соединение определяет необходимость создания биофизического уровня со своими собственными идеализированными объектами, обладающими собственно биофизическим смыслом.

Список литературы

1. *Блюменфельд Л.А.* Решаемые и нерешаемые проблемы биологической физики. М.: Едиториал УРСС, 2002.
2. *Иваницкий Г.Р.* XXI век: что такое жизнь с точки зрения физики // *Успехи физических наук.* Т. 180. № 4. 2010. С. 337-369.
3. *Карпинская Р.С.* Биология и мировоззрение. М.: Мысль, 1980.
4. *Кольцов Н.К.* Организация клетки. Сборник экспериментальных исследований, статей и речей. 1903—1935 гг. М.-Л.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936.

5. *Липкин А.И.* Основания физики: взгляд из теоретической физики. М.: ЛЕНАНД, 2014.

6. *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Воспоминания. М.: АО Издательская группа «Прогресс», Пангея, 1995.

7. *Тимофеев-Ресовский Н.В., Циммер К., Дельбрюк М.* О природе генных мутаций и структуре гена // Тимофеев-Ресовский Н.В. Избранные труды. М.: Медицина, 1996. с. 105-151

8. *Шамбадаль П.* Развитие и приложения понятия энтропии. М.: Наука, 1967.

9. *Шрёдингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009.

10. *Энгельгардт В.А.* Познание явлений жизни. М.: Наука 1984.

¹ *Липкин А.И.* Основания физики: взгляд из теоретической физики. М.: ЛЕНАНД, 2014. Мы модифицируем ее на основе уточненного представления о существовании идеальных объектов, изложенного в предыдущей статье данного журнала под авторством А.В. Чусова.

² *Кольцов Н.К.* Организация клетки. Сборник экспериментальных исследований, статей и речей. 1903—1935 гг. Москва-Ленинград, Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 40-41.

³ Там же. С. 468.

⁴ Н.В. Тимофеев-Ресовский описывает идею экспериментов «Зеленой тетради» так: «... в моем отделе в Бухе это направление ... явилось логическим развитием одного из направлений, созданных еще в начале века Николаем Константиновичем Кольцовым, моим учителем. ... он постарался на основании своих экспериментальных цитологических исследований по изучению влияния определенных физико-химических условий на форму, структуру и движение клеток, а также на основании общих рассуждений о наследственных элементарных факторах, о генах ... создать ... теоретическую модель того, что представляют собой с физико-химической точки зрения хромосомы и гены, которые расположены линейно, как в то время уже было известно, в этих самых хромосомах» См. *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Воспоминания. М.: АО Издательская группа «Прогресс», Пангея, 1995. С. 219.

⁵ *Тимофеев-Ресовский Н.В., Циммер К., Дельбрюк М.* О природе генных мутаций и структуре гена. // *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Избранные труды. М.: Медицина, 1996. С. 109.

⁶ Там же. С. 127-129.

⁷ *Тимофеев-Ресовский Н.В., Циммер К., Дельбрюк М.* О природе генных мутаций и структуре гена. // *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Избранные труды. М.: Медицина, 1996. С. 134.

⁸ Там же. С.142.

⁹ *Блюменфельд Л.А.* Решаемые и нерешаемые проблемы биологической физики. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 11.

¹⁰ *Энгельгардт В.А.* Познание явлений жизни. М.: Наука 1984. С. 188.

¹¹ *Карпинская Р.С.* Биология и мировоззрение. М.: Мысль, 1980. С. 49.

¹² *Шрёдингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. С. 33.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 120.

¹⁵ *Шрёдингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 45

¹⁷ *Шрёдингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. С. 119.

¹⁸ *Шрёдингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. С. 120.

¹⁹ *Шамбадаль П.* Развитие и приложения понятия энтропии. М.: Наука, 1967. С. 263.

²⁰ *Иваницкий Г.Р.* XXI век: что такое жизнь с точки зрения физики // Успехи физических наук, т. 180, № 4, 2010. С. 337-338.

Personal identity in the information space of culture and the problems of modern education

Личность в информационном пространстве культуры и задачи современного образования

Andrew Lvovich Zolkin,
doctor of philosophical Sciences, associate Professor
Moscow University of the MIA of Russia named
after V.J. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Андрей Львович Золкин,
доктор философских наук, доцент профессор
кафедры философии Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: az20042004@mail.ru

Annotation. The article considers education as an integral part of the informational space of culture. It is proved that the modern «Bologna» strategy of education depends on the ideology of liberal postmodernism and does not meet the challenges of modern society. The possibility of an alternative civilizational strategy in Russian education, which should be based on the basic values of Russian culture and philosophical tradition, is substantiated. The civilizational strategy is considered as the main methodology of building the cultural space of modern Russian education.

Key words: education, science, culture, information space, civilization, basic cultural values, individual, personality

Аннотация. В статье образование рассматривается как составная часть информационного пространства культуры. Доказывается, что современная «Болонская» стратегия образования зависит от идеологии либерального постмодернизма и не соответствует задачам развития современного общества. Обосновывается возможность альтернативной цивилизационной стратегии в отечественном образовании, которая должна опираться на базовые ценности российской культуры и философской традиции. Цивилизационная стратегия рассматривается как основная методология построения культурного пространства современного отечественного образования.

Ключевые слова: образование, наука, культура, информационное пространство, цивилизация, базовые культурные ценности, индивид, личность

Культурное пространство современного высшего образования, реформированного в дух «Болонского процесса», порождает все больше сомнений. Ранние комментарии и оценки этой модели образования исходили из глобалистского понимания общественного развития, сформулированного Ф. Фукуямой: западный мир либеральной свободы переходит в наступление против мира тоталитарной несвободы, воплощенно-го в незападных обществах.

На основе этой карикатурной схемы осуществлялось и осмысление образования: на смену советской социоцентристской модели должна прийти новая либеральная модель, более свободная и более практичная. Преимущества видятся в повышении мобильности и гибкости: студент может выбирать значительное количество курсов, их содержание упрощается, поскольку бакалавриат представляет собой ознакомительное образование, а затем уже в магистратуре студент может получить узкую специализацию.

У этой системы есть определенные плюсы, но есть и минусы. Угроза видится в том, что понятие «образованный человек» теперь применяется к индивиду, владеющему лишь набором компетенций в какой-либо профессии и сово-

купностью фрагментарных представлений о жизни, отвечающих его желаниям и психологическому комфорту. И то, и другое может быть вполне виртуальным по отношению к реальному миру. Таким образом, знаний у выпускника нет, есть лишь набор компетенций, позволяющих приспособиться к текущему моменту существования как внешнего мира, так и мира внутреннего. В сфере мировоззрения для человека главным становится не испытывать стресс, не задавать лишних вопросов и верить в то, что написано в газетах.

Высшее образование становится институтом по подготовке персонала, пролетариата информационного мира. Хозяева этого мира получают совсем другое образование. Если компетенции устареют, то нужно снова учиться, в этом смысл непрерывного образования для неспособного к развитию индивида¹. Фрагментарность его образования превращает его в объект системного манипулирования.

Оппоненты и критики болонской системы приводят в пример советскую модель образования, смягченную в идеологическом отношении в консервативном духе в пользу традиции, религии и «духовности» вообще. Это решение сохраняет

идею знания, поскольку если нет идеи знания как ядра университетского образования, то такое образование не является высшим. Компетенции есть удел колледжа, а не университета. Но и знания вызывают вопросы. Сторонники компетенций говорят о том, что современные факультеты набиты схоластицированными науками, которые имеют ограниченную практическую ценность, перегружены громоздкими определениями и множеством устаревших теорий².

И во многом они правы. В основе стандартного образования лежит принцип формирования научного мировоззрения. Этот принцип как таковой не вызывает сомнения, но во многом сегодня он потерял свое содержание в связи с кризисом классической науки Нового времени. Причем речь идет не о том, что какие-то концепции устарели, и их следует заменить. Скорее проблема заключается в исчерпании претензий науки Нового времени на то, чтобы быть не только инструментом познания, но и мировоззренческой силой³. Эта сила освобождает человека от религиозной картины мира, формирует его как рационального субъекта, способного к достижению истины посредством простых методов проверки. Предполагалось, что классическая наука не только дает знания, но также формирует здравый смысл, цели человеческой жизни, а также общественный консенсус как основу гражданского общества и государства. Дополнений в форме философии не требуется, религия иллюзорна, а искусство — избыточно.

Сейчас ситуация изменилась. Наука стала неклассической, она непонятна, противоречит здравому смыслу, оторвана от практической жизни, не имеет ясно выраженного мировоззренческого значения. Такая наука предполагает работу профессионалов, она не настолько рациональна, чтобы использовать классическое понятие истины, поэтому расцвет постмодернизма и торжество деконструктивизма в отношении ценностей и реальностей превращают ее в игру⁴. В результате, современное знание распределяется по трем секторам: фрагментированные компетенции большинства, системное знание закрытых сообществ, осуществляющих стратегическое манипулирование общественными процессами и специализированное знание профессиональных ученых.

Поэтому, если альтернативу болонскому процессу мыслить через консервацию классической науки в неклассическую эпоху, то результат может быть отрицательным. Необходим поиск новых путей развития образования через переосмысление итогов эпохи Просвещения, через

глубокое понимание современной культуры, неклассической науки, идей системности и нового понимания личности в информационном пространстве. Представляется, что образование должно основываться на трех базовых ценностях культуры: научное мышление, личностное развитие и социальная ответственность.

Одним из первых об идее культуры как основе образования заявил еще испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, который в своей книге «Миссия университета» выдвинул идею, что в основе образования лежит задача воспитания «культурной личности», а основная функция университета — это преподавание главных культурно-значимых дисциплин. При этом, он утверждал, что научное исследование не является главной функцией университета, поскольку стремиться к тому, чтобы каждый студент был ученым, — утопическая претензия. Главной же целью университета является культура. «Культура, — утверждал Х. Ортега-и-Гассет, — это система жизненных идей, которой обладает каждая эпоха. Или так: это система идей, благодаря которым время живет. Человек всегда живет, исходя из некоторых заданных идей, которые составляют твердую почву, поддерживающую его существование»⁵. Итак, культура есть система жизненных идей, которая является основой социализации индивида в современное общество. Кто останется ниже культуры, тот живет архаичными идеями, обрекает себя на бессмысленную жизнь. Внутренний порядок научной деятельности не является жизненно необходимым; порядок культуры — является. Культура — это занятие, необходимое для всей жизни, составная сторона человеческого существования.

Отсюда историческая важность необходимости вернуть университету его центральную задачу — «просветить» индивида, приобщить его к полноте культуры своей эпохи, открыть ему с ясностью и необходимостью огромный смысловой мир, в который он должен вписать свою жизнь, чтобы она отвечала высшим целям человеческого существования. Для этого Х. Ортега-и-Гассет предлагал во всех университетах создать «факультет культуры» как центр всего высшего образования. Этот факультет должен объединять следующие дисциплины, области знания: физическая картина мира (физика); основополагающие темы органической жизни (биология); историческое развитие человеческого рода (история); структура и функционирование общественной жизни (социология); план мироздания (философия).

На наш взгляд, общая идея Х. Ортеги-и-Гассета очень плодотворна и своевременна: человека нельзя обрекать на бессмысленную жизнь. Однако реализация этой идеи представляется слишком абстрактной и поверхностной. Университет невозможен без идеи науки. Вспомним, что В. Гумбольдт в основу новой модели университета положил именно науку, раскрываемую через три основных принципа. Первый заключался в отрицании утилитарного взгляда на образование, когда знания ценят не ради их самих, а только ввиду их практической пользы. Второй — предостерегал от господства сугубо эмпирической науки, ибо это стало бы противодействовать фундаментальному теоретическому познанию. Третий принцип подчеркивал значение гуманитарного образования, без которого не может быть образованной личности⁶.

Таким образом, обновление образования через науку предполагало и новую гуманитарную программу, позволяющую сформироваться соответствующему типу личности. В. Гумбольдт настаивал: человечество находится в настоящее время на таком уровне культуры, что может совершенствоваться только вследствие развития отдельных личностей. Любые учреждения, превращающие людей в «массы», теперь более вредны, чем когда-либо, а за человеком должно быть сохранено право свободного образования, ограниченное лишь статусом гражданина.

Именно благодаря революции в университетском образовании Германия заняла господствующее положение в научном мире, а немецкий язык стал преобладающим международным языком в науке своего времени. Проблема университета как феномена культуры прочно вошла в немецкую философскую мысль и стала движущей силой дальнейшего развития образования.

Уже Карл Ясперс указывал, что университет, должен выполнять четыре основных функции: во-первых, исследования, преподавания и обучения специальным профессиям; во-вторых, образования и воспитания; в-третьих, духовной коммуникативной жизни; в-четвертых, «вселенной наукой»⁷. При этом, университет подчиняет все отдельные науки общей задаче поиска истины, а функция «коммуникативной духовной жизни» состоит в том, чтобы обеспечить свободу общения, которая не признает никаких ограничений. Духовная атмосфера университета обязана быть политически нейтральной, несмотря на то, что университет включен в систему конкретных общественно-политических отношений, являясь важным социальным институтом.

И В. Гумбольдт, и К. Ясперс, да и многие другие теоретики, всеми силами стремились подчеркнуть идею академической свободы университета, полагая, что дистанцирование от государства полностью компенсируется той пользой, которую приносит университет человечеству своим вкладом в развитие науки и формирование творческой индивидуальности.

Вместе с тем, идея личности в культурном пространстве университета должна получать более глубокое осмысление⁸ и не сводиться лишь к творческой индивидуальности. Речь должна идти роли университета в создании инфраструктуры формирования личности в информационном пространстве. Сама идея культуры как ведущей идеи образования не может считаться простой. Если под культурой понимать присвоение индивидом основных принципов модерна или постмодерна, то такая задача не может рассматриваться как абсолютная цель: модерн устарел, а постмодерн интересен, но сомнителен.

Абсолютной точкой зрения могла быть истина, но человек не обладает божественным знанием, просто потому, что находится внутри мира, а не вне его. И в квантовой механике, и в общей теории относительности человек не может занять позицию привилегированного наблюдателя, находящегося над миром. Так и в науках о культуре. Поэтому идея поиска истины приобретает актуальность. Она приходит на смену простых решений позитивистов и постмодернистов. Поэтому М.М. Бахтин и видел смысл культуры не в методе верификации, а в диалоге, понимая его как универсальную характеристику человеческого сознания, в каких бы формах оно не проявлялось. Диалог представляет для культуры жизненно необходимую форму существования, поскольку развитая культура обладает способностью к порождению нового смысла — возможностью давать новые ответы на новые вопросы, которые время ставит перед членами общества, каждый раз по-новому делать осмысленным индивидуальное существование человека и развитие общества⁹.

Идея диалога была конкретизирована в понятии полифонии, характерной для творчества Ф.М. Достоевского. «В моем понимании, — писал М.М. Бахтин, — Достоевский — творец полифонического, многоголосого романа, автор романов-диалогов, посвященных краеугольным устоям бытия. Он настаивал на том, что правда об этих устоях не может быть выяснена в рамках бытия отдельной личности, она попросту неспособна вместиться в сознание индивида. Правда

может быть приоткрыта (да и то лишь частично) в процессе общения равноправных человеческих существований, в диалоге между ними»¹⁰.

Отметим, что полифоническая природа культуры соответствует идеям неклассической науки. Полифония приходит на смену монологизму классической культуры, но не может уравниваться с постмодернистским мультикультурализмом, ибо последний лишен идеи поиска истины. Что же касается идеи свободы как академической независимости, либерального выбора или постмодернистской игры, то ее следует заменить на идею свободы как самодетерминации личности. Еще В.С. Библер судьбу культуры определял через конфликт между двумя определениями человеческого бытия: внешней детерминации индивида, реализованной как в сознательных и подсознательных структурах психики, так и в материальных структурах экономической и политической жизни, и самодетерминацией индивидуальной ответственности человека за свои поступки, сознание, мышление, за судьбу в целом, вне зависимости от того, что те же самые поступки могут быть детерминированы внешним образом.

Культура как феномен самодетерминации изобретена так, что позволяет преломлять силы внешней детерминации и усиливать слабые возможности индивидуальной самобытности¹¹. Границами культуры являются философия, искусство, нравственность и теория, которые в данном случае понимаются не в аспекте их функционирования в структуре наличных социальных систем, но в их определенности как сил самодетерминации, как всеобщих намерений деятельности самоустремления. Весь этот процесс фокусируется в точечном акте самоопределения человека, уникальном и неповторимом для каждого индивида.

Можно заметить, что указанные грани культуры, хотя и определяют самодетерминацию, однако делают это различными способами. В одно определение сводится эстетическая и нравственная осмысленность нашего бытия, образуя регулятивную идею личности. В другое определение можно объединить теоретические потенции культуры и собственно философские определения — в идею философской логики, или идею разума.

Конечно, очерченный феномен культуры как самодетерминации есть сильная идеализация. Жизнь индивида всегда осуществляется в схематизме основных регулятивных идей, поскольку

развитие человечества — это не прогрессивное самодвижение некоторой нечеловеческой субстанции, переходящей из одной своей возможности в другую, а процесс драматического выстраивания человеком своей собственной судьбы.

Указанный схематизм должен учитывать, что современный человек живет в информационном мире, и поэтому должен обладать способностью рефлексии семиозиса. Концепция семиосферы (семиотического универсума) как пространства, в котором реализуются коммуникативные процессы и вырабатывается новая информация — важнейшая идея Ю.М. Лотмана. Если понятие ноосферы охватывает содержание сознания и его воздействие на реальность, то семиосфера — это система знаков, носителей и передатчиков значения, каналов и способов передачи информации. Отсутствие соответствующих знаний в сфере семиозиса делает человека объектом информационных манипуляций, поскольку каналы информации программируют его сознание определенным заданным образом. Человека нельзя просто проинформировать о смысле жизни. Если рациональная культура полагала, что субъект просто не может отказаться от рационального решения, то в реальности человек часто отказывается от прямого совета, реагируя на косвенные подсказки.

Это, конечно важный, но не самый существенный аспект. Семиосфера в целом может рассматриваться как генератор информации. Классическое просветительское научное образование ориентирует человека на сбор фактов, но информационное общество должно осмысливать принципы генерирования информации как таковой. Наследие Ю.М. Лотмана здесь окажет неоценимую помощь. Современная культура нуждается в дешифровке.

Новое образование должно найти себя в новой культурной ситуации, в которой актуален вопрос: каким образом академические ценности соотносятся с цивилизационными ценностями? Ответ на этот вопрос усложняется тем, что русская модель культуры противоречит западной, а их унификация представляется крайне сомнительной¹².

Западная культура защищает глобализм, мультикультурализм, приоритет нетрадиционных религий, гендерное равенство, индивидуализм, толерантность и политкорректность¹³. Россия отстаивает многополярный мир; самобытность; духовное развитие; приоритет традиционных религий; подлинную терпимость; социальную справедливость¹⁴.

Цивилизационная модель образования сегодня должна стать «местом сборки» новой идеологии университета. В эту идеологию должны быть включены ценности личностного развития, социально-ответственного образа жизни, системного понимания реальности, вовлеченности в осуществление культурной традиции и способности к межкультурному диалогу.

¹ Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке // *Философские исследования и современность*: Вып. 6. М., 2017. С. 323–351.

² *Золкин А.Л.* Цивилизационная парадигма социализации и инкультурации молодежи: философские аспекты // *Социально-гуманитарное обозрение*. 2017. № 1. С. 7-9.

³ *Шашурина Г.В.* Философские аспекты современной научной картины мира // *Философские исследования и современность*: Вып. 3. М., 2014. С. 268-280.

⁴ *Золкин А.Л.* Цивилизационная парадигма философии образования // *Философские исследования и современность*. Вып. 6. М., 2017. С. 132-138.

⁵ *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. М., 2010. С. 100.

⁶ *Золкин А.Л.* Культурное пространство современного образования // *Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*. 2017. № 5. С. 305-307.

⁷ *Ясперс К.* Идея университета. Минск: БГУ, 2006.

⁸ *Золкин А.Л.* Цивилизационный суверенитет России как философская проблема // *Вестник Московского университета МВД*. 2016. № 2. С. 24-27.

⁹ *Фролова Т.Н.* Диалог как форма межкультурного взаимодействия // *Философские исследования и современность*: Вып. 1. М., 2012. С. 211-223.

¹⁰ *Бахтин М.М.* В Большом времени. Бахтинология. СПб., 1995. С. 7.

¹¹ *Галанина Н.В.* Субъективная деятельность как основной детерминирующий фактор социального развития // *Философские исследования и современность*: Вып. 5. М., 2016. С. 137-143.

¹² *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П.* Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии: монография. М.:ИПЛ, 2017.

¹³ *Лепехин В.А.* «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы // *Социально-гуманитарное обозрение*. 2016. № 1. С. 116-123.

¹⁴ *Бельский В.Ю.* Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // *Социально-гуманитарное обозрение*. 2016. № 1. С. 10–12.

Value bases and legal ideology of Scottish separatism

Ценностные основания и правовая идеология Шотландского сепаратизма

Alexey Ivanovich Klimenko,
Doctor of Juridical Sciences,
Professor of the Theory of State and Law Department,
Moscow University of
the Ministry of Interior of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot»
E-mail: klimenko_law@mail.ru

Алексей Иванович Клименко,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикоты
E-mail: klimenko_law@mail.ru

Научные специальности: 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»
12.00.10 Международное право. Европейское право

Annotation. The author's analysis of the ideological and value foundations of Scottish separatism is presented in the work. The place of legal ideology and legal values is determined within the framework of the grounds under consideration. The article classifies the value foundations of Scottish separatism and analyzes various groups of values on which the ideology of Scottish separatism is based. On the basis of the analysis, the article concludes that despite the fact that socio-economic values are essentially important at a rational level, and cultural values — on the irrational level, outwardly the most important are legal values. Orientation to the values and meanings of legal ideology makes the ideology of Scottish separatism respectable and increases the chances of recognizing the independence of Scotland.

Key words: Scotland, separatism, legal ideology, international legal ideology, international law, the principles of international law, legal values, the right of peoples to self-determination, socio-economic values, romantic and aesthetic values, the ideology of Scottish separatism

Аннотация. В работе представлен авторский анализ идеолого-ценностных оснований шотландского сепаратизма, определено место правовой идеологии и правовых ценностей в рамках рассматриваемых оснований. В статье классифицированы ценностные основания шотландского сепаратизма и проанализированы различные группы ценностей, на которые опирается идеология шотландского сепаратизма. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что несмотря на то, что внутренне существенными на рациональном уровне выступают социально-экономические ценности, а на иррациональном — культурные, внешне наиболее важными выступают правовые ценности. Ориентация на ценности и смыслы правовой идеологии делает идеологию шотландского сепаратизма respectable и повышает шансы признания независимости Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, сепаратизм, правовая идеология, международная правовая идеология, международное право, принципы международного права, правовые ценности, право народов на самоопределение, социально-экономические ценности, романтико-эстетические ценности, идеология шотландского сепаратизма

Сегодня в Европе наблюдаются тенденции роста национального самосознания, которая ведет к актуализации сепаратистских устремлений некоторых народов. Такие государства как Великобритания, Испания, Италия сталкиваются с данным явлением уже в настоящее время. Не случайно сегодня многие политики, ученые, эксперты говорят о «новом сепаратизме в Европе». Когда отдельные государства задаются вопросом о целесообразности членства в Евросоюзе, отдельные народы этих государств солидаризуясь с общеевропейскими ценностями желают сформировать собственную государственность, вступить в «общую европейскую семью» в самостоятельном качестве.

За любыми сепаратистскими устремлениями стоит определенная система ценностей и опре-

деленная идеология. В условиях современных государств, которые позиционируют себя как правовые, а также на фоне борьбы за права человека, идеология сепаратизма все больше насыщается правовым содержанием и апеллирует к праву народа на самоопределение. Действительно, о праве народа на самоопределение написано много работ, и можно согласиться с тем, что «По общему признанию, право народов на самоопределение рассматривается и как один из основных принципов международного права, и как коллективное право человека. С него начинаются оба Международных пакта о правах человека 1966 г.» [1]. В этом контексте следует рассмотреть проблему ценностно-идеологических основ шотландского сепаратизма. Важность данной проблемы связана с тем обстоятельством,

что Шотландия последовательно пытается легализовать и легитимировать свою независимость, и среди ценностно-идеологических основ шотландского сепаратизма наиболее явственно проступают правовые ценности, в борьбе за независимость используются практически исключительно правовые формы, а в коммуникации правовая риторика.

Итак, имеет смысл поставить вопрос о ценностных (идеолого-ценностных) основаниях шотландского сепаратизма. Под ценностными основаниями, согласно социо-аксиологическому подходу, мы предполагаем те ценности, которые определяются социальными интересами и потребностями. К ним относятся «иррациональные» религиозные и эстетические ценности, моральные ценности, а также «рациональные» социально-экономические и правовые (конвенциональные) ценности. Они, так или иначе, отражают соотношение интересов и потребностей в шотландском обществе, причем каждая ценность имеет свое идейное выражение, и, соответственно, ценности ложатся в основу идеологии независимости Шотландии (идеологии сепаратизма). Ценности «иррационального» и «рационального» типа также формируются и в контексте более крупных социо-политических структур (Великобритания в целом, Европейский Союз, «мировое сообщество»). Именно соотношение идеологии независимости Шотландии с ценностно-идеологическими стандартами более крупных социо-политических структур предопределяет перспективы признания права Шотландии на самоопределение.

Сама государственность может быть рассмотрена как идеологический феномен. Именно так его представлял известный российский юрист Михаил Андреевич Рейснер. При этом он выделял три основных способа идеологического обоснования политической организации общества: мистический, романтико-эстетический и рациональный [2]. Все эти способы характерны в той или иной степени для «идеологии независимости», или для «идеологии сепаратизма» в современной Европе и, в частности для идеологии шотландской независимости.

Сразу следует отметить, что мистические основания идеологии независимости сегодня в Шотландии не являются определяющими. Во многом это обусловлено секулярным характером современных политических идеологий, светским характером государства и т.д. Соответственно, мистическая проблематика может считаться несущественной и вполне исчерпанной работами знаменитого шотландского писателя и юриста

сэра Вальтера Скотта («Пресвитериане», «Легенда о Монтрозе»). Однако в научных исследованиях существуют позиции, согласно которым религиозно-мистические ценности и идеи существенны в плане влияния на становление государства и права в Шотландии. Так, например, наряду с концепцией суверенитета народа Шотландии (Арбротская декларация 1320 г.) А.А. Графшонкина придает большое значение, в плане влияния на развитие государственных и правовых институтов Шотландии, реформации, выразившейся в реформе церкви Джоном Ноксом [3].

Романтико-эстетические основания идеологии независимости Шотландии проявляются наиболее очевидно. К ним можно отнести и романтизацию таинственной истории Шотландии, и ее героизацию, и мифологизацию, а также эстетизацию Шотландской культуры, которая часто противопоставляется английской культуре. Все это мы видим в сувенирной продукции, достаточно активной пропаганде «всего шотландского», от пледов, виски, блюд национальной кухни и национальной одежды — килта, до литературы (сэр Вальтер Скотт, Роберт Льюис Стивенсон, Артур Конан Дойль, Роберт Бернс и др.) и философии (Девид Юм, Адам Смит и др.). Восхваляется история движения за независимость Шотландии от Англии в связи с этим романтизируются образы Короля Шотландии Иоанна I Баллиоля (получил прозвище «пустой плащ»), лидера борьбы за независимость Уильяма Уоллеса и Короля Шотландии Роберта де Брюса, а также Карла (Чарльза) Эдварда Стюарта (бони принц Чарльз) — лидера якобитов, который хоть и ставил в качестве основной задачи приход к власти в Англии, а не независимость Шотландии, является крайне позитивно романтизированной в Шотландии фигурой. Шотландцы гордятся тем, что первый в мире сберегательный банк был основан в Шотландии. Основатель флота США Джон Пол Джонс — шотландец, и даже книги про Гарри Поттера писались Джоан Роулинг в эдинбургском кафе. Шотландцы гордятся своими университетами (университет Глазго, университет Абердина, Эдинбургский университет, университет Сент-Эндрюса — старейший университет Шотландии). Следует сказать, что названные университеты входят в шестерку старейших в Великобритании. На этих и многих других основаниях строится вера в высокое достоинство шотландского народа, в его уникальность, они также позволяют шотландцам чувствовать себя частью некоей «священной» общности. Вместе с тем, именно эти основания представляются подлинными, глубинными «внут-

ренними» основаниями самоидентификации и независимости народа Шотландии.

Следует, однако, заметить, что рациональные основания представляются сегодня наиболее существенными и очевидными. К таковым относятся прежде всего социально-экономические ценности (и связанные с ними соображения), с одной стороны, и правовые ценности — с другой.

Что касается экономических соображений и ценностей социально-экономической целесообразности, то они предполагают два основных аргумента. Первый аргумент заключается в том, что Шотландия — регион, который вполне способен себя обеспечить — экономически самостоятельный регион. Второй аргумент состоит в том, что Шотландия экономически заинтересована в пребывании Великобритании в Евросоюзе, а последнее решение по Брекситу породило новую волну дискуссий о том, что лучше быть вне Великобритании, но вместе с ЕС (по результатам голосования по Брекситу население Шотландии голосовало за то, чтобы остаться в составе Евросоюза). Кроме того, следует подчеркнуть то, что за период автономии в Шотландии удалось сформировать сильное «социальное государство». Социальная поддержка и забота о незащищенных категориях населения — своего рода «визитная карточка» шотландской социально-экономической системы. Социальная политика Шотландии национально ориентирована: так, например, все шотландцы имеют право бесплатного обучения в шотландских университетах (которые весьма успешны).

Учитывая все вышесказанное, тем не менее, следует иметь в виду, что в современном обществе ведущую роль в идеологической сфере играет правовая идеология как особый механизм организации идеологической сферы общества [4]. Соответственно, самые важные ценности, которые лежат в основе идеологии шотландского сепаратизма, — правовые ценности.

В истории целый ряд правовых документов знаменуют этапы борьбы Шотландии за независимость [5]. Соответственно, идеи шотландской независимости исторически весьма часто облекались в юридическую форму, находили правовое выражение. Следует отметить, что в отношении правовой системы, правовой культуры Шотландия отличается весьма яркой спецификой. Существуют важные различия в английской и шотландской правовых традициях [6]. Судебная система Шотландии относительно самостоятельна, организационно самобытна [7]. Однако сегодня в плане правового компонента идеологии сепаратизма актуализируются именно уни-

версальные правовые ценности, что может обеспечить с наибольшей вероятностью широкое признание стремления к независимости.

Среди правовых ценностей следует выделить прежде всего правовую ценность демократии. Она представляет собой синтез ценности народного суверенитета и соблюдения надлежащей правовой процедуры. Именно поэтому воля народа выясняется посредством особой демократической процедуры (референдум о независимости).

Важной правовой ценностью, к которой апеллируют все движения независимости, является ценность самоопределения народа. Эта ценность выражена, или так или иначе упоминается в целом ряде международных правовых документов разного уровня [8]. И здесь следует согласиться с тем, что «... амбивалентность международно-правовых норм вносит множество неясностей, а самое главное — оставляет нерешенным вопрос относительно субъекта права наций и народов на самоопределение» [9]. Несмотря на то, что рассматриваемая ценность и соответствующий принцип конкурируют с ценностью территориальной целостности государства и соответствующим правовым принципом, в условиях, когда идея Ж.Ж. Руссо о народном суверенитете представляется аксиомой правосознания европейского общества, следует признать ценность права народов на самоопределение наиболее «сильной» в идеологическом плане, что, разумеется, не снимает проблемы отсутствия четкого однозначного понимания сущности и механизма реализации этого права. При этом существует много исследований в отношении права народа на самоопределение, которые пытаются внести ясность в данную сферу и на доктринальном уровне хотя бы отчасти компенсировать сложности толкования данного важнейшего международно-правового принципа [10].

Следует подчеркнуть, что все обозначенные ценностные ориентиры образуют сложную мозаику идеологии независимости Шотландии. Внешне наиболее важными выступают правовые ценности. Именно ориентация на них делает идеологию шотландского сепаратизма «респектабельной» и повышает шансы признания независимости Шотландии. Дело в том, что эти ценности находят отклик в фоновых, внешних для Шотландии идеологических сферах. Внутренне существенными на рациональном уровне выступают социально-экономические ценности, а на иррациональном — ценности «романтико-эстетического» уровня (или культурные ценности). Они обладают значимостью именно внутри идеологической сферы самой Шотландии.

При этом все-таки правовой компонент идеологии шотландского сепаратизма сегодня «задает тон» в публичном дискурсе о независимости Шотландии. Соответственно, можно с полной уверенностью говорить о формировании правовой идеологии шотландского сепаратизма, которая транслирует понятные и релевантные мировым ценностным стандартам ценности и смыслы.

Список литературы

1. Словарь международного права. 3-е изд., перераб. и доп. Ответственный редактор д.ю.н., проф. С.А. Егоров. М.: Статут, 2014. С. 329.
2. *Рейснер М.А.* Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 28-52.
3. *Графшонкина А.А.* Эволюция институтов государства и права в Шотландии: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук по научной специальности 12.00.01 — «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». (РУДН). М., 2016. С. 17.
4. *Клименко А.И.* Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2017. С. 30-31, 43, 57-59.
5. См.: *Графшонкина А.А.* Суверенитет Шотландии и его документальное оформление (XII—XVIII вв.) // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2013. № 2. С. 149-156; *Графшонкина А.А.* Особенности формирования правовой системы Шотландии // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2013. № 4. С. 204-210.
6. *Графшонкина А.А.* Эволюция институтов государства и права в Шотландии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук по научной специальности 12.00.01 — «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». (РУДН). Москва, 2016. С. 12-15.

7. *Графшонкина А.А.* Эволюция институтов государства и права в Шотландии: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук по научной специальности 12.00.01 — «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». (РУДН). Москва, 2016. С. 15, 18-20.

8. См. подробный анализ документов: *Гостев С.С.* Равноправие и самоопределение народов в современном международном праве // Вестник Московского университета МВД России. № 8. 2014. С. 5-8.

9. *Гостев С.С.* Равноправие и самоопределение народов в современном международном праве // Вестник Московского университета МВД России. № 8. 2014. С. 8.

10. См. например: *Барсегов Ю.Г.* Самоопределение и территориальная целостность. М.: Изд. дом ТриТ, 1993; *Гостев С.С.* К вопросу о зарождении и развитии идеи права наций на самоопределение // Инновации и инвестиции. 2013. № 8. С. 115–118; *Гостев С.С.* К вопросу о национальной самоидентификации как предпосылке возникновения волеизъявления наций к реализации права на самоопределение в странах континентальной Европы // Образование, наука, научные кадры. 2017. № 1. С. 14–16; *Журек О.Н.* Самоопределение народов в международном праве. М.: Юридическая литература, 1990; *Ковалёв А.А.* Самоопределение и экономическая независимость народов. М.: Международные отношения, 1988; *Напсо М.Б.* Самоопределение в современном мире // Федерализм. 2007. № 4 (48). С. 69-78; *Пашенцев Д.А.* Право наций на самоопределение и особенности его реализации в империях // Юридические науки. 2015. № 4. С. 31-36.

Values of Russian civilization in the context of studying its foundations

Ценности Российской цивилизации в контексте изучения ее оснований

Vladimir Anatolyevich Lepelin,
Ph.D, Director of the Institute
Director of EAЕU
E-mail: office@unity-dana.ru

Владимир Анатольевич Лепехин,
кандидат философских наук,
директор Института ЕАЭС
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The article deals with the main methodological problems of research and formation of the system of spiritual and moral values of Russian civilization. The author focuses on the relevance of the study of axiological problems in the context of the unfolding against Russia hybrid civilizational war, noting a special place in the system of civilizational values of Russia Christian and Orthodox values.

Key words: Russian civilization, civilizational values, value matrix, Russian people, Russian ethnicity, Orthodox values, civilizational foundations, civilizational archetype, essential features, traditional values, competitive civilizations

Аннотация. В статье рассматриваются основные методологические проблемы исследования и формирования системы духовно-нравственных ценностей российской цивилизации. Автор акцентирует внимание на актуальности изучения аксиологической проблематики в условиях разворачивающейся против России гибридной цивилизационной войны, отмечая особое место в системе цивилизационных ценностей России христианских и православных ценностных оснований.

Ключевые слова: российская цивилизация, цивилизационные ценности, ценностная матрица, российский народ, русский этнос, православные ценности, ценностные основания, цивилизационный архетип, сущностные признаки, традиционные ценности, конкурентные цивилизации

Конкуренция ведущих геополитических игроков (Евросоюза, США, России и Китая) и их нарастающая в последние годы борьба за транснациональные рынки, сопровождаются, как мы видим, не только столкновением интересов и различных идеологических доктрин, но и противоборством ценностных систем. В таком контексте Россия столкнулась с жесткими атаками со стороны ряда государств и их коалиций, трансформирующимися во все более масштабные межцивилизационные противостояния, фронты которых часто не совпадают с государственными границами и проходят по некоторым странам и народам — раскалывая их по ценностному признаку.

Наша страна тоже расколота на сторонников навязываемых России так называемых западных («общечеловеческих») ценностей, выдаваемых за ценности свободы и прогресса, и приверженцев органичных для нашей цивилизации традиционных ценностей, связанных с ценностями защиты и укрепления национального суверенитета РФ. Отсюда — растущее стремление многих граждан России к тому, чтобы разобраться в своем ценностно-нравственном коде и понять, какие конкретно моральные нормы и духовные факторы позволят нашей стране выжить в условиях нарастания внешних угроз, а также могут

и должны стать основаниями для ее конкурентного развития.

В исследовании нравственного кода нашего народа и в выявлении ключевых элементов оптимальной для него ценностной системы следует иметь в виду, что познание данного феномена необходимо начать с определения содержания самого понятия «нравственные ценности».

О каких конкретно ценностях идет речь применительно к исторической России как стране-цивилизации, а также к России современной?

Политики и эксперты оперируют сегодня такими категориями, обозначающими масштаб аксиологических матриц, как «общечеловеческие (планетарные, глобальные) ценности», «христианские ценности», «православные ценности», «цивилизационные ценности», «национальные ценности» и проч. Но очевидно, что общечеловеческие ценности не сводятся к христианским ценностям, как бы некоторые христиане на это не претендовали. В свою очередь, православные ценности и христианские ценности — не тождество; уже потому, что внутри христианской морали имеются десятки самых разных ее версий, и православная этика существенно отличается, к примеру, от этики англиканской церкви, лютеран или даже католиков.

Не секрет, что Десять заповедей Ветхого завета, а особенно содержание новозаветной Нагорной проповеди толкуются по-разному в различных христианских конфессиях. И еще больше различаются в них церковная практика, цели миссионерства и характер служения Богу и людям.

С моей точки зрения, нравственные ценности, например, российских мусульман сегодня намного ближе православным, чем этика некоторых христианских церквей, адаптирующаяся к современным потребительским целям и стандартам. Рискну утверждать также, что не являются тождеством даже такие понятия, как «христианские ценности» и «библейские ценности», ибо второе понятие объемнее. Да и в самой православной церкви, в некоторых ее автокефалиях и неканонических юрисдикциях наблюдается эрозия традиционных ценностей и канонов.

Вывод: говоря о России и присущей ей конкретной ценностной системе, мы должны иметь в виду, в первую очередь, православную этику, взяв ее постулаты за основу названной системы, после чего следует осуществить анализ того, какие ценности и каких традиционных для РФ религий присущи российской цивилизации (РЦ).

Квалифицированным исследователям необходимо четко различать все названные выше понятия, а также отличать национальные ценности от цивилизационных, цивилизационные — от глобальных и глобалистских, православные от христианских, религиозные ценности — от светских, российские — от антироссийских, etc.

Следует также иметь в виду, что если мы говорим о современной России, то в ней исторически существовали, существуют и сегодня не только различные конфессиональные ценностные системы, но и феномены, обозначаемые категориями «национальные ценности» и «цивилизационные ценности». При этом наиболее емким и операбельным, в силу, прежде всего, его соборности, представляется нам понятие «цивилизационные ценности», определяющее содержание и сущности **ценностной системы российской цивилизации**.

Эта система вмещает в себя и православные ценности, выступающие в качестве базового элемента российской ценностной матрицы, и некоторые светские ценности, тоже являющиеся основаниями российского «культурно-исторического типа» и соответствующих ему идентичностей. Остается только понять состав и иерархию всех этих элементов и оснований.

Российская цивилизационная аксиология подразумевает соотнесение православной этики с духовно-нравственными паттернами соответствующих (российских) версий ислама и буддизма и предполагает включение в ценностную матрицу российской цивилизации нравственных установок основных российских этносов: в первую очередь, русского этноса (как стержневого элемента многонационального российского народа), а также различных локальных цивилизационностей: тюркской, поволжской, сибирской, дальневосточной, северной-заполярной, кавказской, саяно-алтайской, уральской.

Основой православной этики являются, несомненно, десять ветхозаветных заповедей Моисея (Декалог) и евангельские заповеди Христа (новозаветная Нагорная проповедь). И это, разумеется, константа цивилизационной ценностной системы современной России, которая, однако, требует соответствующих дефиниции, классификации и иерархизации с учетом требований формальной логики и особенностей современного момента в России и в мире. Нужно понимать, что изложенные в Священном писании ценности за две тысячи лет мировой истории частично вышли на уровень универсальных, общечеловеческих, частично — сохранились в качестве неизбывных собственно внутрицерковных в ряде христианских конфессий, частично — укоренились в качестве базовых социокультурных паттернов именно в православии, в том числе — в Русской православной церкви.

Одна из интерпретаций ценностной системы РЦ утверждена XV-ым Всемирным русским народным собором, состоявшимся 25—26 мая 2011 года [1].

Собор на тему «Базисные ценности — основа единства народов» принял документ под названием «Базисные ценности — основа национальной идентичности», в котором перечислены 16 базисных ценностей, являющихся больше общечеловеческими, чем христианскими, и больше христианскими, чем собственно православными или же российскими.

Тем не менее, предложенная трактовка Декалога не просто имеет право на существование. Она вполне отвечает требованиям Базиса — той общехристианской основы национальной и цивилизационной идентичности граждан России, в которой по мере обсуждения названного документа ВРНС выявляются конкретные приоритетные элементы. Например, справедливость, совесть, солидарность, самоограничение и семья — элементы, представляющие собой

фактическое ядро российской цивилизационной аксиологии.

Декалог в версии ВРНС, равно как и различные документы РПЦ, касающиеся духовно-нравственной основы России как страны-цивилизации — не рядовые документы. Это мировоззренческая и концептуально-методологическая основа формирующейся сегодня ценностной матрицы российского народа, являющейся ответом на вызовы времени. Разумеется, эти документы требуют своего продвижения в самых разных аудиториях и средах, но нужно понимать, что тот же Декалог ВРНС, представляя собой совокупность базовых ценностей РЦ, не является пока что целостной и завершенной системой этих ценностей. Так, один из вопросов, возникающих у отечественных ученых и экспертов (специализирующихся на практической аксиологии) в процессе выявления структуры российской цивилизационной ценностной системы, состоит в том, какие светские ценности — помимо собственно христианских — могли бы дополнительно войти как в число базовых, так и в число дополнительных элементов названной системы.

Ответ, как я полагаю, кроется в анализе истории российской цивилизации с момента ее зарождения и до нынешнего времени, и всех ее характеристик, касающихся не только духовной или социокультурной сфер, но также ее географии, доминирующих экономических укладов и определяемых ими образов жизни, антропологических особенностей и стереотипов поведения людей.

Одним из важных дополнительных — к базисным ценностям — элементов российской цивилизационной этносистемы я вижу несколько паттернов, касающихся такого, к примеру, феномена, как «развитие». Совершенно очевидно, что при всей нацеленности имманентной русско-православной этики на сохранение и укрепление традиционного для РЦ духовно-нравственного кода, именно сегодня было бы неосмотрительно игнорировать ценность развития.

В советское время в рамках российской цивилизации (принявшей на тот момент времени форму советской квазицивилизации), в период индустриализации страны и ее последующего экономического развития сформировался такой паттерн, как «приверженность научно-техническому прогрессу». Полагаю, что эта ценность должна войти в число базовых ценностей РЦ, тем более что более чем уважительное отношение граждан РФ и российской власти к науке и НТП в целом согласуется с приверженностью

русских и православных людей к правде, а вошедший уже в плоть и кровь россиян технократизм органичен такой ценности цивилизационной модели экономики РФ, как «созидательность» (см. ниже).

Еще один важный цивилизационный паттерн Руси-России, имеющий своими источниками православную общежитийность (киновию) и крестьянскую общину, обозначаемый автором таким понятием, как «солидарность», претерпел определенную эволюцию в период так называемой советской коллективизации и разного рода обобществлений. Разумеется, и он должен войти в новый «светский декалог» как категория с множеством сущностных и уникальных характеристик российского цивилизационного архетипа.

Все эти особенности ценностной матрицы российской цивилизации в ее архетипической статике и уникальной исторической динамике исследуют Экспертный центр Всемирного русского народного собора, публикующий результаты своих разработок в научных изданиях, в прессе и в специальных монографиях, [2] и Институт ЕАЭС, исследующий цивилизационную проблематику в контексте евразийских интеграционных и иных процессов. [3]

Автор этих строк в ряде научных и публицистических публикаций подробно описал наиболее характерные признаки российской цивилизации, сформировавшиеся в различные периоды истории Руси, Московского царства, Российской империи, СССР и современной России [4] и классифицировал их, взяв за основу такой критерий, как «сущностные признаки».

С моей точки зрения, сущностными признаками любой цивилизации являются наиболее устойчивые, долгосрочные и имманентные признаки, определяющие ее «культурно-исторический тип» и цивилизационный код.

Именно такие признаки являются ключевыми ОСНОВАНИЯМИ ценностной матрицы той или иной цивилизации и предпосылками трансформации этих оснований в ее базисные ценности.

Разумеется, у понятия «сущностный» нет количественного показателя (сущностными признаками РЦ можно считать 5, 10, 15 и более паттернов), однако если взять за основу основные сферы жизнедеятельности (экономику, духовную и социальную сферы, культуру, политику и т.п.), то можно будет остановиться на 8—10 ключевых сферах, ценностная аутентичность, уникальность и самобытность РЦ в которых можно будет обозначить каким-либо наиболее адекватным обобщенным термином (см. табл. 1).

Таблица 1

№ п/п	Сфера жизнедеятельности	Ценности
1	Духовная сфера	Святость (праведность)
2	Нравственность	Совесь
3	Социальная сфера	Справедливость
4	Политическая сфера	Солидарность
5	Сфера культуры	Самобытность
6	Экономика	Созидательность
7	Сфера потребления	Самоограничение
8	Личность	Свобода
9	Групповая идентичность	Семья
10	Внешняя политика	Суверенитет

Таков предлагаемый нами «светский Декалог» российской цивилизации, в котором, тем не менее, есть место Декалогу христианскому: в позициях 1, 2, 3, 7, 8, 9 светские ценности РЦ в полном объеме взаимопереплетаются с ценностями христианского мира, зафиксированными официальных документах ВРНС и РПЦ.

Отмечу, что каждая из позиций в столбце 3, имеет свои расшифровки. К примеру, в п.1 вслед за святостью можно взять такие паттерны «базисных ценностей», как «вера» и «праведность», в п. 2 — «достоинство», «честность» и «правда», в п. 3 — «милосердие», в п. 4 — «благо человека» и «любовь к ближнему», в п. 5 — «национальные традиции», в п.6 — «трудолюбие» и «приверженность НТП», в п. 7 — «жертвенность» и «нестяжание», в п. 8 — «духовное развитие» и «спасение», а в п. 10 — «патриотизм», «мир» и «ненасильственность».

Наконец, обоснование выдвижения на первый план того или иного сущностного признака в каждой из сфер жизнедеятельности россия (например, — созидательности российской экономической модели или же ненасильственности, как принципа ее внешней политики) имеют самое развернутое обоснование, изложенное автором этих строк, в частности, в диссертационной работе на тему «Антропологический подход

в изучении проблемы сущностных признаков российской цивилизации» [5].

Список литературы

1. Материалы XV Всемирного русского народного собора // Базисные ценности — основа единства народов. 25-26.05.2011. Эл. доступ: <https://vrns.ru/documents/68/1031>
2. Рудаков А.Б., Тимаков В.В. Солидарное общество // Русская программа: формула и цель нашей цивилизации. Тула: Аквариус, 2015, 160 с.
3. См. Лепехин В.А. Солидарная цивилизация — главный российский тренд. РИА-новости, 28.05.2015. Эл. доступ: https://ria.ru/zinoviev_club/20150528/1066937714.html
4. Лепехин В.А. Цивилизационные ценности как основа суверенитета российской цивилизации. // Доклад на XXVI Международных образовательных Рождественских чтениях «в ХСС 18.01.2018. Эл. доступ: <https://vrns.ru/united-society/4715/> См. также: Лепехин В.А. Солидарная цивилизация — главный российский бренд. // РИА-новости, 28.05.2015. Эл. доступ: https://ria.ru/zinoviev_club/20150528/1066937714.html
5. Лепехин В.А. Антропологический подход в изучении проблемы сущностных признаков российской цивилизации // Диссертация кандидата философских наук: 09.00.13; Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 2015. 193 с.

Methodological problems creations of institute of police in the Russian Federation in the first quarter of the 21ST century

Методологические проблемы создания института полиции в Российской Федерации в первой четверти XXI века

Anton Borisovich Moiseev,
senior teacher
departments of sociology and political science
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Y. Kikot»
E-mail: borisyech71@mail.ru

Антон Борисович Моисеев,
старший преподаватель
кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикота
E-mail: borisyech71@mail.ru

Научная специальность: 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

Annotation. In article the critical analysis of the methodological problems connected with planning and implementation in the first quarter of the 21st century of large-scale reform of law-enforcement bodies of the Russian Federation is carried out.

Key words: police, institute of police, reform of police, crisis of institute of police, militia, Rosgvardiya, Dmitry Anatolyevich Medvedev, Vladimir Semyonovich Ovchinsky

Аннотация. В статье осуществлен критический анализ методологических проблем, связанных с планированием и осуществлением в первой четверти XXI века масштабной реформы органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: полиция, институт полиции, реформа полиции, кризис института полиции, милиция, Росгвардия, Дмитрий Анатольевич Медведев, Владимир Семенович Овчинский

Институт полиции в Российской Федерации в настоящий момент переживает глубокий системный кризис. Согласно материалам традиционных и электронных средств массовой информации, а также публикациям, размещаемым в социальных сетях, в том числе в специализированных группах, выражающих мнения самих сотрудников полиции, таких как сообщество «Омбудсмен полиции» [1] в социальной сети «В Контакте», основными симптомами этого кризиса являются грозящий превратиться в повальное бегство отток из полиции квалифицированных кадров, массовое недовольство сотрудников полиции рядового и среднего звена условиями службы, нормированием служебной нагрузки, соблюдением личных прав сотрудников и их материальным обеспечением, дискредитация образа полицейского в публичном медиа-пространстве и отсутствие внятной реакции на вышеперечисленные проблемы как со стороны руководства управляющего деятельностью полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации, так и высших органов государственной власти России.

Как вышеперечисленные, так и иные, не названные здесь, проблемы института полиции

являются закономерной — ранее прогнозируемой и вполне ожидаемой — платой за скоропалительную, непродуманную, волюнтаристскую реформу доставшегося в наследство от советской модели государственного строительства института милиции, осуществленную в 2010—2012 годах в рамках провозглашенной действующим на тот момент Президентом России Д.А. Медведевым программы «модернизации российского общества».

Популистский характер этой реформы выдает хотя бы то обстоятельство, что столь масштабные изменения ключевого для нормального функционирования общества института активной правоохраны не только не сопровождалась разработкой масштабного национального проекта подобно анонсированным тогда же инновациям в сфере высоких технологий, сельского хозяйства, медицины и образования, но даже не были подкреплены в отличие от реформы той же судебной системы принятием соответствующей отраслевой федеральной целевой программы. Напротив, одной из важнейших целей преобразования милиции в полицию уже на этапе разработки и популяризации данной реформы

в российском обществе называлась оптимизация структуры, численности личного состава и характера деятельности именуемых в то время милицией органов внутренних дел Российской Федерации, что в условиях двадцатилетнего цикла постсоциалистической трансформации российской социальной реальности однозначно воспринимается как сокращение и урезание расходов на соответствующий вид государственной деятельности.

«Ничто так дорого не обходится обществу, как дешевая полиция» [2], — этот старый тезис, подлинное авторство которого автору данной статьи до сих пор установить так и не удалось (материал, на который в данном случае идет ссылка, в свою очередь апеллирует к неким анонимным «западным исследователям деятельности правоохранительных систем» [3]), активно применявшийся чуть ли не со времен горбачевской «перестройки» для критики недостатков деятельности милиции, был напрочь забыт, когда речь зашла о создании принципиального нового, по мнению инициаторов обсуждаемой реформы, инновационного института активной правоохраны, в качестве какового в 2010—2011 годах и позиционировалась полиция. С подачи своих идейных либерально мыслящих наперстников действующий в тот момент Президент России Д.А. Медведев не нашел ничего лучше, как в духе садистского анекдота об обеспечении узников концлагеря постельным бельем за счет своих выбывших из списков товарищей объявить Указом от 24 декабря 2009 г. № 1468 источником повышения денежного содержания личного состава приговоренной к реформированию милиции средства, высвобождаемые в результате сокращения штатной численности сотрудников. Недостатка в выразивших свое неподдельное восхищение столь мудрым вердиктом Первого лица государства на тот момент не было даже среди тех, кто по смыслу своей профессиональной деятельности должен был если не откровенно критически, то, по крайней мере, с известной долей осторожности отнестись к подобному прокрустову решению достаточно сложной, деликатной и — по сути дела — неоднозначной проблемы соотношения численности и эффективности деятельности органов внутренних дел с уровнем денежного содержания служащих этой системы.

Главный методологический просчет объявленной полицейской реформы состоял в том, что начинать создание полиции следовало не с опре-

деления ее штатной численности, уровня и особенностей оплаты труда сотрудников, а также объема выделяемого финансирования, а с ответа на вопрос: ЗАЧЕМ ПОЛИЦИЯ НЕОБХОДИМА ОБЩЕСТВУ? В ЧЕМ БУДЕТ СОСТОЯТЬ СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ ЭТОГО ИНСТИТУТА В УСЛОВИЯХ ОБЪЯВЛЕННОЙ ВСЕСТОРОННЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ?

Ответ на этот вопрос не только не был дан, но даже сама необходимость постановки этого вопроса не возникла в тот момент ни у кого из инициаторов и идеологов данной реформы, как в структурах высшей государственной власти, так и в самом Министерстве внутренних дел. Обнародованный в 2012 году проект «Дорожной карты дальнейшего реформирования МВД», подготовленный расширенной рабочей группой по дальнейшему реформированию органов внутренних дел Российской Федерации, которая была создана решением Министра внутренних дел 12 июня 2012 года, напоминал скорее калейдоскоп разнонаправленных мероприятий по решению наболевших проблем, традиционно присущих институту милиции, нежели попытку концептуального обоснования путей создания принципиально нового для общества института. Настоящей карикатурой на здравый смысл в этой связи в свете последовавших затем по прошествии некоторого времени известных печальных событий выглядит рекомендация ответственного секретаря Расширенной рабочей группы по реформированию органов внутренних дел, советника Министра внутренних дел России В.С. Овчинского использовать для реформирования правоохранительной системы России «опыт украинских коллег» [4].

Не удивительно, что публично заявленная с такой помпой реформа свелась в итоге к банальному сокращению штатов, разовому повышению денежного содержания сотрудников и введению новой формы одежды, практичность и целесообразность отдельных предметов и элементов которой до сих пор вызывает недоумение и остается под вопросом у тех сотрудников, которым по долгу службы приходится носить эту форму постоянно [5]. В массовом сознании полиция не вызывает ассоциаций с принципиально новой формой обеспечения общественной безопасности, социального порядка и стабильности, присущей современному цивилизованному обществу, а скорее воспринимается в качестве лишенной былого уважения, почета и полномочий милиции, неспособной в сложившейся к настоящему

моменту ситуации в обществе оказать какую-либо действенную помощь, кроме вынесения «отказного» решения и выдачи справки о причиненном ущербе. Об образах полицейских, формируемых сегодня средствами масс-медиа, и говорить не приходится: настолько аморальными, жестокими, неграмотными и беспринципными предстают в традиционных и электронных средствах массовой информации сотрудники полиции, что иногда под влиянием обнаруженных материалов создается устойчивое впечатление, что в органах полиции России трудится наиболее худшая по своим моральным, умственным и деловым качествам часть населения страны. В условиях повсеместного обострения социально-экономического положения населения России и активизации протестной активности образ полиции как репрессивного инструмента, заточенного для выполнения по приказу свыше любой самой грязной, противоправной и безнравственной работы, становится расхожим. Вместе с тем, нельзя также отрицать, что решения, принимаемые на соответствующих уровнях политического управления, равно как и их практическая интерпретация непосредственными руководителями подразделений полиции порой объективно способствуют именно такому восприятию отдельных сторон повседневной деятельности полиции.

Вместе с тем, если бы инициаторы полицейской реформы на самом деле серьезно задались бы принципиальным вопросом, который был уже сформулирован выше, то вскоре они бы пришли к очевидному выводу, что процесс трансформации милиции в полицию связан не с реформой, то есть формальным переименованием и качественным улучшением по ряду ключевых параметров уже имеющегося института, что по сути дела и подразумевал обнародованный В.С. Овчинским от имени расширенной комиссии «Проект дорожной карты реформирования МВД», а с созданием принципиально новой институциональной структуры.

Принципиальным отличием полиции от милиции в данном случае следовало бы считать основное целевое назначение указанных институтов: если приоритетом деятельности милиции де-факто являлась защита интересов власти, то приоритетом деятельности полиции должно было стать поддержание нормативно установленного порядка в обществе. На первый взгляд, различий между этими двумя целевыми установками нет, однако на практике первое означает ориентацию

на выполнение приказа, в то время, как второе связано с четким и неукоснительным соблюдением действующего закона, причем всеми звеньями и инстанциями единого полицейского механизма, в том числе и применительно к внутриведомственному регулированию и стимулированию деятельности сотрудников самой полиции.

Подлинная суть полицейской реформы должна была состоять в осуществлении перехода «от силовой модели поддержания общественного правопорядка в интересах существующей власти, являвшейся основой организации и деятельности милиции на протяжении всего времени ее существования, к модели сотрудничества с обществом, основанной на том, что обеспечение общественного порядка и общественной безопасности является одной из базовых функций современного социального государства и в этом смысле представляет собой социальную услугу, которую государство оказывает населению» [6].

Перефразируя известные слова из работы К. Маркса «К еврейскому вопросу» [7], полиция в России должна была стать институтом обеспечения повседневной безопасности личности в обществе на основании действующих правовых норм. Логичным развитием этого подхода на практике стало выведение из структуры органов внутренних дел в особое ведомство — Росгвардию — тех компонентов системы общественной безопасности, первоочередная функция которых состоит в силовом принуждении к исполнению закона, в то время как для полиции собственно силовое принуждение должно было стать крайней, вынужденной мерой.

Отказ от псевдопатриотической милитаристской риторики применительно к повседневной служебной деятельности полиции и ее отдельных сотрудников, переориентация представлений о гражданской роли полицейского в обществе с патетического, но безликого образа «солдата правопорядка», который ежедневно идет в священный бой, где льется кровь и свистят пули, на более близкие служителям закона по своему социальному облику образы Дяди Степы и участкового Анискина, качественное повышение личностного потенциала обычного рядового сотрудника полиции, расширение его социальной миссии и присутствия в обществе требовали не сокращения и без того скудных расходов и перераспределения имеющегося между теми, кто остался, а принципиально новых политических, кадровых, финансово-хозяйственных решений.

Подлинная, а не косметическая реформа органов внутренних дел, планируемому итогом которой стало бы образование института полиции, должна была подразумевать беспрецедентный рост вложений в человеческий капитал, образование и повышение квалификации кадров, принципиальное совершенствование инфраструктуры нового социально-политического института. И если всего этого не случилось, а по прошествии почти семи лет с момента практического запуска реформы мы видим не возникновение нового института и даже не ренессанс и обновление старого, пусть даже и под новым названием, а системную стагнацию и деградацию структурных элементов существующих органов правопорядка, можно констатировать, что заявленная на рубеже 2010—2011 годов реформа оказалась пшиком, фейком, кратковременной популистской кампанией, единственным зримым и значимым результатом которой стало банальная смена вывесок, дополненная резким и качественным ухудшением уровня и внутреннего содержания деятельности реформируемого института.

Список литературы

1. <https://vk.com/ombudsmentt>
2. *Литвиненко А.Н., Максимова О.Ю.* Ресурсы МВД России в системе обеспечения экономической безопасности страны // Экономические науки. 2010. № 8(69). С. 188.
3. Там же.
4. *Овчинский В.С.* «Дорожная карта» дальнейшего реформирования МВД России // Профессионал. 2012. № 5(109). С. 4-5.
5. *Бельский В.Ю.* Легитимность полиции: взаимодействие нарративов и идеологий // СпГУ МВД России: Материалы Международной научно-практической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития». Навстречу 300-летию Российской полиции. 2016. Т. 1. С. 10-13.
6. *Моисеев А.Б.* К вопросу о социальной роли полиции в современном обществе / Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции (23 июня 2017 г.): в 2 т. / Под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. Т. II. С. 271.
7. См.: *Маркс К.* К еврейскому вопросу // Доступно из URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/-jewish.htm>

The philosophy of spiritual and moral bases for public service

Философия духовно-нравственных оснований государственного служения

Vladimir Vladimirovich Neganov,
Candidate of Philosophy,
lecturer of the Department of History and Philosophy
of the Moscow State University of Civil Engineering
E-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Владимир Владимирович Неганов,
кандидат философских наук, преподаватель
кафедры истории и философии Московского
государственного строительного университета
E-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Научная специальность: 09.00.03 История философии

Annotation. This scientific research is devoted to the consideration of the essence, basic principles and spiritual and moral foundations of service to the state in the historical, philosophical and anthropological perspective. The author identifies and analyzes the characteristic trends and features of the formation of the ideal of public service. As a result of scientific research, the author makes important conclusions about the importance of the existence of a formed civil position based on the moral principles of Orthodox Christianity.

Key words: history of philosophy, Christianity, anthropology, spiritual and moral bases, public service

Аннотация. Данное научное исследование посвящено рассмотрению сущности, основных принципов и духовно-нравственных оснований служения государству в историко-философской и антропологической перспективе. Автором выявлены и проанализированы характерные тенденции и особенности формирования идеала государственного служения. В результате научного изыскания, автором сделаны важные выводы о значимости наличия сформированной гражданской позиции, основанной на нравственных началах православного христианства.

Ключевые слова: история философии, христианство, антропология, духовно-нравственные основания, государственное служение

Сегодня как в любые другие времена актуальными являются вопросы профессионализма, компетентности, а главное добросовестности и верности человека, состоящего на службе государству. Если профессиональную компетентность можно, так или иначе, оценить по определенным критериям и если есть необходимость повысить ее на курсах повышения квалификации, то намного сложнее определить основания или масштабы духовно-нравственного состояния человека, его склонности к конструктивным или деструктивным действиям. В современную эпоху, когда государственная идеология формально не закреплена и не зафиксирована законодательно, каждый человек, несущий службу, стоит перед необходимостью самостоятельно определять свой личный и общественный идеал. Его обретение — является одной из важнейших задач современности, стоящих перед интеллектуальным сообществом, чтобы «предложить отвечающие духу времени советы и рекомендации, призванные служить консолидации нашего общества, сбережению непреходящих духовных, нравственных ценностей, которые нас объединяют» [1]. В связи с этим, прочным основанием

государственного служения может стать твердая гражданская позиция, основанная на незыблемых духовных и нравственных ценностях. Такими основаниями, формирующими конструктивную жизненную позицию человека, могут быть только проверенные временем, культурой и традицией нашего народа православные христианские духовно — нравственные основы [2].

Духовный стержень является основой жизни человека. Духовность нередко подменяют другими составляющими: культурой или образованием, умственным или чувственным развитием, индивидуальной или социальной адаптацией, общей эрудицией и т.д. В Православии духовность — это стяжание подобия Божия человеком. Святоотеческая мысль свидетельствует, что одним из существеннейших недостатков человека является невидение — неспособность, нежелание осознать свое несовершенство. «*Что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?*» (Мф. 7, 3) [3]. Святоотеческий опыт свидетельствует о том, что, если человек недостаточно своего внимания уделяет духовной жизни, то он лишает сам себя и совершенства и, соответственно, богообщения,

к которому он призван. *«Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»* (Мф. 5, 48) [4]. «Вопрос о возможности, необходимости и цели нравственного совершенствования человека на протяжении всей истории является одним из основополагающих» [5]. На место подлинного идеала неизбежно приходят псевдоценности. Лишив себя общения с Богом, человек перестает видеть и чувствовать страстность своей души и ее болезни, начинает воспринимать их как вариант нормы, а не грех, и поэтому укореняется в этих грехах [6]. Основная задача человека, жаждущего богообщения и богоуподобления — очами духа, а не плоти познать себя: «просвети [Господи] мои очи мысленныя, отверзи моя уста, поучатися словесем Твоим, и разумети заповеди Твоя, и творити волю Твою» [7].

Служение является непреходящей ценностью. Служение есть форма жертвенности, завещана самим Христом. *«Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»* (Марк 10, 45) [8]. Противостоит гранью и препятствием между правом и духовной жизнью является грех, препятствие на пути к духовно — нравственному совершенству. Достичь совершенства удастся не каждому человеку. Причина этого заключается в противостоянии мира физического и духовного. Человек с онтологической и гносеологической точек зрения и как существо, и как явление заключает в себе множество противоречий. На это указывали еще античные и средневековые философы. Они утверждают, что знание о добродетели и реальное поведение человека не всегда согласуются. Аристотель, изобличая эти свойства человеческой природы, подчеркивает, что человек знает доброе, но поступает по — иному [9]. Еще Овидий по этому поводу пишет: «Вижу лучшее и одобряю, а следую худшему. Но против воли гнетет меня новая сила. Желая я одного, но другое твердит мне мой разум. Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь» [10]. Апостол Павел свидетельствует: *«Желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»* (Рим. 7, 18—19) [11]. По Августину, антагонизм человеческой природы проявляется в признании добра и устремленности к злу [12]. Совесть духовная — это способность видеть внутреннее содержание жизненных ситуаций. Смотри в первую очередь на себя (не суди по себе, а суди в первую очередь себя). Почему же человек не идет по пути совести? Потому что мы утрачиваем свою свободу в угоду личному удовольствию, или, подчиняясь требованиям системы, лишенной духовных ориентиров чело-

век может приобрести для своей души исключительно безразличие и своекорыстие. «Как в жизни отдельного человека, так и в жизни народа — вера в социальные институты и правовые механизмы мертва без нравственного делания, без умения поступать по совести» [13]. Верная жизнь во Христе позволяет человеку трезво видеть свои немощи и грехи. Нечувствие является самым страшным состоянием человека — это, прежде всего, болезнь воли. Христианское верование относит волю к силе или части духа, стимулирующей силу разума, и называет ее «доминантой характера», «мерилом утверждения истины и добра, отрицания лжи и зла», главной опорой «я», стоящей «на страже личности» и удерживающей ее от обезличения и нивелировки» [14]. Святоотеческий опыт свидетельствует, что нет тождества между духовностью и нравственностью. Важно осознавать, что духовность не мыслима без Евангельской нравственности. Нравственность без духовности превращает человека во внешне безупречного, но лишённого сострадания субъекта. Вне духовного сосредоточения, видения своих немощей, невозможно духовно — нравственное совершенствование человека. Алгоритм такого совершенствования разъясняет преподобный Симеон Новый Богослов: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи» [15]. «Научает», по его мнению — значит, растолковывает и реально показывает человеку его душу. Необходимо видеть высшую цель служения государству. Образование без воспитания может только испортить. С позиции христианской морали «главным человеческим пороком, скрывающим в себе все остальные пороки, является гордость, или же, по-другому, гордыня — чувство собственной самодостаточности, доходящее до крайнего себялюбия и презрения ко всем другим» [16]. Объективной целью и главнейшей ценностью в жизни человека является служение Родине, что подтверждается всей историей государства и наиболее очевидно бывает на примерах самых высоких подвигов и самого низкого предательства. Ратная «доблесть и полководческий гений русских святых воинов предопределили многие славные победы в истории Руси. Их молитвами и благими делами утвердилось и крепло государство российское» [17]. Сокровищницей высших смыслов является не только история, но и литература, религия и культура в целом. Духовное и нравственное воспитывается в семье и обществе. Победа человека над грехом невозможна без самоопределения. Эта победа невозможна без единства в понимании высшей цели — обретения человеком подобия Божия — богоуподобления. «Бог как первоисточник и конечная цель всех Своих актов является абсолютной

личностью; человек как образ и подобие Личности отображает истинную Личность» [18].

Итак, духовные основы служения Отечеству — это «не только философское осмысление и обоснование христианской антропологии, но и практическое руководство для человека на пути очищения от страстей, поскольку страстный человек — это человек, носящий в себе внутренний раскол; человек, утративший свою внутреннюю цельность» [19]. «Совместная направленность интеллекта и воли — основа духовного развития личности» [20]. «Сегодня для сохранения и утверждения неизменных духовно-нравственных ориентиров в жизни людей нужны солидарные усилия и государства, и представителей религиозных традиций, и общественных организаций. Очень важна роль культуры в укреплении нравственных ценностей в народной жизни. Русская Православная Церковь активно взаимодействует в этом направлении с другими Православными Церквями и с христианами иных конфессий» [21]. Таким образом, содержательно сформированная гражданская позиция, основанная на нравственных началах в духе православного христианства, является приоритетным направлением совершенствования человека как личности и той самой силой общества, которая способна в подлинном смысле осуществить идеал государственного служения.

Список литературы

1. Приветствие Президента РФ В.В. Путина участникам XXV Международных Рождественских чтений 25 января 2017 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4788634.html> [Дата обращения 13.09. 2018].
2. Бельский В.Ю. Нравственность как квинтэссенция русского духа // Руза: МофМосУ МВД России им. В.Я. Кикотя. Материалы межведомственной научно-практической конференции «Традиции русского патриотизма» 2016. С.170-173.
3. Библия с комментариями. М.: Российское Библейское общество, 2017. 2048 с.
4. Библия с комментариями. М.: Российское Библейское общество, 2017. 2048 с.
5. Неганов В.В. ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ КАППАДОКИЙСКОЙ ШКОЛЫ // Вестник Московского государственного областного ун-та. Серия: «Философские науки» / РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН. М.: Изд-во МГОУ, 2012. № 2. С. 56.
6. Байдакова М.Ю. Проблема воли в христианской антропологии / Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. М., 2010. Деп. в ИНИОН РАН № 60850. С. 201.
7. Молитвы утренние. Молитва ко Пресвятой Троице. Православный молитвослов. Серия: Золотая серия. М.: Издательство Ковчег, 2018. С. 14.
8. Библия с комментариями. М.: Российское Библейское общество, 2017. 2048 с.
9. Байдакова М.Ю. ПРОБЛЕМА ВОЛИ В ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки» / РАЗДЕЛ 1: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК. № 1. 2008. М.: Изд-во МГОУ. С. 6.
10. Овидий. Метаморфозы. Серия Азбука — классика. Глава VII. 19, 20 // Переводчик Шервинский С. Глава VII. 19, 20. М.: Издательство Азбука — классика, 2017. С. 142.
11. Библия с комментариями. М.: Российское Библейское общество, 2017. 2048 с.
12. Аврелий Августин. Исповедь / Предисловие и послесловие Н.И. Григорьевой. Комментарии М.Е. Сергеевко. М.: Изд-во Гендальф, 1992. Книга 8. Глава V, 10-11.
13. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора 1 ноября 2017 года // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html>. [Дата обращения 13.09. 2018].
14. Байдакова М.Ю. ПРОБЛЕМА ВОЛИ В ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ // Вестн. Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки» / РАЗДЕЛ 1: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК. № 1. 2008. М.: Изд-во МГОУ. С. 7.
15. Игнатий Брянчанинов, святитель. Аскетическая проповедь. М.: Изд-во Новое Небо, 2018. С. 11.
16. Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. Изд. 4-е. М.: Изд-во URSS, 2017. С. 234.
17. Альманах Держава. Серия Русские святые воины. Вып. 3. Мстислав Великий. Федор Ушаков. Псковские десантники. М.: СПАССКИЙ СОБОР — ДЕРЖАВА, 2002. С. 2.
18. Байдакова М.Ю. Проблема воли в христианской антропологии / Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. М., 2010. Деп. в ИНИОН РАН № 60850. С. 217.
19. Неганов В.В. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИРОДУ И НАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ КАППАДОКИЙСКОЙ ШКОЛЫ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ) // Вестн. Московского государственного областного ун-та. Серия: «Философские науки». / РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН. М.: Изд-во МГОУ, 2013. № 2. С. 67.
20. Байдакова М.Ю. ПРОБЛЕМА ВОЛИ В ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки» / РАЗДЕЛ 1: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК. № 1. 2008. М.: Изд-во МГОУ. С. 7.
21. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXVI Международных Рождественских образовательных чтений 24 января 2018 года // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5136032.html>. [Дата обращения 13.09.2018].

Philosophical and apologetic ideas I.A Ilyin

Философско-апологетические идеи И.А. Ильина

Irina Vladimirovna Polozova,
doctor of philosophical sciences,
professor in the department of sociology
and political science of the Moscow University
of the Ministry of internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна Полозова,
доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Annotation. The article examines I.Alyin's apologetic ideas, with the help of which the philosophical defense of Christianity is built in the conditions of the atheistic 20th century. The comprehension of religious experience as the basis of a religious worldview is being realized

Key words: philosophical apologetics, religious experience, apophatic and cataphatic apologetics, the axiomatics of religious experience

Аннотация. В статье рассматриваются апологетические идеи И.А. Ильина, с помощью которых строится философская защита христианства в условиях атеистического XX века. Осуществляется осмысление религиозного опыта как основы религиозного мировоззрения

Ключевые слова: философская апологетика, религиозный опыт, апофатическая и катафатическая апологетика, аксиоматика религиозного опыта

Замечательный русский философ И.А. Ильин может быть по праву назван апологетом христианства. В своих трудах И.А. Ильин говорит о православном христианстве как о фундаменте, образующем личность, семью, нацию. И.А. Ильин показывает, что отказ человечества от христианских ценностей в XX веке влечет за собой тотальное разложение человека и культуры, современником и свидетелем чего пришлось ему быть. Защита христианства И.А. Ильиным происходит в исторических условиях XX века. Его противниками являются атеисты, вооруженные материалистическим мировоззрением, в противоборстве с которыми И.А. Ильин и создает свою апологетику.

Апологетика И.А. Ильина может быть рассмотрена в двух аспектах: *негативном* (апофатическом) и *позитивном* (катафатическом). В первом случае И.А. Ильин обнаруживает основания атеистического миропонимания и показывает их несостоятельность. Во втором случае И.А. Ильин показывает, что православно-христианское вероучение имеет под собой прочный фундамент в виде религиозного опыта, основные положения которого он пытается осмыслить и представить в виде ряда аксиом. Тем самым Ильин говорит в защиту веры и дает мощное оружие в руки каждого верующего: По его словам, «каждый религиозный человек должен быть готов к тому, что ему однажды будет предложен вопрос: «Что привело тебя к вере? Какие

основания имеет она? Как ты увидел то, что видишь в Боге? И что следует сделать мне, вопрошающему, чтобы увидеть и удостовериться подобно тебе? «... Ныне множество людей совсем разучилось верить; вопросы эти задаются каждому верующему и каждый верующий должен быть готов к ответу на них»¹.

Можно утверждать, что Ильин создает *философскую* апологетику христианства, так как его прежде всего интересует вопрос об *основах* веры или неверия. В качестве подобной основы он рассматривает человеческий опыт, его содержание и границы. Апологетика И.А. Ильина прежде всего базируется на анализе **опыта**, лежащего в основе религиозного акта. Ильин показывает, что в основе безбожия лежит ограниченный, узкий, скудный опыт, который не вмещает в себя Бога.

Апофатическая апологетика И.А. Ильина в концентрированном виде представлена в его работе «Кризис безбожия», где он отвечает на вызов брошенный атеистами, объявившими религиозную веру глупым и вредным заблуждением, и показывает несостоятельность атеистического взгляда на мир. И.А. Ильин объясняет, что должны существовать причины, которые привели человечество к появлению атеистической позиции после двух тысячелетий существования христианства. В качестве такой причины он называет доминирование чувственного опыта в целостной опытной основе человеческой жизни: По его мнению, за последние века человечество

научилось доверять внешнему чувственному опыту, с помощью которого был достигнут огромный технический и хозяйственный успех, и потеряло внутренний, духовный опыт. И именно «эта обращенность к чувственному, внешнему, материальному опыту и эта отвращенность от нечувственного, внутреннего, духовного опыта определили собою душевный и умственный уклад современного человечества»².

И.А. Ильин справедливо считает, что проблема состоит не только в том, что человечество стало доверять прежде всего внешнему опыту, но в том, что данный опыт стал претендовать на универсальность. Критерии чувственного опыта стали применяться и по отношению к духовной жизни: «люди обратились к религии и к Богу с чувственными мерилami и материальным пониманием. И результат этого только и мог быть отрицательным. Человек попытался воспринять Бога неверным актом и не обрел Его; и не обретя Его неверным актом, объявил, что Его нет и что верить в Него глупо и вредно»³.

И.А. Ильин справедливо полагает, что кроме источников внешнего чувственного опыта, открывающего путь к материальным вещам внешнего мира, у человека имеются душевные силы и способности, составляющие богатую сферу внутреннего, духовного опыта, и открывающие ему доступ к духовным предметам. Исходя из сказанного, И.А. Ильин формулирует закон человеческого опыта: «человек способен опытно воспринять предмет только тогда, если он обратится к нему верно, — верным органом тела или души, или же и тела, и души вместе, или же духа, т.е., как мы выражаем это философски, — верным актом»⁴.

По мнению философа, атеисты совершают серьезную методологическую ошибку: пытаются воспринять духовные предметы неверным опытом. И.А. Ильин показывает, что вопрос безбожников: «Где Бог? Покажите нам Бога! Где он находится?» — является духовно безграмотным и нелепым. Бог не является материальной вещью, и человек, который желает все видеть телесным глазом, не увидит реальностей внутреннего опыта. Человек, искоренивший в себе духовное, не воспримет Бога. По мнению Ильина, Бог, являясь Духом, может открыться только духовному опыту и внутреннему, духовному опыту.

Таким образом, И.А. Ильин на вопрос, почему безбожник отрицает Бога и веру в него, отвечает следующим образом: в его опыте нет места для Бога. Ильин показывает, что опыт атеиста является плоским и ошибочным, и что отсутствие Бога в опыте безбожников означает лишь

ограниченность данного опыта. Спор с атеистами, согласно Ильину, следует вести именно в плоскости осмысления опытной основы их утверждений.

И.А. Ильин показывает, что во всеобщей погоне за материальными благами современное человечество растеряло духовный опыт, духовное измерение вещей и деяний, и стремится только к наслаждениям. Более того, оно выдвинуло теории гедонизма, утилитаризма, экономического материализма, оправдывающие и обосновывающие такую жизнь. Особенно страшно то, что люди ожесточились в отрицании духа и любви, и готовы навязать всем людям слепоту безбожия. В этой связи Ильин обличает слепоту атеистов и считает необходимым показать, что истинно зрячими являются верующие люди.

В полной мере И.А. Ильин как апологет христианства выступает в труде «*Аксиомы религиозного опыта*», над которым он работал значительную часть своей жизни, с 1919 по 1951 год. В этой книге И.А. Ильин использует средства современной ему философии, чтобы обосновать состоятельность фундаментального базиса религии — религиозного опыта, и тем самым он формулирует *катафатическую, позитивную* апологетику. По мнению Ильина, философия может и должна помочь человеку в осмыслении своей религиозной жизни, что крайне необходимо в кризисную эпоху; философия должна стать на защиту веры:

И.А. Ильин желает служить вере, утверждающей свою достоверность и разумность. По мнению философа, такую достоверность религии дает религиозный опыт. «И.А. Ильин утверждает, что «основанием всякой религиозной веры является личный религиозный опыт человека, а источником — пережитое в этом опыте Откровение»⁵. Философ считает, что подлинная религиозность невозможна без религиозного опыта. Она является, прежде всего, организацией и очищением личного духа в его стремлении к Богу.

Главная цель апологетики И.А. Ильина — *исследовать религиозный опыт как подлинное основание религии*. По его мнению, именно наличие подлинного религиозного опыта придает вере обоснованность и силу, а утрата такого опыта ведет к ослаблению веры перед лицом атеизма:

Главная идея И.А. Ильина — показать, что опыт, на котором основывается религия, обладает рядом принципов, которые делают его достоверным и жизнеспособным. Ильин исследует религиозный опыт и выделяет аксиоматику религиозного опыта. Его метод сводится к поиску

аксиоматических «форм», «законов» или «основ» религиозности. Эти формы, по Ильину, являются основами подлинной религиозности, они дают некий непоколебимый критерий для всех времен и народов.

Таким образом, Ильин пытается выработать некий «пневматический», «актологический» критерий подлинной религиозности, который складывается из совокупности определенных характеристик духовного акта. Отметим, что И.А. Ильин рассматривает религиозность по преимуществу как религиозный акт, отличая его от религиозного содержания и религиозного предмета; религиозность определяется им именно своей направленностью. Но для религии важна не направленность вообще, религиозная жизнь определяется Ильиным как «интенция на главное»⁶.

По Ильину, каждый религиозный акт имеет свое душевно-духовное «строение», ибо в нем участвуют определенные душевно-духовные силы; и каждый акт связан с известным религиозным содержанием. В обычной жизни акт и содержание неотрывны друг от друга. Но в религиозном воспитании и очищении человеческой души — акт должен рассматриваться отдельно... «Акт и содержание относятся к различным религиозным планам; они подлежат различным категориям; имеют свои особые законы и особое значение в религиозном строительстве»⁷.

Таким образом, оставив за скобками своего исследования содержание религии, И.А. Ильин исследует духовный акт как способ организации духовного опыта. Он выделяет аксиомы духовного опыта, которые являются своего рода основоположениями религиозного акта, его конструирующими основами. К ним относятся аксиомы духовности, самостоятельности, сердечного созерцания, катарсиса, цельности, искренности, смирения и трезвения. Собственно, положительная апологетика И.А. Ильина и строится вокруг анализа аксиом духовного опыта, которые придают данному опыту особое качество, обуславливают его специфику, отличают от внешнего опыта эмпирической науки. Можно увидеть, что данные аксиомы способствуют построению совершенно особого типа опыта, духовного, которому только и доступно постижение высшей реальности.

Первой аксиомой, выделенной И.А. Ильиным является *субъективность* духовного опыта. Ильин показывает, что религиозный опыт несет на себе отпечаток индивидуального человеческого бытия. Категории человеческого существования, определяющие способ бытия, присущий

человеку, неизбежно сообщаются религиозному опыту и определяют способ бытия, присущий земной человеческой религии. В этом отношении религиозный опыт различается у разных и непохожих друг на друга людей:

В качестве следующей аксиомы религиозного опыта И.А. Ильин рассматривает *духовность*. И.А. Ильин определяет дух как волю к Совершенству, являющуюся основным побуждением истинной религиозности. Религиозный опыт начинается с верного обретения своей собственной духовности, своей лично-духовной самосущности в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Сущность религиозного опыта состоит в обращении к Богу; но именно обращение к Богу делает человека духом. Обращаясь к Богу, человек испытывает себя «предстоящим», и душа его осязает трепет и благоговение. Благоговение есть проявление духовности, дар духа и признак духа⁸. Вместе с тем, духовность предполагает и способность к молитве. Настоящий религиозный опыт, по Ильину, выражается на языке молитвы. Теряющая молитву религиозность иссякает и прекращается.

Другой аксиомой религиозного опыта выступает его *автономность*, которая рассматривается Ильиным как подлинная, основная форма человеческого духа, с необходимостью присущий ему способ бытия. Быть духом — значит определять себя и управлять собою в направлении к лучшему, к совершенному. Человеческий дух является силой, направляющей свою жизнь к благим целям. Он способен выбирать свое жизненное содержание и формы; утверждать свое достоинство, обуздывать свои порывы, устанавливать и соблюдать свои пределы. «Живой и глубокий смысл религии состоит в том, что человек сам свободно, добровольно, искренне и цельно обращается к Богу... Но именно в этом и состоит сущность религиозной автономии»⁹.

Следующей аксиомой религиозного опыта является *сердечное созерцание*, которое Ильин считает «самым драгоценным и могучим религиозным актом»¹⁰. И.А. Ильин утверждает, что религиозный опыт рождается в одухотворенном сердце в виде любви к Богу. И в этом сердечном созерцании должны участвовать все силы и способности человека. «Дар сердечного созерцания, — новый акт, дивный орган восприятия и опыта, подъемлющий и окрыляющий душу»¹¹.

Другой аксиомой религиозного опыта является необходимость очищения души человека или *катарсиса*, призванного сообщить человеку верность, чистоту и силу. Первоначально религиозный катарсис должен освободить душу от плена страстей, а затем — укрепить ее духовность.

На первой стадии катарсис обнаруживает неверное состояние субъективной души, приводит к осознанию и признанию несостоятельности ее действий, ничтожности ее целей, низменности ее страстей и побуждений. На второй стадии катарсис создает религиозно верные акты и укрепляет их.

Важной аксиомой религиозного опыта является *искренность*. Ильин определяет искренность как «религиозную интеграцию души»¹². Наличие у души подлинного смыслового центра и органической цельности делает ее искренней в высшем смысле этого слова.

Следующей аксиомой религиозного опыта является его *цельность*. И.А. Ильин утверждает, что человек «религиозен лишь там, где он целен, и лишь постольку, поскольку ему удалось добиться в самом себе внутреннего единения и единства». Цельностью же И.А. Ильин называет внутреннее единство и органическую согласованность духа. Ильин утверждает, что все человеческие силы необходимы в религиозном опыте; и все они должны не просто «участвовать» или «присутствовать» в нем, но срастись в единый и целостный духовный акт. И.А. Ильин пишет: «Среди даров, которые религия несет человеку, имеется дар органической цельности духа. И если душа человека лишена этого дара, то это означает, что ей надлежит продолжать свое духовное очищение и что ей предстоит еще дорасти до настоящей религиозности»¹³.

Следующей аксиомой религиозного опыта является *смирение*. Ильин связывает смирение с ощущением безмерного различия между человеком и Богом, характеризующим истинную религиозность. Философ говорит о смирении как о форме противостояния соблазну смешения божественного предмета с состояниями человеческого опыта. Ильин пишет: «чем глубже и богаче религиозный опыт человека, тем более он свободен от всякого «горделивочувствия» и «великомыслия». Вместе с углублением и обогащением религиозного опыта возрастает в человеке и зоркость духовного ока, т.е. его способность предметно воспринимать Божеское, как Божеское, и человеческое, как человеческое, с тем, чтобы никогда не находить верную меру для Божеского, но всегда находить верную меру для человеческого, и уже в силу одного этого никогда не смешивать и не отождествлять их»¹⁴.

Таким образом, подлинный религиозный опыт по Ильину основывается на аксиоматике духовности, искренности, цельности, сердечного созерцания, смирения, очищения. Наличие данных основ является критерием отличия духовного опыта от опыта внешнего. Только такому, подлинному духовному опыту, открывается высшее, духовное измерение бытия, отсутствие же подобного опыта приводит к скептицизму и атеизму. И.А. Ильин говорит о том, что обретение верой прочных основ, чему в значительной степени служат его труды, является вопросом жизни или смерти не только для верующего человека, но и вопросом существования всего человечества.

¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта, Минск, изд-во Белорусского экзархата, 2009. С. 167.

² Кр Крзис безбожия // Ильин И.А. Собр. соч. М., Русская книга, 1996. Т. 1. С. 335.

³ Там же. С. 337.

⁴ Там же. С. 339-340.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 279.

⁷ Там же. С. 130-131.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Там же. С. 393.

¹³ Там же. С. 369.

¹⁴ Там же. С. 496.

«Eastern vector» policy realization and protection of russian national interests in information and image value

Информационно-имиджевые проблемы реализации политики «Восточного вектора» и вопросы обеспечения российских национальных интересов

Peter Yurevich Samoilenko,
Ph.D in political science,
associate professor of the Department of media
and communications of Far Eastern State University
E-mail: petersam@mail.ru

Петр Юрьевич Самойленко,
кандидат политических наук,
доцент департамента коммуникаций и медиа
Дальневосточного федерального университета
E-mail: petersam@mail.ru

Annotation. The article deals with problems of «Eastern vector» of modern Russian policy realization, its trends and perspectives. Author pays attention to problems of development of international economic cooperation between Russian Far East and Asia Pacific. The main goal is connecting results of political, economic and social developing and improving the image of Russian Far East as perspective region of our country. Such projects as Free port Vladivostok, Far-eastern hectare and Territories of leading economic development must do better images of regions on the Russian Far East and rise the level of life on them.

Key words: globalization, information technology, image, Asia-Pacific, Eastern Vector of Russian Policy, cooperation, economy, export-import operations

Аннотация. В статье описаны основные вызовы и проблемы реализации современной российской политики «Восточного вектора» на Дальнем Востоке России и ее влияние на процессы внутренней интеграции региона и его встраивания в систему политических, экономических и социальных связей АТР, обеспечения российских национальных интересов. Проанализировано значение таких проектов как территории опережающего развития, Дальневосточный гектар и Свободный порт Владивосток и их влияние на формирование бренда территории и национальное самосознание населения как удаленной от федерального центра территории, основные вызовы, проблемы, тренды развития и перспективы указанных процессов с учетом имиджевых особенностей региона.

Ключевые слова: глобализация, информационные технологии, креативность, имиджи, Азиатско-тихоокеанский регион, сотрудничество, экономика, экспортно-импортные операции

Национальные интересы — объективно значимые цели и задачи национального государства как целого. Для современной России интересы государства состоят в незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества¹. Современная российская политика «Разворота на Восток», реализация которой началась на рубеже «нулевых» и «десятих» годов, ориентирована на быстрое развитие регионов Дальневосточного федерального округа в условиях глобализации, количественного и качественного расширения внешнеэкономического сотрудничества России с ведущими экономиками Азиатско-тихоокеанского региона с использованием территории ДФО как «площадки» для совместных инициатив, а также подразумевает создание условий для быстрого развития регионов Дальнего Вос-

тока в социально-экономическом плане и повышения уровня жизни в пределах федерального округа. Реализация данного направления современной российской политики ставит на повестку дня вопрос о том, в какой степени это может повлиять на вопросы федеративных отношений и легитимности власти в рамках страны, а также изменить восприятие России в мире в целом. Реализация данной политики имеет цель обеспечения целой группы национальных интересов, прежде всего повышения эффективности российской экономики и привлечения иностранных инвестиций, диверсификации внешнеэкономической деятельности и ее переключения с «западного» на «восточный» вектор, а также развитие и укрепление потенциала регионов Дальнего Востока, которые находятся в самом удаленном от федерального центра положении, что не может не оказывать негативного влияния на положение дел в них².

Политика «Восточного вектора», имеет в своей основе как социально-политические, так

и социально-экономические предпосылки. К ним относятся, прежде всего, обострение отношений с США и ЕС и политика антироссийских санкций, а также необходимость выравнивания уровня жизни и социальной ситуации в восточных регионах страны в рамках политики современного российского федерализма, что, применительно к такому сложному мегарегиону государства как Дальневосточный федеральный округ, можно сделать только за счет интенсификации экономического развития и внешнеэкономической деятельности. В свою очередь, развитие регионов Дальнего Востока, громадных по площади и имеющих крайне слабую инфраструктуру в силу малого населения, невозможно реализовать только в рамках бюджетной политики, и необходимо делать за счет привлечения частных инвестиций, прежде всего зарубежных. В определенной степени политика «Восточного вектора», с точки зрения внутривластных приоритетов, продолжает политику советского периода 60-80 годов XX века, когда шло активное освоение Дальнего Востока, строительство железных дорог, морских портов и иной логистической инфраструктуры, ориентированной на экспортно-импортные операции со странами Азии и позволяющей привлечь в регион население из других регионов страны.

Суть политики «Восточного вектора» заключается в том, чтобы создать особые условия как для роста экономики Дальнего Востока России, так и для развития внешнеэкономической деятельности со странами Азиатско-тихоокеанского региона через данный регион, а также сформировать возможности для роста уровня жизни в этих регионах, повышения их имиджевого восприятия как территорий, привлекательных для проживания³. Такие проекты как территории опережающего развития (ТОРы), Свободный порт Владивосток («порто-франко») и «Дальневосточный гектар» призваны обеспечить повышение хозяйственной активности в пределах самого крупного по территории и самого небольшого по населению федерального округа нашей страны — сегодня ДФО это 40% территории России и лишь около 3% ее населения. При этом существенное значение придается развитию внешнеэкономических проектов с привлечением иностранных инвестиций. Особенно значимо то, что указанные проекты несут не только экономическую, но и определенную социально-политическую «нагрузку», поскольку после распада СССР регионы Дальнего Востока на протяжении

двадцати лет было принято считать депрессивными территориями, из которых шел постоянный отток населения и в которых наблюдалось постоянное падение реального уровня жизни и неблагоприятная криминогенная ситуация. Повышение экономической активности должно повлечь за собой создание новых рабочих мест и соответствующий рост миграционного потока в регионы Дальнего Востока, привести к закреплению здесь населения на долгосрочную перспективу и качественному росту человеческого капитала.

Все вышеуказанные задачи как внешнего, так и внутреннего характера напрямую зависят от имиджевой составляющей самого региона и реализуемой в нем политики. Имидж Дальнего Востока России необходимо рассматривать на трех уровнях.

Во-первых, Дальневосточный федеральный округ является частью России, поэтому для регионов данного федерального округа характерны определенные общие черты, свойственные современной отечественной экономике и системе федеративных отношений в стране;

Во-вторых, Дальний Восток на сегодняшний день является территорией с особыми режимами для бизнеса, в том числе для привлечения инвестиций, прежде всего речь идет о территориях опережающего социально-экономического развития (ТОРах) и режиме «порто-франко» во Владивостоке. Для данных экономических инструментов создан правовой каркас, проводится работа по созданию условий для их реализации. Соответственно, созданы имиджевые предпосылки позиционирования регионов Дальнего Востока как площадки для привлечения инвестиций с уникальными условиями и территории, престижной для проживания граждан и внутренней миграции из других регионов страны. Также очевидно, что в рамках постановки руководством страны столь масштабных задач как создание во Владивостоке свободного порта («порто-франко») и развитие территорий опережающего развития (ТОРов) необходимо предпринимать усилия по информационному продвижению России в регионе с помощью средств массовой информации, ресурсов сети Интернет, публичных мероприятий и оценок, а также путем создания устойчивого положительного имиджа регионов Дальнего Востока как привлекательных с точки зрения инвестиций и туризма.⁴

В-третьих, регионы Дальнего Востока России имеют свои особенности, в том числе в вопросах

привлечения инвестиций и внешнеэкономической деятельности, которая в масштабах округа осуществляется неравномерно. На сегодняшний день Дальний Восток России, включающий 9 субъектов Российской Федерации, интегрирован в международное сотрудничество в основном за счет южных и восточных регионов — Приморского края, Сахалинской области, Хабаровского края, Амурской области. Международное сотрудничество указанных регионов ориентировано на страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), преимущественно страны Северо-Восточной Азии (СВА) Китай, Япония, Республика Корея. При этом необходимо разделять как стратегические и внешнеполитические аспекты отношений, так и, собственно, международное экономическое сотрудничество, хотя эти направления на практике оказываются достаточно тесно взаимосвязанными.⁵

Таким образом, основной задачей проекта «Восточного вектора» является реализация комплекса мер, ориентированных на полноценное развитие региона и превращение его в территориальный «авангард» сотрудничества с ведущими экономиками Азии. Среди прочих ключевыми будут такие как:

- (1) Развитие регионов Российского Дальнего Востока как территорий, привлекательных для проживания и ведения бизнеса;
- (2) Создание устойчивых хозяйственных связей с передовыми экономиками АТР через Дальний Восток;
- (3) Формирование позитивного имиджа России в мире за счет совместных проектов со странами Азии на Дальнем Востоке;
- (4) Решение внутривосточных задач, включая такие как рост популярности действующей власти, ее легитимности, повышение национального самосознания и гордости за свою страну и так далее.

На сегодняшний день на Дальнем Востоке уже создана система преференций, обеспечивающая привлекательные условия для инвестиций. Это 18 территорий опережающего развития и 5 свободных портов, в которых сформирован самый низкий в АТР уровень налоговой нагрузки. Инвесторам предоставляется адресная инфраструктурная поддержка. Снижены цены на электроэнергию. Благодаря этому реализуется 1375 новых проектов на 61 млрд долларов США с участием инвесторов более чем из 10 стран мира. В практическую стадию реализации

в ТОРах и свободном порту Владивосток с участием китайского капитала перешло 32 проекта стоимостью 4,2 млрд долларов США. Это 7 процентов инвестиций, привлеченных на Дальний Восток.

За последний год на Дальнем Востоке появились новые перспективные проекты с участием инвестиций из стран АТР. Корпорация SOFCO совместно с российским партнером начала поставки на рынок Китая минеральной воды из Камчатского края. Китайская компания «Чжундин» приступила к реализации проекта по строительству животноводческих комплексов молочного направления. С участием трех китайских компаний началась реализация проектов в области аквакультуры. Российские инвесторы работают в основном в области агробизнеса, логистики и строительства.⁶

Большое значение для развития региона имеют проекты международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» и их переход на стадию практической реализации. Также сегодня активно обсуждается возможность использования Северного морского пути для регулярной торговой навигации. Объем перевозок по данному маршруту ежегодно увеличивается. Строительство терминала по перевалке сжиженного газа в Камчатском крае создает дополнительные условия развития данного транспортного коридора.

Таким образом, реализация модели «Восточного вектора» приводит к тому, что Дальний Восток начинает рассматриваться несколько иначе чем просто один из федеральных округов страны. Теперь это территория с особыми режимами в сфере экономики и внешнеэкономической деятельности, которые соответственно влияют и на внутреннюю политику и должны повышать привлекательность региона.⁷

Основными препятствиями интеграции регионов ДФО в АТР остаются сырьевой характер и слабость их экономики, отсутствие реальных достижений в развитии туристических проектов. К примеру, на сегодняшний день во Владивостоке до сих пор окончательно не достроены и не введены в строй две пятизвездочные гостиницы «Hyatt», которые первоначально должны были быть сданы в эксплуатацию еще в 2012 году к Саммиту АТЭС во Владивостоке и ориентированы на туристов и бизнес-делегации стран АТР, а вопросы их строительства сопровождаются большим количеством негативных публикаций

в медиа о допущенных нарушениях освоения бюджетных средств, выделенных на строительство, которые негативно влияют на имидж всего региона⁸.

Основными причинами, сдерживающими развитие сотрудничества и привлечение инвестиций на Дальний Восток России, на сегодняшний день являются следующие:

- высокие транспортные и энергетические затраты;
- «узкий» рынок труда, высокая стоимость рабочей силы;
- слабая конкурентоспособность местных производств из-за высоких накладных расходов;
- необходимость существенных финансовых вложений и инвестиций (так называемые «длинные деньги») для развития совместных производств.

Соответственно, первоочередными задачами являются следующие:

- развитие инфраструктуры в регионах ДФО, прежде всего ориентированной на развитие реального сектора экономики;
- снижение затрат, связанных с организацией и функционированием бизнеса;
- создание налоговых и прочих льгот для инвесторов;
- структурные изменения в региональной экономике с целью повышения ее инновационности.

Таким образом, основными вызовами для политики «Восточного вектора» сегодня можно считать следующие:

- (1) Неоднозначность восприятия реализуемых проектов населением с точки зрения их влияния на жизнь в регионах Дальнего Востока и имиджа властей регионов. К примеру, реализация проекта «Дальневосточный гектар» привела к тому, что в ряде регионов ДФО, прежде всего Приморском крае и Якутии при большом (в десятки тысяч) количестве поданных и одобренных через общероссийский электронный портал заявок на практике не удалось выделить землю многим заявителям из-за системных ошибок кадастрового учета земельных участков, их состояния и имеющихся ограничений и обременений при использовании;
- (2) Медленный ход реализации проектов «Восточного вектора», что связано как

с традиционным недоверием со стороны зарубежных инвесторов, так и с необходимостью строительства большого объема обеспечивающей и прочей инфраструктуры для этих проектов, для чего соответственно не хватает бюджетных средств (особенно актуально для проектов ТОРов и ДВ-гектара);

- (3) Ухудшение в определенной степени имиджа региональных и местных властей за счет тех проблем, которые возникают при реализации политики «Восточного вектора» и которые общественное мнение, как правило, связывает именно с низкой эффективностью действий местных властей. Провал кандидатов от партии власти на губернаторских выборах в Приморском и Хабаровском краях в сентябре 2018 года является явным показателем того, что при наличии большого количества проектов, направленных на развитие региона, в реальности легитимность региональных властей снижается;
- (4) Нерешенность комплекса социальных и демографических проблем, которые понижают качество жизни населения, приводят к сохранению миграционного оттока трудоспособного населения и влияют на сохраняющийся имидж Дальнего Востока как депрессивного и оторванного от страны мегарегиона.

К основным трендам реализации политики «Восточного вектора», имеющим значение для имиджевого восприятия указанного процесса, следует отнести следующие:

- (1) Постепенное наращивание информационно-имиджевой составляющей, в основе которой лежит проведение крупных международных мероприятий, таких как ежегодный Восточный экономический форум во Владивостоке с участием главы государства;
- (2) Декларирование на государственном уровне незыблемости и долговременности указанной политики в среднесрочной и долгосрочной временной перспективе;
- (3) Сохранение Китайской народной республики в качестве основного внешнеторгового и политического партнера в АТР, на которого приходится 15% всего оборота внешней торговли России и около 60% ВЭД со странами АТР;

- (4) Сложность в реализации крупных хозяйственных проектов без государственного участия и с привлечением частных иностранных инвестиций.

В качестве возможностей дальнейшей реализации политики «Восточного вектора» можно рассматривать такие как:

- (1) Создание системы прямой взаимосвязи реализации экономических проектов и развития регионов Дальнего Востока;
- (2) Развитие малого и среднего бизнеса, связанного с проектами «Восточного вектора», что позволит улучшить экономическую и социально-политическую ситуацию в регионах Дальнего Востока;
- (3) Использование потенциала туристической и рекреационной составляющей для привлечения туристов и инвестиций в экономику;
- (4) Создание устойчивых связей (экономических, культурных, и т.д.) с ключевыми и растущими экономиками АТР, такими как Япония, Республика Корея, Вьетнам, Индонезия, диверсификация отношений с Китаем как с ключевым партнером в регионе.

В итоге можно сделать вывод о том, что российская стратегия политики «Восточного вектора» является обоснованной и своевременной, но нуждается в соответствующей «донастройке» с использованием как прикладных экономических, так и политических и социальных инструментов. Ключевыми принципами должно стать синхронное внутреннее социально-политическое развитие регионов российского Дальнего Востока и решение вопросов улучшения внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества со странами Азиатско-тихоокеанского региона, поскольку расхождение в векторе и скорости развития региона по этим двум ключевым направлениям будет приводить к существенном дисбалансу в реализации всей стратегии «Развортота на Восток».

Говоря об обеспечении российских национальных интересов в рамках политики «Восточного вектора» необходимо отметить такие ключевые направления как формирование устойчивого положительного имиджа регионов Дальневосточного федерального округа, повышение лояльности населения к реализации проектов, улучшение информированности иностранных инвесторов о возможностях сотрудничества

с Дальним Востоком. Повышение эффективности управления на территориях применительно прежде всего к практической реализации таких проектов как ТОРы, «порто-франко» и «Дальневосточный гектар». Очевидно, что информационно-имиджевая составляющая указанных проектов и протекционизм национальных интересов на практике напрямую зависят от эффективности конкретных решений и их практической реализации, а также публичности данных процессов.

Список литературы

1. *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. Национальные интересы России Электрон. ресурс. Режим доступа: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch153_i.html.
2. В Даляне прошло заседание российско-китайской комиссии. Официальный сайт аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://dfo.gov.ru/trutnev/3005/>
3. Восточный вектор внешней политики России // Электрон ресурс. Режим доступа http://www.singapore.mid.ru/rus/asia/ros_asia_2.html
4. *Дьяков В.И.* Взаимодействие региональных таможенных администраций для обеспечения развития торговли в северной пачифике. // Таможенная политика на Дальнем Востоке России, 2013. № 3. С. 53-62.
5. *Ерошенко С.С. Дьяков В.И.* Правовое и политическое положение России в АТР. Владивосток, 2011.
6. *Ермолаев П.Т.* Восточный вектор геополитики России: потенциал и трудности реализации // Арктика и Север. 2013 г., № 11. С. 50.
7. *Лавров С.В.* Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России. Совет по внешней и оборонной политике. Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://old.svop.ru/council/mmcfdp/2006/mmcfdp178.htm>
8. *Минакир П.А.* Новая стратегия развития Дальнего Востока России: оценки и перспективы // Проблемный анализ: государственно-управленческое проектирование. Теория, практика, методология. 2014 г. № 4(36). Т. 7. С. 6-14.
9. Опрос инвесторов: Россия в 2015 году // Электрон ресурс. Режим доступа <http://detailcomms.com/ru/inostrannye-investory-vosprijatie-rossii-ekonomika-fondovuj-rynok-v-2015/>
10. «Поворот на Восток» ради будущего России. // Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.pravda.ru/districts/fareast/19-07-2015/1267415-levintal-0/>

11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2015 год. Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173>

12. Путин о ТОРах на Дальнем Востоке: «Нельзя делать вид, что мы что-то делаем, а на самом деле только пишем планы». Электрон. Ресурс. Режим доступа: <http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html>

13. *Самойленко П.Ю.* Стратегические интересы России в АТР: синергетический и информационно-имиджевый факторы в вопросах военной и экономической политики // Ойкумена — регионоведческие исследования, 2014. № 2. С. 38-46.

14. *Тулохонов А.К.* Восточный вектор российской геополитики: проблемы, риски, решения. Электрон. Ресурс. Режим доступа:

15. Улучшение инвестиционного климата в России. Агентство стратегических инициатив (АСИ) // Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://asi.ru/investclimate/>

16. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Электрон. ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/

¹ *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России

Национальные интересы России Электрон. ресурс. Режим доступа: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch153_i.html

² *Минакир П.А.* Новая стратегия развития Дальнего Востока России: оценки и перспективы. // Проблемный анализ: государственно-управленческое проектирование. Теория, практика, методология. 2014 г. № № 4(36), том 7, С. 7.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2015 год. Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173>.

⁴ *Самойленко П.Ю.* Стратегические интересы России в АТР: синергетический и информационно-имиджевый факторы в вопросах военной и экономической политики // Ойкумена – регионоведческие исследования, 2014. № 2. С. 43.

⁵ «Поворот на Восток» ради будущего России // Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.pravda.ru/districts/foreast/19-07-2015/1267415-levintal-0/>

⁶ В Даляне прошло заседание российско-китайской комиссии. Официальный сайт аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе <http://dfo.gov.ru/trutnev/3005/>.

⁷ Путин о ТОРах на Дальнем Востоке: «Нельзя делать вид, что мы что-то делаем, а на самом деле только пишем планы» Электрон. Ресурс. Режим доступа: <http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html>.

⁸ СМИ раскрыли схемы «освоения» бюджетных миллиардов на приморских «Хаятгах». РИА «Примамедиа», Электрон. ресурс. Режим доступа. Подробнее: <https://primamedia.ru/news/644115/>

Social structure of the modern Russian criminal subculture

Социальная структура современной Российской криминальной субкультуры

Sergey Fedorovich Samoilov,
Head of philosophy and sociology Department
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia
doctor of philosophy, Professor
E-mail: office@unity-dana.ru

Сергей Федорович Самойлов,
Начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
доктор философских наук, профессор
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The content of the article is devoted to the analysis of the social structure and ideology of the prison subculture, which continues to have a decisive impact on the Russian criminal subculture as a whole

Key words: prison caste, prison subculture, thief, criminal subculture, thief subculture, social structure of the caste, representatives of the caste

Аннотация. Содержание статьи посвящено анализу социальной структуры и идеологии тюремной субкультуры, продолжающей оказывать определяющее воздействие на российскую криминальную субкультуру в целом.

Ключевые слова: тюремная каста, тюремная субкультура, вор, криминальная субкультура, воровская субкультура, социальная структура касты, представители касты

Как уже было сказано выше субкультура воров представляет собой яркий пример изоляционной криминальной субкультуры. Для адекватного понимания данной наиболее влиятельной российской криминальной субкультуры необходимо знать, что главным признаком «вора» является не совершение краж, грабежей и разбоев, а ведение антиобщественного образа жизни. Другими словами «вор» — это не тот, кто ворует, а тот, кто ворует и не работает.

В традиционном для данной субкультуры своде требований, предъявляемых к своим членам, являются запреты или «западло» на:

- работу;
- наличие семьи;
- наличие собственности;
- службу в армии;
- какое-либо сотрудничество с органами власти;
- наличие национального или патриотического самосознания;
- занятие политической деятельностью;
- признание своей вины;
- дача показаний;
- осуществление трудовой деятельности;
- прописываться по месту жительства;
- мстить кому-либо «из-под тишка»;
- красть у «своих»;
- обижать представителей касты мужиков;
- насиловать женщин.

Помимо данных отрицательных существует целый ряд положительных правил:

- всеми возможностями служить «воровской идее»;
- не лгать «своим»;
- вовлекать в преступную среду молодежь;
- стремиться к установлению власти «воров» в местах лишения свободы;
- играть в карты;
- периодически отбывать наказание в местах лишения свободы;
- разрешать конфликты в среде заключенных и не допускать поножовщины;
- пополнять материальную базу криминального сообщества;
- обеспечивать содержание лиц, находящихся в «штрафном» изоляторе;
- почитать родителей¹.

Данные и другие подобные требования, предъявляемые к представителям воровской субкультуры, объяснялось двумя обстоятельствами: *во-первых*, тем, что данная субкультура сформировалась в среде профессиональных воров-карманников («щипачей»), и, *во-вторых*, тем, что имело характер тюремной субкультуры. По этой причине субкультуру воров нужно рассматривать в контексте тюремной субкультуры, сложившейся в Советском Союзе в 20—30-х годах и в видоизменном виде сохранившихся до настоящего времени.

Современная тюремная российская субкультура, находящаяся под влиянием «воровской криминальной идеологии», предполагает наличие четырех социальных страт или тюремных каст, называемых на криминальном жаргоне «мастями». Каждая из данных каст имеет:

- собственное название;
- атрибутику и символику;
- цвет;
- соответствие карточной масти;
- наличие социальной структуры;
- свод норм и правил поведения.

Рассмотрим каждую из четырех тюремных каст «блатных», «мужиков», «козлов» и «обиженных» через призму данных характеристик.

Блатные. «Блатные» или «воры» представляют собой высшую тюремную касту и рассматривают себя в качестве профессиональных преступников и постоянных «обитателей тюрьмы», обладающих законной властью над всеми другими кастами, для которых пребывание в тюрьме является случайным и временным. Помимо наименований «блатной» и «вор», представители данной касты могут именовать себя:

- «братвой»;
- «арестантами»;
- «путевыми»;
- «людьми»;
- «бродягами»;
- «босяками».

Перечисленные выше запреты или «западло», характерные для представителей данной касты носит наименование «воровского закона» и имеют силу не только на время пребывания в тюрьме, но и за ее пределами.

Принятие воровского закона означает пожизненное служение воровской идеи исключаящей какой-либо компромисс с обществом и властью. Принявший этот закон индивид, предполагает, что он скорее умрет, чем изменит принятым обязательствам, поэтому цветом воровской касты является цвет смерти черный. В соответствии с ним атрибутами субкультуры воров служат черепа, кости, кресты и распятия, а также символы силы, случайности и удачи, такие как «тигры и львы», «кот», «орлы», «дьявол», «роза ветров». Карточной мастью воров служит «крестя» или «трефа». Сам термин «крест» на тюремном жаргоне означает «вора».

В «классической» «воровской» субкультуре положение индивида в высшей касте определялось следующими «заслугами»:

- наличием ранней судимости, т.е. отбыванием срока в воспитательно-трудовой колонии (ВТК ныне ВК) («малолетке»);

- неоднократным отбыванием наказания в местах лишения свободы по статьям сопряженным с различными видами хищения чужого имущества;
- отсутствие судимостей сопряженных с сексуальным насилием, хулиганством, притонсодержанием, убийством и т.д.;
- отбывание наказания в исправительных-трудовых учреждениях (ИТУ ныне ИУ) строго режима;
- отсутствие условно-досрочных освобождений;
- участие в тюремных бунтах;
- периодическое отбывание дисциплинарного наказания за нарушение режима в штрафном изоляторе (ШИЗО);
- совершение преступления во время отбывания наказания;
- совершение попыток побегов.

Каста воров имеет достаточно строгую и детальную иерархию и включает в себя следующие подкасты:

- «шестерки» — низшая разновидность воров, выполняющих различные поручения и отвечающие за связь с другими кастами. Человек, ставший шестеркой, не поднимается в воровской иерархии, но при этом является непререкаемым авторитетом для низших каст, а за пределами мест заключения часто может являться лидером небольшой преступной группировки;
- «отрицалово», «атлеты», «бойцы», «гладиаторы» — разновидность воров отвечающих за силовое обеспечение преступных акций в местах лишения свободы. Представляют собой инструмент удержания власти руководителями касты воров.
- «авторитеты» — ближайшие помощники высших руководителей криминального мира, выполняющие определенные функции и руководящие деятельностью бойцов;
- «прошляки» — особая разновидность криминальных авторитетов, исполнявшие в прошлом функции высших руководителей и сохранившие право участвовать в воровских сходках и судах (правилках);
- «воры в законе» — высшие руководители субкультуры воров, «генералы» криминального мира. Отвечают за организацию преступной деятельности и поддержание материальной базы криминального сообщества посредством сбора денег в общую кассу «общаг», а также вещей и продуктов питания во время пребывания в местах лишения свободы («грев»).

В настоящее время требования, предъявляемые к представителям касты «блатных», претерпели существенные изменения. Например, нанесение татуировок стало не обязательным, а наличие семьи больше не рассматривается как предательство воровской идеи.

Мужики. «Мужики» представляют собой наиболее многочисленную тюремную касту, состоящую в подчинении у «воров», и соблюдающая упрощенный вариант «воровского закона» «тюремные понятия». «Мужики» играют главную роль в производственном процессе исправительного учреждения, а также обеспечивают касту «блатных» экономически, посредством участия в формировании общей кассы и так называемого «общака» и передачи продуктов питания «грева». Взамен этому высшая каста заявляет о своей готовности обеспечить «защиту» «мужиков» от нарушений со стороны администрации исправительного учреждения и регулирует отношение внутри их касты. Подчиненность «мужиков» «блатным», служит причиной того, что их цветом является серый цвет, а карточной мастью, вторая черная масть пика.

Как уже было сказано выше главным отличием «мужиков» от «воров» является то, что они работают. Другой важной отличительной чертой данной касты служит то, что она состоит во многом из лиц не профессиональных преступников, попавших в места лишения свободы случайно и стремящихся не более не совершать преступлений². Поддержание норм криминальной субкультуры является для многих «мужиков» временной и вынужденной мерой, поэтому «тюремные понятия» регулирует их поведение только в местах лишения свободы, а их пределами, прекращают свое действие. По этой причине «мужики» не вмешиваются в дела «блатных», не допускаются на их сходки и не участвуют в «воровских» судах. Подчиняясь «блатным» данная каста не стремится к нарушению режима и поэтому ее представители часто называются «нейтральными».

Важнейшими запретами или «западло» для данной касты являются:

- работы по очистке отхожих мест и по ограждению мест лишения свободы;
- сотрудничество с администрацией, доносить на кого-либо;
- общение с представителями самой низшей касты;
- обвинять кого-либо без доказательств;
- оскорблять кого-либо и использовать матерную ругань;

- вступать в различные секции организованные администрацией;
- поднимать руку на «вора»;
- присваивать любое чужое имущество;
- воровать у своих.

Помимо данных отрицательных правил представителям касты «мужиков» предписывается ряд положительных правил:

- признавать авторитет старших
- положительно отзываться о родителях;
- вносить доля в так называемый «общак»;
- морально и материально поддерживать семейных людей.

Основными подкастами «мужиков» являются:

- «kozyрные фраера» — высшая категория «мужиков» максимально приближенная к «блатным», представители, которой часто являются профессиональными преступниками, но в силу ряда обстоятельств не могущие быть причисленными к высшей касте;
- «шныри» — одна из низших категорий мужиков, оказывающих различные услуги за оплату и прежде всего уборку в помещениях;
- «путевые мужики» — основная масса «мужиков», выполняющая правила тюремной субкультуры и регулярно оказывающая материальную поддержку «ворам»;
- «некрасовские мужики» — прослойка «мужиков» индивидуалистов, отказывающихся идти на ущемление своих интересов ради интересов тюремного сообщества;
- «черти» — низшая категория мужиков, представляющая собой неопытных заключенных, выполняющих грязные работы, не допускаемых к коллективному «чифирению» и живущие в умывальных комнатах.

В ряде случаев представители касты мужиков могут занимать достаточно высокое положение в криминальном сообществе, в частности при отсутствии соответствующего авторитета из среды блатных исполнять надзирающие функции. Вместе с тем между авторитетными «мужиками» и «блатными» существует жесткое разделение. Кроме того, данная каста характеризуется достаточно существенными внутренними разграничениями. Так, «шныри» и «черти» являются презируемыми категориями заключенных. Вместе с тем они не входят в состав касты «обиженных». Различие между двумя низшими категориями мужиков состоит в том, «шнырями» допустимо употребление чифирия и обмен сигаретами, а с «чертями» нет. Кроме этого отдельное проживание чертей ставит их в промежуточное положение между «мужиками» и «обиженными».

Козлы. Козлы представляют собой первую из низших каст тюремного сообщества. Их главным отличием является неподчинение нормам воровской субкультуры и зачастую вражда с ее представителями. В местах лишения свободы козлы представляют собой достаточно большую социальную прослойку, ориентированную на сотрудничество с администрацией исправительного учреждения и стремящуюся к условно-досрочному освобождению.

Социальный состав козлов неоднороден. В данную касту входят как лица, случайно совершившие преступления и по своим социально-психологическим характеристикам неотличимых от мужиков, так и бывшие «блатные» за проступки изгнанные из касты.

Третью категорию данной касты составляют профессиональные преступники, не принявшие воровской субкультуры и получивших наименование «бандитов». Данный социальный состав касты «козлов» приводит к их резкому противостоянию и открытым войнам с представителями касты «блатных». В силу данного обстоятельства каждый заключенный, впервые прибывая в места лишения свободы, должен осуществлять принципиальный выбор между «черными» — т.е. ворами и мужиками и «красными». Карточной мастью «козлов» является буба. Изображение данной масти, как правило, наносится заключенному насильственно.

На социальную структуру касты «козлов» или «красных» существенным образом влияет их сотрудничество с администрацией исправительных учреждений. По этой причине основные должности в местах лишения свободы занимают представители именно этой касты. Кроме того, они состоят в так называемых секциях «поддержания порядка и режима, то есть являются, по сути, дружинниками в местах лишения свободы.

Визуально принадлежность к данной касте фиксируется путем ношения красных повязок на рукавах тюремных роб.

Социальная структура касты «козлов» обусловлена их сотрудничеством с администрацией исправительных учреждений³. По этой причине положение в субкультуре данной касты часто совпадает с социальным положением в исправительно-трудовом учреждении. Важнейшими должностями, занимаемыми представителями данной касты являются:

- дневальные отряда, в штабе, бане и прачечной
- парикмахеры;
- сапожники и портные;
- библиотекари;

- коптерщики;
- завхозы отряда, столовой, производства;
- бригадиры;
- коменданты жилой и промышленной зон.

Для правильного понимания социальной структуры касты «козлов» необходимо помнить, что занятие должности не означает автоматического перемещения в данную касту. В настоящее время некоторые из данных должностей могут замещаться представителями касты «мужиков», но в большинстве случаев должности в исправительно-трудовых учреждениях занимают представители именно рассматриваемой касты.

Главное, что делает заключенного представителем данной касты это нарушение норм тюремной субкультуры и, прежде всего, сотрудничество с администрацией. Отношение к представителям данной касты существенным образом отличается от отношения к представителям касты «обиженных»: с «козлами» можно здороваться и можно разговаривать. Вместе с тем представители данной касты, уличенные в доносительстве или в силовом давлении на представителей двух высших каст, по законам тюремной субкультуры подлежат наказанию и по этой причине стремятся жить обособленно от остального тюремного сообщества.

В настоящее время в субкультуре козлов так же произошли существенные изменения, в частности официально были отменены различные секции, в том числе и секция поддержания порядка. Однако данное обстоятельство не снизило напряжения между «красными» и «черными».

Обиженные. «Обиженные» или «петухи» представляют собой низшую тюремную касту. Состав данной касты пополняется лицами, осужденными по так называемым «плохим статьям» Уголовного кодекса Российской Федерации, к числу которых, прежде всего, относятся преступления сексуального характера;

- развратные действия в отношении малолетних;
- изнасилование;
- изнасилование несовершеннолетних;
- производство и распространение порнографии;
- уклонение от лечения венерических болезней.

Кроме того в касту «обиженных» попадают лица, совершившие существенные проступки, такие как

- кража у «своих»;
- доносительство;
- проявление необоснованного насилия (беспредел);

- не отдача карточного долга;
- пассивный или активный гомосексуализм «на воле»;
- лица, не поддерживавшие мужского достоинства;

Отделение представителей касты «обиженных» от остального тюремного сообщества носит жесткие формы. К ним нельзя:

- прикасаться;
- разговаривать;
- пользоваться одной посудой;
- сидеть на их местах.

В следственных изоляторах «обиженные» находятся либо в отдельной камере, либо «под нарами», либо «у отхожего места». В местах лишения свободы им выделяют отдельные бараки. Если они проживают в общем бараке, то располагаются сразу у входа.

Представители данной касты подлежат обязательному клеймению. Под страхом смерти должны заявлять о своем статусе «объявлять». Возвращение в высшие касты для данной категории осужденных невозможно.

Карточной мастью касты «обиженных» является черва, цвет голубой. Одной из важнейших особенностей данной касты является то, что ее представители используют для удовлетворения сексуальных потребностей представители других каст, при этом процент сознательных гомосексуалистов среди представителей данной касты крайне низок.

Социальная структура данной касты наименее изучена. В самом общем виде ее можно представить следующим образом:

- «мама» или «главплетух» лицо, распределяющее обязанности в данной касте и контактирующее с представителями других каст;
- «милки» представители касты «обиженных», удовлетворяющих сексуальные потребности отдельных криминальных авторитетов;
- «король всех мастей» лица, практикующие все виды половых извращений.

Основная социальная функция касты «обиженных» заключается в запугивании потенциальных нарушителей законов криминальной субкультуры, благодаря чему, руководителям касты «блатных» удается воздействовать на тюремное сообщество в целом.

Не смотря на то, что воровская субкультура включает в себя несколько тюремных субкультур, ее можно рассматривать как целостное явление, поскольку именно ценности, нормы и правила

воров определяют положение других представителей тюремного сообщества. Еще одним важным моментом для понимания воровской субкультуры является понимание того, что она не ограничивается тюремной субкультурой, хотя и базируется на ней. Высшее руководство касты блатных «воры в законе» — в настоящее время нацелены не столько на регуляцию отношений внутри тюремного сообщества, сколько на подчинение нормам своей субкультуры деятельности любых преступных сообществ, а также на обложение данью крупных и мелких предпринимателей. Отсюда следует, что субкультура «воров» обладает огромной социальной опасностью и ее массовое распространение грозит деградацией социальных, экономических и духовных отношений.

Список литературы

1. Анализ нормальных и девиантных форм мировоззрения как идеологическая предпосылка противодействия экстремизму. Самойлов С.Ф., Просветов С.Ю. В сборнике: Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 144-156.

2. Девиантные и нормальные типы личности в психоаналитической традиции понимания жизненных стратегий человека. Самойлов С.Ф., Луков М.Г. Вестн. Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 140-144.

3. Проблемы эмпирического исследования девиаций современной молодежи. Тимченко А.А. В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 204-208.

¹ Девиантные и нормальные типы личности в психоаналитической традиции понимания жизненных стратегий человека. Самойлов С.Ф., Луков М.Г. Вестн. Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 142.

² Анализ нормальных и девиантных форм мировоззрения как идеологическая предпосылка противодействия экстремизму. Самойлов С.Ф., Просветов С.Ю. В сборнике: Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 150.

³ Проблемы эмпирического исследования девиаций современной молодежи. Тимченко А.А. В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 206.

Knowledge of development forms of spiritual life in the professional activity of the police staff

Знание девиантных форм духовной жизни в профессиональной деятельности сотрудников полиции

Sergey Fedorovich Samoilov,
Head of philosophy and sociology Department
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia
doctor of philosophy, Professor
E-mail: office@unity-dana.ru

Sergey Yurevich Prosvetov,
associate professor of philosophy
Kuban State University
Candidate of Philosophy
E-mail: office@unity-dana.ru

Сергей Федорович Самойлов,
Начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
доктор философских наук, профессор
E-mail: office@unity-dana.ru

Сергей Юрьевич Просветов,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного университета
кандидат философских наук
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The content of the article is devoted to the typology of the main types of deviant subcultures. The specificity of the author's approach is to establish a strict correspondence between normal and deviant types of spirituality. The article provides recommendations to law enforcement officers as persons due to official duties faced with representatives of deviant worldviews

Key words: девиантные формы духовной жизни, модель поведения, социокультурная девиация, девиантное поведение, ценностные ориентиры, профессиональная деятельность сотрудников полиции

Аннотация. Содержание статьи посвящено типологии основных видов девиантных субкультур. Специфика авторского подхода заключается в установлении строгого соответствия между нормальными и отклоняющимися видами духовности. В статье даются рекомендации сотрудникам правоохранительных органов как лицам в силу служебных обязанностей сталкивающимся с представителями девиантных мировоззрений.

Ключевые слова: deviant forms of spiritual life, model of behavior, socio-cultural deviation, deviant behavior, values, professional activities of police officers

В самом общем виде девиацию можно определить, как отклонение от принятых норм. Понятие девиации используется в естественных, технических и социально-гуманитарных науках, в каждом из указанной отраслей научного познания применение данного термина, обладает собственными специфическими чертами. В области социально-гуманитарного познания под девиацией понимают отклонение от целей, ценностей и норм, принятых в обществе и культуре.

Принято различать позитивную и негативную формы девиации, первая предполагает отход от стереотипов в мышлении, творчестве и различных видах деятельности, тогда как вторая деградацию человека или социальных образований.

Общим для обеих форм социальной девиации является наличие у них когнитивного, аксиологического и поведенческого уровней. На первом из них происходит изменения в устоявшемся в обществе способе мышления, на втором осуществляется частичная или кардинальная трансформация ценностных ориентиров, поддерживающих действующую социальную систему, и наконец, на третьем уровне изменения

произошедшие в мыслительной и ценностной сферах реализуются в моделях поведения человека.

Для сотрудников правоохранительных органов, в силу их профессиональной деятельности, направленной на противодействие агрессивному, социально значимому злу, наибольший интерес представляет вторая, негативная форма социальной девиации, выраженная в конкретных действиях и моделях поведения. В негативном девиантном поведении принято объединять две основных вида поведения: имитационную и конфликтную.

Имитационная модель стремится к достижению ценностей, принятых в обществе, но нравственно, социально или юридически не допустимыми методами. Лица, пользующиеся данной моделью, чаще всего скрывают, то какими средствами они достигли своих целей. Эта модель свойственна преимущественно различным правонарушителям и не профессиональным преступникам, как правило не связанными с криминальными субкультурами.

Конфликтная модель напротив, предполагает открытое, агрессивное, так и ненасильственное противостояние обществу. Такая модель поведения характерна для революционеров и представителей религиозных сект, экстремистских организаций, групп, различных субкультур. Во всех перечисленных случаях представители конфликтной модели поведения предлагает альтернативную, по отношению к действующей, систему ценностей, нарушающую нормальное развитие общества.

Общим для обеих моделей девиантного поведения служит отказ индивидов или социальных групп участвовать в социальной жизни и проходить процесс социализации и переносить связанные с ним трудности и как следствие столкновение с законом.

Однако эффективное противодействие противоправному поведению не может осуществляться в форме непосредственной реакции на его проявления, необходимо понимание не только видов и форм девиантного поведения, но и его истоков, которые скрываются как сомой логике развития социокультурного целого, так в искажении духовно-нравственных оснований сознания индивидуального сознания.

По этой причине возникает необходимость кратко анализа основных теоретических подходов к рассмотрению социальной девиации, с целью обнаружения ее места в социокультурной жизни и определения возможных направлений развития.

Как предмет познания девиантное поведение входит в сферу интересов нескольких теологических, философских и научных дисциплин, важнейшими из них являются психиатрия, психология, социология, философская аксиология.

С точки зрения психиатрического подхода, имеющего с индивидуальным сознанием, истоки девиантного поведения находятся в различных проявлениях нервно-психологической патологии. Специфика психологического понимания девиантного поведения заключается в его рассмотрении в качестве результата отклонения от нормального функционирования индивидуального сознания, связанного с нарушением как нравственных, так и психологических норм.

В свою очередь социологический подход при исследовании девиантного поведения обращает внимание, прежде всего на те его проявления, которые создают угрозу либо социальному выживанию индивида, либо нормальному функционированию какой-либо социальной общности¹. Главной особенностью философской аксиологии теории ценностей, девиацию предстает, прежде

всего, как деформация ценностной системы человека, связанную с искажением правильного отношения индивидуального «я» к долгу по самому себе, другому «я» и социальному целому.

В профессиональной деятельности сотрудников полиции все перечисленные подходы к пониманию девиантного поведения находят свое применение, но для исследования влияния мировоззрения на профессионально значимые ситуации наиболее перспективным представляется социокультурный подход, который может быть реализован в различных философских и научных дисциплинах.

Специфика социокультурного подхода к исследованию девиантного поведения заключается в том, что оно рассматривается как проявление определенного способа мышления, включающего в себя соответствующие ценностные ориентиры, мировоззренческие и социальные установки, систему знаний и стереотипов поведения. Другими словами, девиантное поведение для социокультурного подхода представляет собой внешнее проявление определенного склада духовной жизни, а вернее нарушение в ходе ее нормального развития. Таким образом, в отличии от других подходов к исследованию девиантного поведения социокультурный подход позволяет рассмотреть его в качестве реализации девиантной формы духовной жизни.

Для правильного понимания социальных и культурных процессов, происходящих в обществе сотруднику полиции необходимо помнить о том, что существование, какой-либо организации и порядка в социальной жизни невозможно вне противодействия разрушительным тенденциям.

Духовность в принципе это усилие и борьба, поэтому без активного противодействия внешним и главным внутренним разлагающим тенденциям она невозможна. Культура и прежде всего духовная культура — это самоограничение человека, придание им своему эмоциональному состоянию, мышлению и поведению определенной формы. Именно из этого вытекает нормативный характер духовной жизни. Но любая норма имеет границы, а, следовательно, предполагает соответствующую форму отклонения. По этой причине каждый нормальный вид духовной жизни сталкивается с девиантным видом духовности.

В самом общем виде девиантные виды духовной жизни в их связи с нормальными видами выглядят следующим образом:

- Оккультизм / миф;
- Тоталитарные культы/религия;
- Эзотерика и идеология субкультур/ философия;

- Паранаука/ наука;
- Клановая этика /мораль;
- Девиантное искусство/искусство;
- Криминальные субкультуры /право;
- Экстремизм/политика;
- Неформальная экономика/экономика;
- Использование техники в антигуманных и преступных целях/техника.

Для всех девиантных видов духовной жизни характерны следующие черты:

- Неспособность содержательного наполнения всех основных сфер духовности;
- Отказ от следования ценностям, нормам и средствами достижения магистральной культуры;
- Склонность, допущение или использование насилия и других противоправных методов реализации поставленных целей;
- Искажение интуитивного переживания, лежащего в основании того или иного нормального вида духовности понимания предметности;
- Неподтвержденность предлагаемой системы знания практикой и социальным опытом;
- Создание примитивных мировоззренческих систем, ориентированных на удовлетворение духовных запросов узких социальных слоев;
- Стремление к созданию маргинальных социальных структур в некоторых случаях, стремящихся либо разрушить действующий правопорядок, либо ведущих параллельное с нормальными социальными институтами существование.

Главным во всех девиантных видах духовности является отход от норм, ценностных ориентиров и предметности определенного вида духовной жизни. Но, несмотря на свое отклонение от норм девиантные виды духовности позволяют человеку остаться в рамках хоть и искаженной и неподлинной духовной жизни.² В них имеет место если не все, то, по крайней мере, несколько сфер духовности и содержание, стремящиеся удовлетворить духовные потребности человека. Но на девиантных формах духовности отход человека от норм социальности и культуры не заканчивается, за ними скрывается слой деструктивных форм девиации.

К деструктивным видам социальной девиации следует отнести:

- Алкоголизм;
- Наркомания;

- Проституция;
- Бродяжничество;
- Суицид.

В основании деструктивных видов социокультурной девиации лежат определенные ценностные и когнитивные изменения, приводящие к стремлению к чрезмерным чувственным удовольствиям, потери интереса к труду и формированию потребностей к познанию, осмыслению и изменению мира. Общим для данных видов девиантного поведения служит, то что в них индивид опускается до полуживотного состояния, морально и физически разлагается.

Все перечисленные виды девиантного поведения способны порождать определенные субкультуры, но они, как правило, не порождают развитых систем знания, мировоззрений, устойчивых социальных образований.

Деструктивные виды девиантного поведения не являются последним уровнем саморазрушения человека, за ними следуют виды делинквентного поведения. В отличие от деструктивных видов девиантного поведения делинквентные виды направлены не на саморазрушение, а на причинение другим индивидам, социальным группам, общественным организациям и т.д. вреда, ущерба их имуществу и репутации.

Принято различать два основных вида делинквентного поведения: административные правонарушения и уголовные преступления.

Естественно, что деление на социокультурной девиации на виды девиантной духовной жизни, деструктивное и делинквентное поведение является достаточно условным и реальной социальной жизни все три вида поведения могут соединяться.³ Тем не менее, тенденция к выстраиванию социокультурной девиации от девиантных видов духовной жизни к делинквентному поведению несомненно имеет место, о чем свидетельствует ставшая классической типологизация социальной девиации предложенная американским социологом Р. Мертонем.

Согласно Р. Мертону существует одна нормальная модель социального поведения конформная, которая предполагает полное признание индивидом или социальной группой как ценностных ориентиров, так и средств их реализации, принятых в обществе. Все остальные модели поведения являются девиантными, к их числу относятся:

- Инновационная, предполагающая признание социальных ценностей и целей, при од-

современном применении аморальных или противоправных средств их достижения;

- Ритуалистическая, полагающая что цели и ценности, заявляемые обществом не достижимы, но следует имитировать стремление к их достижению;
- Ретритная, нацеливающая на уход из общества и отрицающая как содержательное, так и формальное следование принятым в обществе целям и ценностям;
- Революционная, предлагающая создание новых ценностей и определение не характерных для отрицаемой социальной системы целей и средств.

Все перечисленные модели девиантного поведения имеют место не только в деструктивном и деликвентном поведении, но и в развитых девиантных формах духовной жизни.

Список литературы

1. Анализ нормальных и девиантных форм мировоззрения как идеологическая предпосылка противодействия экстремизму. Самойлов С.Ф., Просветов С.Ю. В сборнике: Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 144-156.

2. Проблемы эмпирического исследования девиаций современной молодежи. Тимченко А.А. В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 204-208.

3. Социальные функции мировоззренческой подготовки сотрудников ОВД. Самойлов С.Ф., Тимченко А.А. В сборнике: Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар, 2018. С. 176-178.

4. Эмпирический анализ девиаций современной молодежи: методологические и методико-процедурные проблемы. Тимченко А.А. Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 249-253.

¹ Эмпирический анализ девиаций современной молодежи: методологические и методико-процедурные проблемы. Тимченко А.А. Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 251.

² Анализ нормальных и девиантных форм мировоззрения как идеологическая предпосылка противодействия экстремизму. Самойлов С.Ф., Просветов С.Ю. В сборнике: Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 152.

³ Проблемы эмпирического исследования девиаций современной молодежи. Тимченко А.А. В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 205.

The geopolitical position of modern Russia and its impact on national security

Геополитическое положение современной России и его влияние на национальную безопасность

Aleksandr Ilitch Sacuta,
candidate of philosophy, professor, professor
of the department of the Sociology and Politology
of the Russian MIA Moscow University
named after V. Ya. Kikotya
E-mail: al. satsuta2014@yandex.ru

Александр Ильич Сацута,
кандидат философских наук, профессор кафедры
социологии и политологии Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: al. satsuta2014@yandex.ru

Annotation. The geopolitical position of modern Russia is characterized, its main indicators and indicators are singled out and disclosed. The influence of the geopolitical position of modern Russia on its national security is shown.

Key words: geopolitical position, Russia, geopolitical position of modern Russia, indicators and indicators of the geopolitical situation of modern Russia, national security, the impact of the geopolitical situation of modern Russia on national security

Аннотация. Характеризуется геополитическое положение современной России, выделяются и раскрываются его основные показатели и индикаторы. Показывается влияние геополитического положения современной России на ее национальную безопасность.

Ключевые слова: геополитическое положение, Россия, геополитическое положение современной России, показатели и индикаторы геополитического положения современной России, национальная безопасность, влияние геополитического положения современной России на национальную безопасность

В начале XXI века значительно осложнилась геополитическая обстановка в мире, обострились межцивилизационные противоречия, в международных отношениях все очевиднее проявляются тренды на протекционизм, закрытость, конфронтацию и открытое противостояние. Конкуренция и соперничество государств на мировой арене охватывают ценности и модели общественного развития и мирового порядка, социальный, научный, технологический и духовно-нравственный потенциалы, становятся все более бескомпромиссными и конфликтными. «Процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства, — отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, — сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности», новыми вызовами и рисками для человеческой цивилизации, международной и национальной безопасности¹.

Российская Федерация для обеспечения внутреннего развития и стабильности, защиты суверенитета и реализации национальных интересов, повышения конкурентности и влияния в мире активно использует имеющиеся у нее возможности и ресурсы. Особое значение среди них имеет ее современное геополитическое положение. Геополитическое положение современной России определяется ее пространственно-физическим

расположением на земном шаре, размерами территории, характером географической среды и климатом, запасами природных ресурсов, системой транспортных коммуникаций, протяженностью и обустроенностью государственной границы, состоянием и уровнем экономического, социального, политического, духовного и военного потенциала страны, включенностью российского государства в систему международных отношений.

В конце XX в. с обретением Российской Федерацией самостоятельности, в результате распада СССР, ее геополитическое положение значительно ухудшилось. По сравнению с Российской империей и Советским Союзом на 238% сократилось географическое пространство России. Она потеряла часть исторически принадлежавших ей территорий (Крым, северные области Казахстана, были удовлетворены территориальные претензии Китая на Дальнем Востоке). Ограничился доступ России к открытым морям, сократилось число принадлежащих ей незамерзающих глубоководных портов на Черном и Балтийском морях, ухудшалась система транспортных коммуникаций.

В 90-е гг. XX в., во многом в связи с уменьшением по сравнению с Советским Союзом на 41% валового общественного продукта и на

394% промышленного потенциала, в кризисном состоянии находилась экономика страны, не решались актуальные социальные вопросы. Возникли проблемы и противоречия в государственно-политическом устройстве страны. Заметно снизилась обороноспособность страны — на 446% снизился военный потенциал в результате раздела Вооруженных Сил СССР между бывшими советскими республиками. С распадом биполярной системы мироустройства, образованием новых государств по периметру государственной границы, возникла необходимость выстраивания Россией новой системы межгосударственных взаимоотношений, легитимации значительной части государственной границы и ее обустройства.

По истечении более четверти века в геополитическом положении России произошли значительные перемены. Современная Россия сохраняет выгодное географическое положение, имеет огромную территорию, большие запасы природных ресурсов. Она находится в центральной материковой части Евразийского континента, на стыке Европы и Азии, является по своим размерам крупнейшей страной в мире (принадлежит 13% мировой территории, на которой расположено 35% всех ликвидных мировых ресурсов, континентальный шельф России составляет 20% площади Мирового океана). На территории России разведано и открыто около 20 тыс. месторождений полезных ископаемых, прогнозная ценность которых составляет более 140 трлн дол., расположены крупнейшие в мире запасы природного газа, нефти, каменного угля, золота, алмазов, платины. В России пятая часть всех лесов планеты, являющихся не только сырьем, но и главным биосферным кислородным резервуаром на земном шаре.

Территория и континентальный шельф современной России, с учетом построенных и модернизированных в последние годы автомобильных и железных дорог, трубопроводов и аэродромов, обновленных и построенных портов и причалов на Баренцевом, Балтийском, Черном и Каспийском морях, в бассейне Тихого является эффективной транспортной инфраструктурой между Европой и Азией, обеспечивает возможности для выхода в Северный Ледовитый, Атлантический и Тихий океаны. Российская Федерация контролирует Северный морской путь, использование которого является экономически выгодным при товарообмене и торговле между странами Европы, Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Усилению геополитического положения

России способствовало возвращение в ее состав Крыма и Севастополя.

Современное геополитическое положение России характеризуется наличием у нее сопредельных геополитических регионов, обстановка в которых является источником опасностей и угроз безопасности и национальным интересам Российской Федерации. После распада СССР на западе и юге России сформировались новые геополитические регионы. Вступление практически всех стран Восточной Европы и прибалтийских стран в НАТО и Евросоюз привело к принципиальному изменению политической и военно-политической ситуации в Европе — здесь значительно усилились позиции США, блок НАТО непосредственно приблизился к границам России. В последнее время территория прибалтийских стран и некоторых стран Восточной Европы стали зоной нестабильности и конфликтов, а проводимая ими антироссийская политика усиливает напряженность на западных границах страны. Районом напряженности и нестабильности, представляющим опасность для России, стала территория Украины.

Сложная ситуация сложилась в сопредельных геополитических регионах на юге России. Особенно проблемным является Кавказский регион. Здесь проходит так называемая дуга нестабильности, где соприкасаются христианская и мусульманская цивилизации. На Кавказе сохраняются опорные пункты международного терроризма, подпольных торговцев оружием, его пространство используется для проникновения в Россию исламского фундаментализма и его идеологов, а также имеющих боевой опыт членов международных террористических организаций. По-прежнему, несмотря на изменения в последние годы в политическом руководстве Грузии, ее политика по отношению к России остается недружественной и даже агрессивной. Представляет угрозу безопасности в регионе и неурегулированный конфликт между Азербайджаном и Арменией вокруг Нагорного Карабаха. Территория Центрально-Азиатского геополитического региона используется для транспортировки в Россию наркотических средств, является источником незаконной миграции радикальных религиозных экстремистов, контрабандистов и уголовных преступников.

На востоке страны угрозой для России представляют системы ПРО США на Аляске и Калифорнии, планируемое их развертывание в Японии и Южной Корее, напряженная военно-политическая обстановка вокруг КНДР, «тихая

экспансия» китайцев и вьетнамцев на территорию страны, их интеграция в торгово-экономические отношения, формирование национальных анклавов и диаспор. Болевой точкой для России остаются претензии Японии на Курильские острова.

Значимым показателем геополитического положения современной России является ее место и роль на пространстве СНГ, в системе обеспечения его безопасности и защиты коллективных интересов. Влияние России на ситуацию на пространстве СНГ обеспечивается ее торгово-экономическими и гуманитарными связями с большинством стран содружества, поставкой в эти страны энергоносителей, предоставлением им кредитов и займов, военно-техническим сотрудничеством. Россия активно участвует в деятельности региональных организаций и объединений на пространстве СНГ, таких как Совет глав государств СНГ, ОДКБ, Евразийский экономический союз, в обеспечении функционирования их структур.

В контексте влияния на геополитические процессы на пространстве СНГ, Россия уделяет особое внимание защите коллективных интересов. В Таджикистане, Киргизии, Армении, Южной Осетии, Абхазии Россия имеет военные базы, сохраняет военное присутствие в Белоруссии. По периметру российской государственной границы и в некоторых сопредельных странах СНГ развернуты радиолокационные станции раннего предупреждения о ракетном нападении. В целях защиты северных территорий и укрепления позиций в Арктике восстанавливается военная инфраструктура в регионе, на базе Северного флота создано Объединенное стратегическое командование в Арктике («Север»).

Особым показателем современного геополитического положения России являются ее культурно-цивилизационное своеобразие, состояние демографических процессов в стране. На протяжении своей истории Россия как евроазиатская страна отличалась многонациональностью и многоконфессиональностью населения, уникальными национальными традициями и ценностями, имеющими исключительное значение для сохранения и защиты ее единства, территориальной целостности и суверенитета, обеспечения международного авторитета. Российский народ традиционно объединяли такие базовые ценности, как соборность и коллективистские начала, государственность и патриотизм, идея величия страны.

С культурно-цивилизационным своеобразием России тесно связаны демографические процессы, заключающиеся в сохранении и воспро-

изводстве населения, улучшении его структуры, увеличении продолжительности жизни, в характере расселения людей на территории страны, содержании и характере миграции. С начала 90-х годов прошлого века постоянно сокращалось население России, уменьшался его естественный прирост, смертность значительно превышала рождаемость. Только в 2013 г. впервые в постсоветской России рождаемость превысила смертность, в последние годы наметилась тенденция роста продолжительности жизни населения, несколько сократился его отток с Дальнего Востока, Сибири и Севера в Европейскую часть страны. Для поддержания и обеспечения позитивной демографической ситуации в стране российским государством проводится активная и целеустремленная демографическая политика, разработаны планы по оптимизации ее основных направлений на ближайшую перспективу.

К показателям современного геополитического положения России также относятся содержание и характер социально-экономического, научно-технического, политического и культурного развития, состояние военного потенциала страны. В Российской Федерации, которая обрела государственный суверенитет и прошла сложный путь реформирования всех сфер общественной жизни, в начале XXI в. начался процесс постепенного возрождения. Он заключается в достижении в последние годы устойчивого развития экономики, стабильности макроэкономических показателей, восстановлении и развитии научного потенциалов, создании условий для социальной и политической стабильности в стране, поиске системы духовных ценностей, объединяющих российский народ, реанимации оборонно-промышленного комплекса, реформировании военной организации государства. В последние годы, в связи с введенными США и странами Евросоюза санкциями против России, она взяла курс на технологическое перевооружение промышленного производства и его инновационное развитие, укрепление аграрно-промышленного комплекса, отечественной науки и ее интеграцию с производством, развитие оборонно-промышленного комплекса. Разработана национальная программа «Цифровая экономика», к 2025 году планируется увеличение внутреннего валового продукта на душу населения в два раза, вхождение России в пятерку крупных экономик мира.

С начала XXI века в России проведены реформы и преобразования, направленные на преодоление негативных процессов и явлений в социальной, политической и духовной сферах

жизни российского общества, накопленных в конце прошлого столетия. Реализация комплексных и целевых программ позволила создать определенные материальные условия для улучшения функционирования социальной сферы, укрепления социальной стабильности, решения наиболее острых проблем в социальных отношениях, повседневной жизни людей. Перспективные планы по обеспечению прогресса в этих областях намечены на ближайшие годы. Позитивные процессы происходят в политической жизни страны, в ее государственном устройстве. Укрепилась государственно-территориальная целостность страны, система государственной власти и управления, более открытой стала деятельность органов государственной власти.

В стране практически восстановлена предприятия оборонно-промышленного комплекса, осуществляется их модернизация, реанимируются перспективные наработки по различным видам вооружений и боевой техники, организовано их производство, разворачиваются НИОКРы по созданию современных образцов вооружения и боевой техники. Это позволило в последние годы активно осуществлять модернизацию видов и родов войск(сил) Вооруженных Сил России, других силовых структур военной организации российского государства. К концу 2017 г. оснащенность российской армии и флота современным вооружением и боевой техникой достигла 595%. В Стратегических ядерных силах ее уровень составляет 79%, в Сухопутных войсках — 45%, в Воздушно-космических силах — 73%, в Военно-морском флоте — 53%.

В России созданы и испытаны ракетный комплекс с тяжелой межконтинентальной ракетой «Сармат» с увеличенными дальностью и количеством боевых частей, низколетящие гиперзвуковые крылатые ракеты «Авангард» с ядерной боеголовкой, оснащенные малогабаритной сверхмощной ядерной энергетической установкой с практически неограниченной дальностью и непредсказуемой траекторией полета в плотных слоях атмосферы, беспилотные подводные аппараты как с обычными, так и ядерными боеприпасами, способные двигаться на большой глубине и на межконтинентальную дальность, высокоточный гиперзвуковой ракетно-авиационный комплекс «Кинжал» с дальностью действия более двух тысяч километров, боевые лазерные комплексы. Успешно проведены испытания совершенно новой противоракеты для перевооружения частей противоракетной обороны Воз-

душно-Космических Сил. Многие из этих видов вооружений и боевой техники, не имеющих аналогов в мире, запущены в серийное производство и начинают поступать в войска². Создана единая система управления обороной страны.

Существенное значение для геополитического положения России имеют содержание и степень ее включенности в систему международных отношений и мировой политики. Современная Россия в различных форматах развивает широкие и разносторонние связи с другими государствами, проводит много векторную внешнюю политику, целеустремленно укрепляет международные позиции, активно участвует в деятельности международных глобальных и региональных объединений. Она входит в состав и участвует в деятельности практически всех наиболее значимых международных объединений, играет заметную роль в решении глобальных и региональных проблем, обеспечении международной безопасности, формировании новой архитектуры мироустройства. В 2008 г. она провела успешную военную операцию по принуждению Грузии к миру, отражению ее агрессии против Южной Осетии. Благодаря политико-дипломатическим усилиям России в 2013 г. было предотвращено военно-силовое вмешательство США и их союзников во внутривосточный конфликт в Сирии, а в 2015—2017 гг. войсками(силами) Вооруженных Сил России во взаимодействии с сирийской армией на территории Сирии практически разгромлена наиболее боеспособная группировка (ИГИЛ) международного терроризма, в стране созданы условия для мирного разрешения внутривосточного конфликта. Россия занимает принципиальную и твердую позицию по поводу событий в Украине в 2013—2014 гг., урегулированию конфликта на юго-востоке страны.

Российская Федерация — активный субъект международного гуманитарного сотрудничества. Она принимает непосредственное участие в ликвидации последствий природных и социальных катастроф и катаклизмов в других странах мира, практически во всех уголках земного шара, оказывает продовольственную, медицинскую и другую гуманитарную помощь пострадавшим от них людям, в реализации гуманитарных программ ООН (борьба с голодом, бедностью, неграмотностью и др.). Всесторонним и многоплановым является международное сотрудничество России в области образования, культуры, спорта.

Признанием возможностей и значительной роли России в международном гуманитарном сотрудничестве стало предоставление ей права проведения Всемирной летней универсиады в 2013 г., зимних Олимпийских игр в 2014 г., чемпионата мира по футболу в 2018 г., Всемирной зимней универсиады в 2019 г.

Как самостоятельное и суверенное государство, Россия, несмотря на все трудности и проблемы в своем развитии в конце XX и в первые десятилетия XXI века, сохранила себя неотъемлемой частью современного мирового сообщества, является сегодня активным участником мировых процессов, заметным «игроком» на международной арене. «Возросла роль Российской Федерации, — отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, — в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях»³. Россия сегодня — крупнейшая региональная евразийская держава, являющаяся влиятельным, ответственным и самостоятельным субъектом международных отношений и мировой политики.

Современное геополитическое положение России представляет важнейшее условие и фактор сохранения ее суверенитета и стабильности, оказывает неоднозначное, разноплановое и разносторонне влияние на ее национальную безопасность. Оно является, с одной стороны, важнейшим источником обеспечения и укрепления безопасности личности, общества и государства, а с другой, создает определенные проблемы и трудности, требует значительных ресурсов и усилий в защите и реализации национальных интересов российского народа.

Геополитический потенциал России в решающей степени определяет содержание и характер проводимой российским государством политики национальной безопасности, его ответственность за поддержание и обеспечение международной безопасности на региональном и глобальном уровнях. От состояния количественно-качественных показателей геополитического положения России зависят содержание и характер воздействия на ее национальную безопасность окружающей по отношению к ней социально-политической и военно-политической обстановки, параметры состояния и обеспечения ее национальной безопасности.

Система показателей и характеристик геополитического положения России, отражающая возможности и ресурсы страны, при вступлении во взаимодействие с геополитическими показателями и характеристиками других стран объективно влияет на формирование ценностей и приоритетов, жизненных потребностей и национальных интересов страны, составляющих основу организации и функционирования национальной безопасности. Показателями и характеристиками геополитического положения России определяются структура национальной безопасности, приоритетность и значимость ее элементов, силы и средства ее обеспечения. Состояние показателей и характеристик геополитического положения современной России позволяет также выявлять опасности и угрозы безопасности обществу, личности и государству и определять с учетом этого направления деятельности государства и его органов по укреплению и развитию тех или иных элементов национальной безопасности, предотвращению и локализации угроз и вызовов национальным интересам. Особое значение в этом контексте отводится правоохранительным органам и специальным службам в защите конституционного строя страны, общественной безопасности, правопорядка, прав и свобод человека и гражданина, социально-политической стабильности в обществе.

Современное геополитическое положение России оказывает существенное влияние на состояние отдельных элементов национальной безопасности, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по ее обеспечению. Расположение России в Северном полушарии, на Евразийском континенте требует повышенного внимания к военно-политическим процессам как в Европе, так и в Азии, к состоянию военной безопасности, адаптации российской военной политики к военно-политической ситуации в близлежащих регионах и сопредельных странах. Значительные пространственно-географические размеры и физические характеристики России предъявляют особые требования к организации обороны страны, оборудованию театров военных действий практически по всему периметру государственной границы, к функционированию системы управления национальной обороной и деятельности органов управления на отдельных

направлениях. Усложняют подготовку и осуществление мероприятий по укреплению обороны и безопасности страны неравномерная плотность населения, миграционные процессы, очаговый характер экономических зон, уязвимость транспортных коммуникаций, наличие АЭС и предприятий с потенциальной экологической опасностью.

Опасности и угрозы национальным интересам России представляют вооруженные конфликты и очаги напряженности вблизи ее границ, неконтролируемые миграционные процессы, наркотрафик, проникновение на территорию России идеологов и боевиков международного терроризма. Они влияют на военную безопасность, создают напряженную социально-политическую обстановку, криминогенную ситуацию. По мере возникновения новых и эскалации старых военных конфликтов и кризисов в напряжении находятся отдельные приграничные районы России, перестраиваются система военного строительства, планы подготовки Вооруженных Сил, изменяются задачи сил обеспечения безопасности личности, общества и государства. По принципу создания болевых точек и экстремальных ситуаций вблизи границ России проверяются ее военно-политическая реакция, выясняются уязвимые места в ее геополитическом контуре.

Показателями и характеристиками современного геополитического положения России определяются приоритеты обеспечения национальной безопасности, задачи сил и средств ее обеспечения. Главные задачи по обеспечению безопасности Российской Федерации в геополитическом пространстве выполняют Вооруженные Силы. Правоохранительные органы в целях защиты государственной и общественной безопасности осуществляют комплексные мероприятия по противодействию и локализации терроризма и экстремизма, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, профилактике и предупреждению различного рода преступлений и правонарушений, проявлений организованной преступности, оказывают содействие специальным службам в защите национальных интересов в приграничном пространстве.

Современное геополитическое положение России оказывает как положительное, так и негативное воздействие на ее национальную безопасность. Использование положительного и преодоление негативного потенциала этого воздействия — особый приоритет Российского государства и общества.

---

¹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. С. 6.

² См.: Красная звезда, 2017, 25 декабря; Российская газета, 2018, 2 марта.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. С. 5.

On science as objectivization of subjective and conceptual foundations of grounded knowledge

О науке как объективации субъективных, предметных и концептуальных оснований обоснованного познания

Anatoli Vitaljevich Chusov,
Ph.D in philosophy, dozent of the Dept.
of philosophy and methodology of science of the Dept.
of Philosophy of Lomonossov Moscow State University
E-mail: anchusov@yandex.ru

Анатолий Витальевич Чусов,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и методологии науки философского
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: anchusov@yandex.ru

Annotation. Science is understood as social objectivization, expanded reproduction and interaction of objects. New types of objects enter into new world interactions. The subject as an object is subjectivization, he creates and experiences representations. The scientific subject area is objectivized in reproduction of science. Science shows the object connection of representations and models. Scientific objects have an empirical or theoretical interpretation. In the structure of science, basic and model idealized objects are distinguished.

Key words: science, objectivization, subjectivization, basic idealized object, model idealized object

Аннотация. Наука понимается как социальная объективация, расширенное воспроизводство и взаимодействие объектов. Новые типы объектов входят в новые мировые взаимодействия. Субъект как объект есть субъективация, он создает и переживает представления. В ходе воспроизводства науки ее предметная область объективируется. Наука являет объектную связь представлений и моделей. Научные объекты имеют эмпирическую или теоретическую интерпретацию. В структуре науки различаются базисные и модельные идеализированные объекты.

Ключевые слова: наука, объективация, субъективация, базисный идеализированный объект, модельный идеализированный объект

В современном мире науку финансируют, в целом, увеличивающимися темпами: в 2005 г. в мире на научные исследования и разработки тратили менее 1 трлн долл., а в 2015-м — около 193 трлн¹. Страны, входящие в Топ-40, дают 86% финансирования науки и увеличивают ее финансирование. Весьма сильна и тенденция к капитализации науки².

В современном мире науку используют. Научные результаты — данные, выводы и прогнозы — рассматриваются как основания решений различного рода и уровня: от решения купить продукт, воплощающий разработанные наукой технологии, до принятия политического решения о выборе стратегии развития или реформирования некоторой области социальных отношений (вроде денежно-кредитной, промышленной или социальной политики).

В современном мире науку обсуждают. Ее отношения к другим формам общественной деятельности и культуры постоянно проблематизируются. На специфическую научность претендуют разные виды занятий, от хиромантии до футурологических теорий, от теологии до эстетических произведений. Воспроизводятся те взгляды, что господствующая, официально

принятая, финансируемая наука имеет негативные духовные последствия, поскольку замещает истинное познание реального мира и действительности условными конвенциями или нереальными, абстрактными, формальными конструкциями. Можно указать и на более или менее общее мнение о негативных социальных последствиях науки, которая замещает естественную природу искусственно произведенным, неестественным суррогатом.

Проблемные ситуации возникают и внутри науки, при формировании новых направлений научных исследований, или в связи с видимым приближением классических научных дисциплин к границам развития в установившихся формах. Новые формы проблем теоретизации, систематизации эмпирических и теоретических данных, моделирования, интерпретации научных моделей, организации экспериментов и т.д., возникают в самых разных науках — от психологии до экономики, от квантовой физики до биологии и т.д.

Но что же такое наука?

Ее определяют и понимают различно. Пожалуй, наиболее привычным выглядит понимание науки как системы знаний (по умолчанию —

истинных). И как «особая система знаний» наука была определена еще в античности, когда «эпистему» как согласованную и обоснованную систему знаний стали отличать от «гнозиса» как знания индивидуального и в той или иной мере случайного, которое может быть и внесистемным. Это понимание науки тесно связано с идеей существования системы полного и завершеного знания о мире. Его корни — во взглядах Ф. Бэкона на преобразование наук, далее развитых Я.А. Коменским в проекте энциклопедии, реализованном энциклопедистами в XVIII веке. Энциклопедию понимали как единую всеобщую науку, максимально полную систему возможных для человека знаний.

Некоторым видоизменением указанного представления стало понимание развития науки как кумулятивного процесса, в ходе которого к уже имеющимся проверенным и доказанным знаниям могут добавляться новые, пополняя общую систему знаний. Рецидивы исторически ограниченного (как показало развитие науки) представления о полной системе знания проявляются и в обыденном представлении о наличии единой науки (когда, напр., науку считают особым субъектом истории экономической, политической, социальной или культурной), и в форме «мечты о единой теории». Альтернативой пониманию науки как полной системы знаний стали концепции «роста» знания.

Русскоязычные философские словари и энциклопедии обычно выделяют связь науки с выработкой и систематизацией объективных или обоснованных знаний; что это сфера или область человеческой деятельности; общественное явление; социальный институт; исторически и социокультурно развивающееся образование. Среди основных характеристик науки выделяют то, что она имеет дисциплинарную структуру, особую методологию и т.д. Англоязычные источники рассматривают науку как особое предприятие, а немецкоязычные ставят акцент на сеть систематического воспроизводства знаний.

Науку часто понимали как предприятие в основном теоретическое. Сейчас она расслаивается и размножается, порождая производные формы создания знаний. Постоянно происходят процессы интеграции и дифференциации наук, развиваются междисциплинарные и комплексные исследования, а также исследования, ориентированные на практическую реализацию результатов.

Распространены подходы к науке как к виду познавательной деятельности. Но сейчас есть тенденция понимать деятельность в сфере науки более узко, чем это было характерно для класси-

ческого подхода. Так, за рубежом повсеместно принято зачислять науку в область исследований и разработок (Research & Development). Но при этом сферу собственно познавательной деятельности сужается, из науки неявно исключают образование исследователя и разработчика и передают его в сферу высшей школы. Справедливости ради, заметим и обратную сторону — эта установка структурно аналогична идее Ф. Бэкона о том, что настоящая, действительная и полезная наука основана на опытах (различая при этом опыты светоносные и плодоносные).

В исследованиях науки упрочились исторические или социологические подходы к науке как к социальному институту, возникают трактовки науки как многообразия форм дискурса или как коммуникативной практики. Описание позиций в отношении науки можно продолжать и далее, но уже можно констатировать, что в наше время науку существенно характеризует не воспроизводство имеющихся систем знаний, а **создание объектов новых типов**. Как говорил Г. Башляр: «по ту сторону субъекта, по эту сторону непосредственного объекта современная наука базируется на проекте»³.

Но создание новых объектов шире, чем фиксация целей, конститuent и результатов научной деятельности. Науку существенно характеризует то, что объекты, создаваемые наукой в ее существовании и воспроизводстве, **имеют разные типы существования, и объекты разных типов связаны между собой**. Речь и о получении новых знаний, и о преобразовании старых (при их инструментализации или синтезе в производных понятийных конструкциях).

1. Научные результаты получают все большее распространение, изменяя непосредственное существование все новых и новых сообществ, внедряя новые типы объектов в окружающую среду.

2. Научные институты не просто воспроизводятся, а разрастаются, мутируют, производят потомков и т.д.

3. Постоянно увеличивается контингент ученых, причем в научную или околонаучную деятельность вступают все новые профессионалы с разным уровнем квалификации и разными специализациями.

4. Возникают новые типы не только научных организаций, но и мыслительных коллективов, воспроизводство которых хотя и связано с научными организациями, но в определенном смысле и превосходит их.

Сказанное позволяет понимать науку как **объективацию**⁴. Это понятие употребляют во

многих смыслах. В обыденном смысле «объективация» означает превращение в объект или возникновение объекта. Основной смысл — в том, что в мире появляются новые объекты, или меняется тип существования старых объектов (рождается живое существо, вырастает кристалл, происходит фазовый переход или химический синтез вещества). При объективации существенно то, что в ней изменяются типичные взаимодействия.

Первым специально рассматривал объективацию А. Шопенгауэр⁵. В истории философии и методологии науки этот концепт использовали В. Дильтей, Э. Гуссерль, Н.А. Бердяев и мн. др. Известна социологическая версия рассмотрения науки как объективации (П. Бурдьё и его школа). А в современных феминистских подходах распространена трактовка объективации как превращения человека (преимущественно женщины) в не имеющий самостоятельности объект желания, манипуляции или угнетения.

Примем понимание объективации Д. Лукача, который, следуя К. Марксу, взял за основу определения объективации «фиксированность структур»⁶. Структуры здесь — инварианты существования фрагментов мира, а не субъективные определенности. Мы рассматриваем социальные объективации как сферы деятельности людей, исторически развивающиеся и воспроизводящиеся, как компоненты социального бытия. Эти практические инварианты синтеза субъектных и объектных определенностей неизбежно выходят за рамки чисто субъективных оснований. Ныне развиты объективации экономики, искусства, науки, политики, образования, медицины, армии и т.д.

Социальные объективации не отделены друг от друга непроходимыми границами, но деятельность в этих сферах в целом сохраняет специфику, чему способствует их институционализация. Есть и тенденции взаимодействия и подчинения одних объективаций другими, например, процессы капитализации науки, здравоохранения, образования и т.д., которым частично противостоят движения и проекты экологизации, цифровизации, изменения трендов развития в связи с внеэкономическими целями и т.д.

Рассматривать науку как объективацию надо в комплексной взаимосвязи объектных характеристик и уровней ее существования — от внутренних формальных и теоретических уровней до уровней внешних условий и предпосылок существования науки. При этом существование науки на каждом из этих уровней имеет относительно самостоятельную специфику, проявляющуюся

во взаимодействиях, в которые вступают специфические для этих уровней типы объектов. Это требует неклассической онтологии актуального существования относительно самостоятельных объектов в составе общего взаимодействия мира. Такие онтологии разрабатывали А.Н. Уайтхед, Н. Гартман, Ж. Делез, Ж.-Л. Нанси, Б. Латур и др.

В перспективе объективации общее основание получают исследования существования науки как возникновения, существования и исчезновения или сущностного преобразования: (а) материальных объектов в классическом смысле слова, (б) субъектов, (в) общественных организаций и институтов, (г) компонентов наших представлений, (д) реальных и идеальных моделей как средств и результатов научных действий — все это частные случаи присутствия и/или существования объектов в мире (присутствие — необходимый актуальный момент мировой ситуации).

Вопросы существования объектов во взаимодействиях ставятся двояко: и как изучение собственных определенностей объектов и взаимодействий, и как изучение границ и пределов этой самостоятельности в отношении как к смежным, так и к объемлющим мировым структурам. Исследование нацелено не на редукцию к какому-то фундаментальному уровню, а на выявление связей между уровнями и определение специфики уровней. Необходимость этого можно обосновать, напр., немасштабируемостью решений сложных задач⁷.

Примем рабочее определение: предмет — это данность объекта субъекту⁸. Для подхода к исследованию науки как объективации важен акцент на актуальном существовании объектов в предметном поле науки. Предмет как данность не только входит между субъектом и объектом, но и соединяет их. В нем даны и субъектные, и объектные структуры, он актуально существует в том же мире, что и субъект с объектом. В мире, в котором существует субъект, существование предмета и предметности постоянно воспроизводится, и это воспроизводство объективирует предмет. В случае интересубъективной науки это означает, напр., фиксацию форм ее предметности и подручных средств — средств представления и моделирования (напр., языка), приборов, гербариев, коллекций, лабораторий, музеев, баз данных и проч.

При формировании интересубъективной предметной области возникновение понятий, имеющих предметный смысл, не только объективирует структуры мысли в поле действий ученых субъектов как индивидов, включенных в научный коллектив. Речь идет и об объективном

формировании научного субъекта в научной практике. Это частное, но важнейшее для нас направление объективирования естественно называть **субъективацией**, имея в виду, что субъект есть частный случай объекта и рассматривая ее в общем случае как необходимый аспект существования общественных объективаций. Здесь применимы средства анализа объективации научного субъекта, разработанные, напр., М. Фуко, П. Бурдьё, Б. Латуром. Перспективным представляется исследование формирования предметного чувства, которое явно отличается у ученых-математиков с разными стилями мышления. И в опытных науках известно подразделение на теоретиков и экспериментаторов, что следует интерпретировать именно как наличие у них поразному оформленного чувства предмета. Объективация предметного чувства в высшей степени важна, так как оно обеспечивает непосредственную данность предмета науки, и невозможно стать ученым без его развития.

Не вдаваясь в проблематику определения субъекта и представления, заметим, что по меньшей мере одно из необходимых свойств субъекта — это способность субъекта нечто представлять (себе или другому), создавать представления. Субъект, как актуальная объективация, производит подручные себе и другим объективации на основе не только языка (который К. Маркс называл непосредственной действительностью мысли), но и других средств объективации представлений, и актуализируемых в представлениях объектов. При этом он способен еще и выходить за пределы чистого представления в практику. Мыслящий ученый не выпадает из окружающего мира, а в своем мышлении создает и переживает представление взаимодействия научных объектов (возможно — идеализированных или воображаемых).

Взгляд на научные исследования как на объективацию деятельности специфически образованных субъектов позволяет лучше понять возникновение объектов при создании не только теории, но и ее эмпирического базиса, отличить формирование и функционирование научных объектов, интерпретированных на абстракциях высокого уровня и теоретических идеализациях, от объектов с эмпирической интерпретацией.

Непосредственно науки занимаются моделями фрагментов мира, и их предметные области объективируются в теоретических и эмпирических конструкциях, имеющих объектное строение.

Научные модели должны иметь интерпретацию на фрагменте мира, и исторически все науки имели некое опытное основание, связь с эмпи-

рическими объектами. Ныне принято считать, что эмпирические объекты теоретически нагружены, а теоретические объекты эмпирически недоопределены.

Различают идеальные и реальные объекты. Но среди идеальных объектов нужно отличать абстрактные объекты, т.е. отвлеченные от реальных объектов (вещей) структуры, от идеализированных. Простейшие абстрактные объекты могут быть реализованы, хотя их производные комбинации могут быть чисто логическими и непосредственно не реализуемы. Идеализированные объекты не могут быть реализованы иначе, чем в представлении, т.к. их существенные черты и свойства несовместимы с эмпирически данными вещами мира (отсутствие величины у материальной точки или несжимаемость абсолютно твердого тела). Развитая теория обладает собственными идеализированными объектами. Они недоопределены опытом, составляют концептуальный базис теории и возникают благодаря абстрагированию и последующей идеализации.

Дополним и несколько изменим предложенную А.И. Липкиным⁹ концепцию строения раздела науки и движения в нем знания. Сохраняя его концепты «производства объекта», «состояния системы», движения в математическом слое и «оператора измерения», рассмотрим в качестве концептуального базиса научной теории не «первичные идеальные объекты», а «базисные идеализированные объекты» (обозначая их БИО). Заметим, что БИО отвечают понятию «идеи» у Канта — основаны на опыте, но не зависят от него. Идеализированный объект в классической науке получается при переходе к предельному состоянию, который осуществляется в идеальном представлении, работающем с идеальными объектами. Поэтому он сохраняет некоторые моменты исходного предметного смысла, но приобретает нереализуемые свойства. Можно сказать, что он пополняет и замыкает эмпирический универсум, который создается на базе приближенных данных, производя переход к математическому универсуму, в котором в идеальном представлении возможна предельная точность.

Другой модифицируемый концепт А.И. Липкина — «вторичный идеальный объект» — основан на том, что наука занимается не только чистой теорией, но и задачами и приложениями. При этом имеют дело не со всей теорией, а с частной моделью, создаваемой для решения некой задачи. Они содержат БИО как элементы конструкции и имеют предметный смысл частной решаемой задачи. Такой предметный смысл

проявляется, когда из возможных моделей нужно выбрать ту, что соответствует предметному смыслу задачи (задача может иметь формальное решение, не имеющее предметного смысла). Естественно назвать такие компоненты науки «модельными идеализированными объектами» и обозначить МИО.

Более того, следует расширить область применения МИО на другие случаи построения научных моделей. Можно рассматривать эксперименты и наблюдения как частные случаи решения научных задач. Тогда в число объективируемых структур включаются разные виды экспериментов, в том числе «мысленные эксперименты»¹⁰. Другой тип объективирования теоретических объектов получается благодаря вычислительным средствам не только при обработке эмпирических данных, но и в «вычислительных экспериментах», где результаты реализованы в некотором смысле «физически», «в железе», хотя есть трудности с их прямой эмпирической интерпретацией.

В математическом естествознании можно фиксировать пополнение или изменение онтологии математической и физической модели: вводятся новые типы теоретических объектов с новыми свойствами, они получают особое математическое представление и т.д. Такие изменения онтологии теоретических моделей происходили в истории науки Нового времени неоднократно. Работа И. Ньютона¹¹ «Математические начала натуральной философии» сформировала первую парадигму нового этапа развития естественных наук. То же проделали и Н.И. Лобачевский, и Б. Риман, оформив новую парадигму как собственно математики, так и ее отношения к физике¹². И можно утверждать, что выдающаяся роль математики в развитии других наук связана не просто с тем, что она дает вычислимые модели для многих конкретных мировых ситуаций. Ее модели обладают онтологической прочностью: если исходные данные полно характеризуют моделируемую ситуацию, и их функциональные соотношения установлены правильно, то результаты расчета обязательно будут близки к действительным значениям величин. Идея о принципиальной корреляции математики и мира была ключевой для большинства европейских и арабских ученых и мыслителей. Мы интерпретируем это так, что математика входит в арсенал средств других конкретных наук как средство моделирования онтологий¹³. Это продолжает идею Э. Гуссерля о формальной онтологии, изменяя ее значение. Формальная онтология у него — един-

ственное формальное основание любого сущностного представления, модифицируемое в региональных онтологиях. Мы же полагаем, что и в рамках самой математики есть не одна формальная онтология, а некое их разнообразие.

Среди важных моментов описания строения реальной науки надо указать на работу Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива» (1935). Он предвосхитил концепцию Т. Куна, осознанно рассматривая науку, далекую от физики, и свой критический анализ устройства научного познания противопоставил философии логического эмпиризма (М. Шлик, Р. Карнап, Г. Рейхенбах, К. Поппер и др.), для которой физика была образцом науки. Он описал историю одного научного факта, продемонстрировал изменчивость его установления и содержания, выдвинул тезис о наличии в науке не менее трех уровней существования знания — «наука переднего края», «журнальная наука» и «наука учебника», развил понятие «мыслительного коллектива»¹⁴.

Но развитый Л. Флеком подход имел и ограничения, что проявилось в недостаточном внимании к существованию «нормальной» (по Т. Куну) науки. Последнее связано с деятельным воспроизводством парадигмы как образцового результата реализации системной связи научного исследования в рамках общей теории. Существование и воспроизводство науки в этом режиме заключается по сути не в решении «головоломок», как полагал Т. Кун, а в инструментальном применении разработанных моделей (а) для решения повторяющихся типичных задач, и (б) при попытках расширения круга решаемых задач.

Наиболее интересны попытки применить разработанные модели и методы в качественно различных предметных областях, в междисциплинарных и комплексных исследованиях, при изучении сложных и сверхсложных объектов. При этом может происходить как распространение сферы применимости парадигмы на новые случаи, так и развитие или по меньшей мере изменение и уточнение старой парадигмы, но возможно становление оснований новой парадигмы в ходе применения методических средств парадигмы старой. При этом, вопреки принятому мнению о несоизмеримости оснований разных наук или теорий, на практике имеет место по меньшей мере формальное использование разработанных моделей (МИО) в задачах другого раздела науки.

Список литературы

1. *Баиляр Г.* Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987.
2. *Кошовец О., Вархотов Т.* Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 5-21.
3. *Липкин А.И.* Основания физики: Взгляд из теоретической физики. М.: ЛЕНАНД, 2014.
4. *Лукач Д.* Своеобразие эстетического: Т. 1. М.: Прогресс, 1985.
5. *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Дом интеллектуальной книги. 1999.
6. *Фролов И.Э.* Проблемы капитализации российской науки: продуктивность, результативность, эффективность // Проблемы прогнозирования. 2015. № 3. С. 3-20.
7. *Чусов А.В.* Обоснование математики: логическая норма или предметно-конструктивная реальность. // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж: издат.-полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2006. С. 175-230.
8. *Чусов А.В.* Об изменении онтологии понимания пространства в XIX веке. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 4. С. 64-74.
9. *Чусов А.В.* О перспективах развития методологии науки: моделирование, объективация, общая структура метода // Вопросы философии, 2012. № 1. С. 60-70.
10. *Чусов А.В.* Математика как объективация: развивающаяся онтология предмета // 23 World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life. Abstracts. Grec Philosophical Society Athens, 2013. С. 120-121.
11. *Чусов А.В.* О категориях математического и физического методов у Ньютона // Философия, наука, гуманитарное знание. Сборник статей /отв. ред. В.Г. Кузнецов, А.А. Печенкин. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 200 с. С. 117-143.
12. 2017 Global R&D Funding Forecast. A Supplement to R&D Magazine. Winter 2017.
13. 2017 Global R&D Funding Forecast
14. См., напр.: *Фролов И.Э.* Проблемы капитализации российской науки: продуктивность, результативность, эффективность // Проблемы прогнозирования. 2015. № 3. С. 3-20.
15. *Баиляр Г.* Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. С. 36.
16. *Чусов А.В.* О перспективах развития методологии науки: моделирование, объективация, общая структура метода // Вопросы философии, 2012. № 1.
17. Вслед за ним, в концепциях многих философов принято отношение к объективации как к неподлинному, ущербному бытию.
18. *Лукач Д.* Своеобразие эстетического: Т. 1. М. Прогресс, 1985. С. 29.
19. Динамические задачи решаются (приближенно) в случае малого числа движущихся объектов. Но при увеличении числа объектов общих динамических решений нет, и приходится переходить к нелинейной динамике или статистической физике.
20. *Чусов А.В.* Обоснование математики: логическая норма или предметно-конструктивная реальность // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж: издат. полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2006. С. 183.
21. *Липкин А.И.* Основания физики: Взгляд из теоретической физики. М.: ЛЕНАНД, 2014.
22. «Мысленные эксперименты» относятся к идеализированной мировой ситуации, и в них функционируют теоретические объекты, имеющие предметный смысл, напр., в современной экономике Кошовец О., Вархотов Т. Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории // Вопросы экономики. 2015. № 2.
23. *Чусов А.В.* О категориях математического и физического методов у Ньютона // Философия, наука, гуманитарное знание. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 134.
24. *Чусов А.В.* Об изменении онтологии понимания пространства в XIX веке. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 4.
25. *Чусов А.В.* Математика как объективация: развивающаяся онтология предмета // 23 World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life. Abstracts. Grec Philosophical Society Athens, 2013.
26. Оно позволяет выделять структуры осознания научной деятельности и ее результатов самими исследователями иначе, чем это делают психоаналитические построения, скажем, Ж. Лакана и обнаруживает близость, скорее, к микроистории

On the interpretation of extremism in modern Russia

Об интерпретации экстремизма в современной России

Dmitriy Vladimirovich Shikunov,
candidate of political sciences, associate Professor,
deputy head of the Department of Sociology and Political
Science of the Moscow University MIA of Russia
named after V. Ya. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Дмитрий Владимирович Шикунов,
кандидат политических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры социологии
и политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. This article proposes to comprehend the boundaries of the concept of «extremism» from the point of view of law and law enforcement practice in modern Russia.

Key words: extremism, extremist crimes, law enforcement practice, court decisions, human rights organizations, Internet resources, social networks

Аннотация. Статья предлагает осмыслить границы содержания понятия «экстремизм» с точки зрения права и правоприменительной практики в современной России

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, правоприменительная практика, судебные решения, правозащитные организации, ресурсы интернет, социальные сети

В настоящее время мы наблюдаем изменение отношения к понятию «экстремизм». Само понятие содержит три основных подхода — социологический, политический и правовой.

Социологический подход представляет широкую оценку этого социального явления современного общества с точки зрения определенного социального феномена и означает приверженность той или иной массовой общности, группы к радикальным взглядам и методам борьбы для достижения определенного идеала. Здесь можно говорить о различных видах экстремизма и формах его проявления, — левый и правый, социально-политический и религиозный и т.п. В этом случае экстремизм, как крайняя форма выражения социального протеста, представляет взгляды или идеологию, основанные на социальной, расовой, этнической или религиозной ненависти (вражде) и сопряженные с насильственными действиями, направленными против существующих общественных порядков или отдельных лиц.

Политическая составляющая экстремизма выводит нас на оценку радикально настроенных по отношению к правящему режиму политических организаций и их лидеров, стремящихся к завоеванию политической власти или влиянию на нее. В условиях демократического политического режима экстремистами обычно объявляют тех, кто в пылу политической борьбы использует нелегальные методы достижения своих целей, —

массовые демонстрации протеста, забастовки, террористическую деятельность. В условиях авторитаризма у правящего режима появляется соблазн назвать экстремистами своих политических оппонентов, постараться не дать им участвовать в легальной политической борьбе, ограничить их деятельность законодательно.

Правовая составляющая определена законом и содержит четко определенную правовую норму. В соответствии с примечанием к ст. 282.1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Основным объектом преступления здесь являются общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны конституционного строя, политической системы и безопасности РФ.

Попробуем остановиться на политико-правовой составляющей экстремизма.

Сами статьи УК РФ по экстремизму появились в качестве защитной реакции государства в условиях противостояния религиозному экстремизму и терроризму во время второй чеченской войны, как правовой инструмент борьбы против расплывавшегося по России исламского фундаментализма.

Однако за последнее десятилетие направленность указанных статей несколько изменилась.

Особо активно стали применять нормы 280 и 282 статей против представителей так называемой внесистемной оппозиции, борцов с «антинародным режимом». Статистика правоприменительной практики последних лет доказывает, что суды все более активно привлекают к ответственности по этим статьям как явных оппозиционеров, лидеров оппозиционного движения, так и просто недовольных властью и выражающих это недовольство через ресурсы интернет и социальные сети.

За 2017 г. по делам об экстремизме в России были осуждены 604 человека. Из них большинство было осуждено по ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Для сравнения в 2012 году по статьям 280—282.3 были осуждены 187 человек, т.е. рост более чем в 3 раза¹.

В связи с этим многие правозащитные организации (Международная правозащитная группа «Агора», Информационно-аналитический центр «Сова» и др.) проводят постоянный мониторинг правоприменительной практики по статьям УК РФ экстремистской направленности.

Смысл подобной работы правозащитных организаций состоит не только в оказании непосредственной защиты лицам, привлекаемым по этим делам, но и возможность оказывать влияние на государственные органы и их руководство в принятии того или иного решения.

Ранее Верховный Суд РФ уже принимал постановления относительно практики правоприменения статей УК экстремистской направленности.

28 июня 2011 г. Пленум Верховного суда РФ принял постановление «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», напомнив судам, что в России «признается политическое и идеологическое многообразие», и, несмотря на то, что закон запрещает создавать общественные объединения для насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности страны, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной». «Если человек имеет определенные убеждения, критика допустима, а если он призывает, грубо говоря, всех уничтожать, то вот это уже наказуемо».

Пункт 7 постановления в первой своей части объясняет характер противоправных действий: «Действие, направленное на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц под призывами пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по ч. 1 ст. 282 УК только в том случае, если они совершены публично или

с использованием средств массовой информации, например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, информационных или телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, и иные подобные действия, в том числе, рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц».

Верховный суд разграничил призыв к действиям и просто критику: «Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических и религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не может рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды».

Пресс-секретарь Верховного суда Павел Одинцов дал пояснение по этому поводу: «Если человек имеет определенные убеждения, критика допустима, а если он призывает, грубо говоря, всех уничтожать, то вот это уже наказуемо. И даже если некто вызывает ненависть к какой-либо социальной группе (например, «чиновники»), но не призывает что-нибудь с ними делать, то это допускается и не квалифицируется по данным признакам».

Статистика показывает, что численность уголовных дел, возбуждаемых по публикациям в соцсетях, за последнее время значительно выросла. Общественную огласку получили дела, по которым «лайки» и «репосты» молодых людей попадали под положения ст. 282 УК РФ. Причем дела могут возбуждаться по довольно абсурдным основаниям, например репост анекдота на тему выборов. По данным Верховного Суда РФ, в прошлом году за преступления экстремистской направленности были осуждены 783 человека, из них более 580 — по ст. 282, большинство — за публикации в интернете².

В связи с этим 20 сентября 2018 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении дополнил разъяснениями свое прежнее постановление от 2011 года.

В постановлении дается разъяснение судам, как они должны изучать дела о распространении экстремистской информации в интернет-пространстве. Судьи должны тщательно проверять наличие не только повода, но и основания для возбуждения уголовного дела, к которому относится не только сам факт размещения информации, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния и его мотив. Они должны убедиться в наличии именно умысла у совершающего действия, направленные на нарушение основ конституционного строя, а также

на возбуждение ненависти или вражды либо унижение достоинства человека или группы лиц³.

Кроме того, необходимо учитывать содержание размещенной информации, комментарии автора, факт создания или репоста, сведения о деятельности пользователя до и после размещения информации, в том числе попытки расширить аудиторию. Оценке подлежит личность обвиняемого, его приверженность к радикальной идеологии и участие в экстремистских сообществах. При этом заключение эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности не имеет заранее установленной силы и не обладает преимуществом перед другими доказательствами.

Отвечая на вопросы журналистов, заместитель Председателя Верховного Суда РФ Владимир Давыдов подчеркнул, что «в Уголовном кодексе РФ нет ответственности за репосты и лайки, есть ответственность за деяния, направленные на возбуждение ненависти и вражды».

В ходе программы «Прямая линия» 7 июня 2018 г. писатель и депутат Государственной Думы Сергей Шаргунов обратил внимание Главы государства на то, что Россия всегда была страной свободомыслия, однако в последнее время участились случаи возбуждения уголовных дел за экстремизм там, где состава этого преступления нет. Вопрос был задан ровно через месяц после вынесения решения об экстремизации КПЕ судьей Скрыбиным А.В. в Майкопе: «Россия всегда была вопреки всему страной свободомыслия. В последнее время я получаю много тревожных сигналов из провинции. Молодых патриотичных ребят осудили за создание группы по проведению референдума об ответственности власти в стране. Нет ли смысла приостановить тех, кто ведет подобные дела?»

Президент ответил, что судебная правоприменительная практика, безусловно, должна находиться в поле зрения общественности, и это важно «если речь идет о распространении именно такой информации, которая является экстремистской, то, конечно, должны применяться общие правила: нарушил — ответь. Но нужно определиться с самими понятиями, что это такое. Не нужно доводить все до маразма и до абсурда, как вы сказали. Полностью с вами согласен». В.В. Путин заявил, что попросит коллег из ОНФ проанализировать, что происходит. Также президент считает, что к обсуждению следует привлечь и Верховный суд.

26 июня 2018 г. Президент Российской Федерации дал поручение Общероссийскому общественному движению «Народный фронт «За Россию» совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации в срок до 15 сентября 2018 г. провести анализ использования

в правоприменительной практике понятий «экстремистское сообщество» и «преступление экстремистской направленности».

Активную работу в этом направлении провел и Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. К концу августа 2018 г. он подготовил рекомендации по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения.

Совет при Президенте отметил, что одним из факторов, способствовавших активизации общественной дискуссии, стали резонансные уголовные дела, возбужденные в ряде регионов России в отношении физических лиц по ст. 280, 282 и другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по фактам распространения текстовых, фотографических и иных материалов в социальных сетях. «Во многих из указанных уголовных дел имело место избыточно широкое, а иногда и ошибочное толкование норм права. В свою очередь, чем более широкое толкование дается понятию «экстремизм», тем большее число людей оказывается экстремистами»⁴.

Совет в своем решении от 22 августа 2018 г. предложил целый ряд мер по совершенствованию административного и уголовного законодательства (сузить легальное определение экстремистской деятельности, декриминализировать ч. 1 ст. 282 УК РФ, по которой выносятся наибольшее число обвинительных приговоров за экстремистскую деятельность и др.), по совершенствованию судебной и правоприменительной практики, которые в целом должны способствовать тому, чтобы уголовная ответственность настигала «именно тех субъектов, чья деятельность непосредственно связана с применением насилия, на предотвращение которого объективно нацелено антиэкстремистское законодательство».

* * *

Таким образом, мы видим, что развернувшаяся общественная дискуссия относительно широты толкования экстремизма и экстремистской деятельности еще не окончена. В дискуссию включились как государственные органы, так и многие общественные организации. Можно предположить, что в перспективе произойдет корректировка законодательства, связанного с преступлениями экстремистской направленности.

¹ См.: <http://president-sovet.ru/documents/read/607>

² См.: <https://credo.press/monitoring-smi-s-repostov-i-lajkov-snyato-obvinenie-i-verhovnyj-sud-rf-utochnil-kak-sudy-dolzhen-rassmatrivat-dela-ekstremistskoj-napravlenosti-i/>

³ См.: <https://www.newsru.com/russia/20sep2018/razyasnili.html>

⁴ См.: <http://president-sovet.ru/documents/read/607>